

Вестник АЛЪЯНС-АРХЕО

Вестник
АЛЪЯНС-АРХЕО

26

Москва
Санкт-Петербург
2018

Научно-исследовательское и издательское объединение «Альянс-Архео» осуществляет выпуск электронного издания, на страницах которого размещаются материалы, отражающие результаты исторических и историко-методических исследований, а также представляются публикации нарративных, документальных и изобразительных памятников.

Редактор *С. Н. Кистерев*

*Вестник «Альянс-Архео» издается научно-исследовательским
и издательским объединением «Альянс-Архео»
и распространяется исключительно в электронном виде*

*Журнал индексируется в научной библиотеке КиберЛенинка
и поддерживает современный стандарт научной коммуникации —
открытый доступ к науке и открытые лицензии*

О. Л. Новикова

**РЕДАКЦИИ ПЕРЕВОДА
ЖИТИЯ ГРИГОРИЯ ОМИРИТСКОГО
И РУКОПИСЬ ДОСИФЕЯ СОЛОВЕЦКОГО**

Житие Григория епископа Омиритского и включенное в него «Прение с Ерваном» рассказывают о личности негранского епископа, жившего в первой половине VI века, и о его дискуссиях в царском дворце аравийского города Дафара с еврейским мудрецом, сторонником ветхозаветного учения, Ерваном, завершившихся победой епископа и крещением его противников.

Достаточно обширная славянская рукописная традиция этого византийского памятника¹ с первых попыток ее изучения привела к появлению ряда догадок и предположений, касающихся, прежде всего, времени и места перевода его текста. Тем не менее к настоящему времени самые основные вопросы исследователями решены, а дополнительные историографические и археографические разыскания позволяют более явственно представить судьбу текста памятника на русской почве.

Еще П. М. Строев обратил внимание на два вида приписок к основному тексту, сохранившихся в русских списках Жития. Одна из них сообщает о переводе этого текста с греческого языка на русский неким преподобным отцом Антонием («Преподобному отцу Антонию вѣчнаа память, преведшему сию книгу съ гречьскаго языка на русский»). П. М. Строев отметил лишь самые основные характеристики рукописи, откуда воспроизвел эту приписку, но не указал порядко-

---

¹ В монастырских описях и в надписях на самих кодексах книга часто называлась «Герван», «Ерван» или просто «Григорий Омитрицкий». С наблюдениями А. В. Кузьмина и Ю. Д. Рыкова можно лишь согласиться (*Кузьмин А. В., Рыков Ю. Д.* Новые источники по истории вологодских монастырей // Вестник церковной истории. 2013. № 3/4 (31/32). С. 367–374).

вого номера в составе собрания Софийской библиотеки.² В другой записи сведения о переводе сформулированы иначе: «Отцу же моему коуръ Андронию вѣчная память, иже преведе сию книгу отъ грѣчскаго извода». Ниже приведены дополнительные сведения о месте ее изначальной переписки, то есть копия записи изготовителя списка: «Въ лѣто 6940 съписася книга сиа в святой горѣ Афонсѣи, во обители царьстѣи пречистыя владычица нашеа богородица приснодѣвы Мариамъ, въ нарицаемѣи лаврѣ преподобнаго и богоноснаго отца нашего Афонасия, под крилиемъ святаго Григория Паламы и преподобнаго отца нашего Петра Атонскаго, въ кущи святаго и славнаго пророка Илии; переписася рукою многогрѣшнаго и смиреннаго инока Афанасия Русина». Последняя запись была обнаружена П. М. Строевым в рукописи, переписанной писцом Емельяном в середине XV века (ныне — РНБ, Кир-Бел. 45/1284 (далее — КБ-45)), который и работал с оригиналом Афанасия Русина.³

Эти скудные, но очень важные с библиографической точки зрения сведения остались за пределами внимания И. В. Помяловского, который привлек при издании текста Жития Саввы Освященного описанный П. М. Строевым Софийский сборник, и указал его шифр — Соф. 1210.⁴

И. В. Помяловский рассмотрел состав сборника, привел текст записи об Антонии и его переводе Жития Григория Омиритского на русский язык, но, в отличие от П. М. Строева, датировал рукопись XVII столетием.⁵ Вскоре после этого труд И. В. Помяловского был использован А. А. Шахматовым, который, ознакомившись по нему с текстом записи о переводе Жития, высказал осторожное предположение о личности переводчика. Названный в приписке преподобным отец Антоний был соотнесен исследователем с Антонием Печерским,⁶ и таким образом перевод Жития Григория Омиритского был

---

² «В л[ист], XV века, 386 лист[ов]» (*Строев П. М. Библиологический словарь и черновые к нему материалы* // СОРЯС. Т. 29. 1882. С. 19–20). Приписка о переводе текста на русский язык читалась и в Соловецком списке конца XV в., указанном в труде П. М. Строева с № 65 (Там же. С. 20).

³ *Строев П. М. Библиологический словарь...* С. 19–20.

⁴ Об этом мы теперь можем судить на основании совпадения сведений о количестве листов, формата и местоположения Жития Григория Омиритского.

⁵ *Помяловский И. В. Житие Саввы Освященного, составленное св. Кириллом Скифопольским, в древнерусском переводе.* СПб., 1890. (ОЛДП. Вып. 96). С. XIII–XVIII. Запись приведена на с. XVI.

⁶ *Шахматов А. А. История русского летописания.* Т. 1. Кн. 2. СПб., 2003. С. 20. Примеч. 2. Впервые напечатано: ИОРЯС. 1896. Т. 1. Кн. 1. С. 48. Примеч. 2. Добавим, что ассоциация с Антонием Печерским еще задолго до А. А. Шахматова —

причислен к числу русских и достаточно древних. Между тем, несколько ранее А. И. Соболевский обращал внимание на факт отсутствия списков Жития в рукописной традиции до XV века, высказывая мнение о южнославянском переводе памятника.⁷ Предположение А. А. Шахматова, впрочем, достаточно быстро было отвергнуто А. И. Яцимирским, обнаружившим рукопись из собрания Нямецкого монастыря, переписанную сербским книжником Афанасием на Афоне в 1462 г. и содержащую Паренесис Ефрема Сирина, Житие Феодосия Великого и Житие Григория Омиритского, продолженное Прением с Ерваном.⁸ Текст Жития Григория в этом сборнике завершается припиской о переводе этих книг с греческого языка на сербский: «отцу же нашему и ктитору святаго мѣста сего кур Андониу, вечна память, иже прѣведе сию книгу от грѣчкаго извода на срѣбскы».⁹ А. И. Яцимирский отметил еще один факт: помета, упоминающая перевод Жития на русский язык, обнаруживается не только в сборнике из Софийской библиотеки, но и в *«более старых рукописях»*, например, Успенском списке Макарьевских Четыи Минеи (курсив мой. — О. Н.).¹⁰

Следует добавить, что наличие в ряде рукописей сведений о русском переводе отмечалось и до выхода трудов А. И. Яцимирского и П. М. Строева. Так, в развернутом описании сербского сборника 1581 года из собрания А. И. Хлудова, выполненном А. Н. Поповым, указан целый ряд списков Жития Григория Омиритского из собраний Н. П. Румянцева, В. М. Ундольского и И. Н. Царского, в том числе, и рукописи, содержащие записи с упоминанием перевода на русский.¹¹ Более того, именно А. Н. Попову принадлежат первичные, но, к сожалению, слишком кратко изложенные наблюдения о существовании «русской» и «сербской» редакций Жития. Определяя так

в первой четверти XVI века — появилась у одного из писцов рукописи РГАДА. Ф. 196. Собр. Мазурина. Оп. 1. № 653, и он расширил запись об Антонии следующим образом: «игумену честныа обители Печеры Киевския, иже в Руской земли просиавше». Описание рукописи см.: Каталог славяно-русских рукописных книг XVI века, хранящихся в Российском государственном архиве древних актов. Вып. 1. М., 2006. С. 135–137.

⁷ Соболевский А. И. Южно-славянское влияние на русскую письменность в XIV–XV веках. СПб., 1894. С. 7.

⁸ Яцимирский А. И. Мелкие тексты и заметки по старинной славянской и русской литературе // ИОРЯС. 1898. Т. 3. Кн. 1. СПб., 1898. С. 149–152.

⁹ Яцимирский А. И. Славянские и русские рукописи румынских библиотек. СПб., 1905. С. 719.

¹⁰ Яцимирский А. И. Мелкие тексты и заметки... С. 149.

¹¹ Попов А. Н. Описание рукописей и каталог книг церковной печати библиотеки А. И. Хлудова. М., 1872. С. 476–477.

редакции, А. Н. Попов опирался лишь на отличия в правописании, характерные для сербских и русских списков. Примеров, демонстрирующих какие-либо текстуальные особенности той или другой редакции, исследователь не привел,¹² что позволяет говорить о том, что под редакциями А. Н. Попов понимал, скорее, изводы.

Перечень списков Жития Григория Омиритского был существенно расширен Н. К. Никольским, который согласился с мнением А. И. Яцимирского о сербском происхождении перевода, и, вслед за А. Н. Поповым, упомянул существование группы рукописей с припиской, упоминающей русский язык.¹³ С тех пор вопросы о русском переводе Жития, а также о существовании разных редакций в историографии, кажется, не поднимались. Исследователей больше интересовали русско-афонские связи, пути появления на Руси южнославянских рукописных книг и переводов.¹⁴ Наблюдения А. И. Яцимирского были поддержаны и уточнены сербскими исследователями, а обнаружение ранних сербских списков памятника поставило точку в вопросе об авторе перевода греческого текста — исследователи сошлись на том, что Житие вместе с книгой «Прение с Ерваном» переведено на Афоне во второй половине XIV века сербским монахом Антонием (Багашем).¹⁵ Самым старшим известным южнославянским списком считается рукопись из монастыря Высокие Дечаны (Деч. 98.) последней четверти XIV века.¹⁶

Публикация текста памятника, осуществленная по Успенскому списку Великих Миней Четых (далее — ВМЧ),¹⁷ несмотря на отмеченную А. И. Яцимирским особенность — наличие приписки о переводе Жития на русский язык — до сих пор является единственной. Она оказалась, своего рода, опорной точкой для изучения как русских

¹² Попов А. Н. Описание рукописей... С. 476–477.

¹³ Никольский Н. К. Материалы для повременного списка русских писателей и их сочинений (X–XI вв.). Корректурное издание. СПб., 1906. С. 153–154.

¹⁴ Вздорнов Г. И. Роль славянских монастырских мастерских письма Константинополя и Афона в развитии книгописания и художественного оформления русских рукописей на рубеже XIV–XV вв. // ТОДРЛ. Т. 23. М.; Л., 1968. С. 171–198.

¹⁵ Трифуновић Ђ. Стара српска књижевност: Основе. Београд, 1995. С. 241; Турилов А. А. 1) Антоний (Багаш) // ПЭ. Т. 2. М., 2001. С. 616; 2) Григентий. Почитание у южных славян и на Руси // ПЭ. Т. 12. [М., 2006]. С. 448.

¹⁶ Турилов А. А. Антоний... С. 616; О балканских списках Жития см. также: Иванова К. Bibliotheca Hagiografica Balcano-Slavica. София, 2008. С. 366–368.

¹⁷ ВМЧ. Декабрь. Дни 18–23. М., 1907. Стб. 1207–1438. В издании комплект миней Успенского собора назван Царским и наоборот (Описание рукописей Синодального собрания (не вошедших в описание А. В. Горского и К. И. Невоструева). Ч. 1. М., 1970. С. 172), что следует учитывать при анализе подстрочных примечаний к тексту Жития.

списков памятника,¹⁸ так и балканских.¹⁹ Между тем, текст, представленный в ВМЧ, имеет отличия и от текста сербского списка (Деч. 98), насколько мы можем судить по опубликованным фотографиям отдельных листов,²⁰ и от текста русских списков, причем именно тех, которые не имеют упоминания о переводе на русский язык. При этом говорить о двух разных переводах нет никаких оснований, что продемонстрировано примером, включенным в свое описание А. Н. Поповым.²¹ В связи с этим возникают вопросы: не связано ли каким-либо образом появление в некоторых русских списках Жития Григория Омиритского упоминания о переводе на русский язык с изменением южнославянского текста, произведенным русским редактором, и к какому времени может быть отнесено такое редактирование?

Сопоставление доступных нам фрагментов текста из рукописи Деч. 98²² с соответствующими местами Жития из рукописи, переписанной дьяконом Емельяном и восходящей непосредственно к списку Афанасия Русина, не вызывает и малейших сомнений в том, что в основе последнего лежит аналогичный южнославянский текст.

Деч. 98	КБ-45 (копия Емельяна со списка Афанасия Русина)
Житие и жизнь преподобнаго отца нашего Григория, епископа бывша иже въ Омиритѣ града Тафарона, и повѣсть о съдѣянных чудесех от него, съписанна от епископа града Неграньска (л. 1).	Месяца декавриа 19 день. Житие и жизнь преподобнаго отца нашего Григория, епископа быиша иже въ Омиритѣ града Тафарона, и повѣсти о съдѣянных чудесѣх от него, съписанна от епископа града Неграньска (л. 1).
...въ сиеи же бѣху иже чюднаго Григория родителие Агapie и Феодотиа, съвъкуплѣшесе по законѣхъ Христовѣхъ и достойно хотещаго от нихъ родитисе, раждають блаженнаго сего Григория, и наказують по апостолу... (л. 1).	...въ сиеи же бѣху иже чюднаго Григория родителие Агapie и Феодотиа, съвъкуплѣшася по законѣхъ Христовѣхъ и достойно хотящаго от нихъ родитисе, раждають блаженнаго сего Григория, и наказують по апостолу... (л. 1).
Конецъ молитвъ. Да яко рече вѣрнии народъ и вельможе съ царемъ: аминь — бѣху бо всемъ очи на него сматрающе — трусь велеи бысть и възгрѣмѣ велма съ крѣпостию от вѣстока, елико трепетомъ обдрѣжатисе всѣмъ и пасти на землю ниць.	Да яко же рече вѣрнии народъ и вельможе съ царемъ: аминь. Конецъ молитвъ. Бѣху бо всѣмъ очи сматрающе его и трусь велеи бысть и възгрѣмѣ велма съ крѣпостию от вѣ/стока, елико трепетомъ обдрѣжатисе всѣмъ и пастися на землю ниць.

¹⁸ См.: *Творогов О. В.* Переводные жития в русской книжности XI–XV веков. Каталог. М.; СПб., 2008. С. 42.

¹⁹ См.: *Иванова К.* Bibliotheca Hagiografica... С. 366–368.

²⁰ *Опис ѣирилскихъ рукописнихъ књига манастира Високи Дечани.* Кн. 3. Палеографски албум. Београд, 2012. Ил. 137–139.

²¹ *Попов А. Н.* Описание рукописей... С. 477.

²² *Опис ѣирилскихъ рукописнихъ књига...* Ил. 137, 139.

Деч. 98	КБ-45 (копия Емельяна со списка Афанасия Русина)
По малѣ убо вѣставши имѣ всѣмъ и къ вѣстоку вѣнимающимъ, зрѣть: и се отврѣзошася дѣври небесныя, и облакъ свѣтлъ полетѣвши оттуду, огнянъ пламень от краевъ испущающии, съходяше на землю. Посрѣди же облака зрѣшеся мужъ, паче всѣхъ сыновъ человѣческихъ добротою, краснѣ убо лицемъ прѣсвѣтлъ же одеждою, и бѣ вънутрѣ облака... (л. 234 об.).	По малѣ убо вѣставшимъ всѣмъ и къ вѣстоку вѣнимающимъ, зрѣть: и се отврѣзошася дѣври небесныя, и облакъ свѣтлъ полетѣвши оттуду, огнянъ пламень от края испущающа, съходяше на землю. Посрѣди же облака зряшеся мужъ, паче всѣхъ сыновъ человѣческихъ добротою, краснѣ убо лицемъ, прѣсвѣтлъ же одеждою, бѣ вънутрѣ облака... (л. 248 об.-249).

Мы видим, что отличия минимальны и носят в основном лишь орфографический характер. Очевидно также, что киноварная помета «Конец молитве», находилась, судя по всему, на поле оригинала, которым воспользовался Афанасий Русин, — для русских списков, отразивших рукопись последнего, характерно помещение этой глоссы на неподобающее место — чуть ниже, после слова «аминь», произнесенного вслед Григорию народом, вельможами и царем.²³ В сербских же списках киноварное указание «Конец молитвъ» логично следует после окончания молитвы Григория Омитриского.

Сопоставление с текстом, представленным в ВМЧ, демонстрирует иную картину. Мы можем наблюдать некоторую попытку приспособить текст Жития для чтения русским читателем.

КБ-45 (копия Емельяна со списка Афанасия Русина)	ВМЧ. 19 декабря
Месяца декавриа 19 день. Житие и жизнь преподобнаго отца нашего Григориа, епископа быиша иже въ Омирить града Тафарона, и повѣсти о съдѣанныхъ чудесѣхъ от него, съписанна от епископа града Неграньска (л. 1).	В тои же день житие преподобнаго отца нашего Григориа, епископа бывша иже въ Амирите града Тафарона, и повѣсть о съдѣанныхъ чудесѣхъ от него, <u>списана епископомъ</u> града Неграньскаго, <u>истинна и извѣстна</u> (стб. 1207).
...въ сиеи же бѣху иже чюднаго Григориа родители Агапие и Феодотиа, съвкуплешася по законѣхъ Христовѣхъ и достойно хотящаго от нихъ родитися, раждають блаженнаго сего Григориа, и наказуютъ по апостолу... (л. 1).	...въ сиеи же бѣху иже чюднаго Григориа родители Агапиа и Феодотиа, съвкуплешася <u>законнымъ брака съчтаниемъ, и по лѣтѣхъ</u> родиша блаженнаго сего Григориа, и въспитааше в наказании и разумѣ господни (стб. 1207).
Да якоже рече вѣрныи народъ и вельможие съ царемъ: аминь. Конецъ молитвъ.	Да якоже рече вѣрныи народъ съ царемъ: аминь — бѣху бо всѣмъ очи сматряюще

²³ См. и в других рукописях, отразивших ту же редакцию: РНБ, Кир.-Бел. 84/209 (далее — КБ-84). Л. 395 об.; Погод. 1034. Л. 241 об. (списки второй половины XV века).

КБ-45 (копия Емельяна со списка Афанасия Русина)	ВМЧ. 19 декабря
<p>Бѣху бо всѣмъ очи сѣматрающе его и трусь велии бысть и възгремѣ велма съ крѣпостию от вѣ//стока, елико трепетомъ обѣдрѣжати всѣмъ и пастися на землю ницѣ. По малѣ убо вѣставшимъ всѣмъ и къ вѣстоку вѣнимающимъ, зрять: и се отврѣзошася двери небесныя, и облакъ свѣтель полѣтѣвше оттуду, огнении пламень от края вѣиспущающа, сѣхождаше на землю. Посрѣди же облака зряшеся мужъ, паче всѣхъ сыновъ челоувѣческихъ добротою, красенъ убо лицемъ, пресвѣтлъ же одеждѣми, бѣ внутрь облака... (л. 248 об.–249).</p>	<p>его — и бысть трусь великъ и громъ страшенъ от вѣстока, <u>яко и земли поколѣбѣтисѣ</u>, и всѣмъ от страха пасти. И по малѣ вѣставше, и всѣмъ къ вѣстоку вѣнимающимъ, зрять: и се отврѣзошася двери небесныя, и облакъ свѣтель <u>поиде оттуду</u>, и огнь пламененъ от краи испущающа, и луча солнечныя оттуду <u>сиаше</u>, и <u>прииде</u> на землю. Посрѣдѣ же облака зряшеся мужъ, паче сыновъ челоувѣческихъ добротою и лицемъ <u>неизреченною красотою сиаа</u>, <u>прѣсвѣтлыми и благолѣпными одеждѣми</u> <u>паче злата блистаяся</u>... (стб. 1431–1432).</p>

Мы видим, что некоторые словосочетания заменены более удобными: вместо «сѣписанна от епископа» — «списана епископомъ», фраза «сѣвъкуплешася по законѣхъ Христовѣхъ» передана более конкретно «сѣвъкуплешася законнымъ брака сѣчтаниемъ», выражение «и възгремѣ велма съ крѣпостию» заменено кратким «громъ страшенъ», конструкция «трепетомъ обѣдрѣжати всѣмъ и пастися на землю ницѣ» заменена простейшей: «всѣмъ от страха пасти». Даже чудо со светящимся облаком сопровождается логичным пояснением «луча солнечныя оттуду сиаше».

Некоторые важные подробности повествования усилены: вместо «красенъ убо лицемъ, пресвѣтлъ же одеждѣми» — «лицемъ неизреченною красотою сиаа, прѣсвѣтлыми и благолѣпными одеждѣми паче злата блистаяся». Кроме того, в тексте ВМЧ указание на конец молитвы Григория находится в правильном месте, куда оно было перемещено, видимо, по смыслу.

При редактировании были удалены некоторые киноварные пометы, еще в южнославянской традиции превратившиеся в смысловые заголовки,²⁴ например, киноварная запись на верхнем поле «Зри знамение страшна», предваряющая на л. 19 в КБ-45 рассказ об огне, поглотившем змея, в соответствующем месте текста ВМЧ отсутствует (стб. 1222). При этом в тексте ВМЧ встречаются мелкие заголовки, например: «Молитва» и «Чудо» (стб. 1219), которых в копиях с южнославянских списков нет, а также — уже на пространстве Прения с Ерваном — в тексте ВМЧ обнаруживаются заголовки к «прениям»:

²⁴ Иванова К. Bibliotheca Hagiografica... С. 367.

«Начало перваго сопрѣнія» (стб. 1225), «Начало втораго бесѣды и сопрѣнія архиепископу съ Ерваномъ и разрѣшение гнаніемъ» (стб. 1247), «Начало третиа бесѣды и сопрѣнія святѣишему архиепископу Григорию съ Ерваномъ и съ прочими евреискымъ множествомъ» (стб. 1303), «Начало четвертыя бесѣды святѣишаго архиепископа Григориа съ Ерваномъ. Словесы бо, яко працею, побиваа уста злочестивыхъ» (л. 1347). Для южнославянского текста, с которого была сделана копия, сохранившаяся в КБ-45, такие заголовки не свойственны, «прения» отделяются друг от друга лишь концовками: «Конецъ прѣваго сопрѣнія» (КБ-45. Л. 44 об.; КБ-84. Л. 253 об.; Погод. 1034. Л. 42), «Конецъ второму сопрѣнію» (КБ-45. Л. 105; КБ-84. Л. 294; Погод. 1034. Л. 100), «Конецъ третиаго сопрѣнія» (КБ-45. Л. 153 об.; КБ-84. Л. 328 об.; Погод. 1034. Л. 148), «Конецъ четвертому сопрѣнію» (КБ-45. Л. 216 об.; КБ-84. Л. 375; Погод. 1034. Л. 209). Впрочем, в тексте ВМЧ концовки такого типа сохранены, хотя текстуально расширены, иногда существенно: «Конецъ прѣвому сопрѣнію обоихъ бесѣдамъ» (стб. 1246), «Конецъ второму сопрѣнію Григорию архиепископу съ Ерваномъ» (стб. 1303), «Конецъ третиаго бесѣды и сопрѣнія блаженаго Григориа съ Ерваномъ. Изыде бо слово его, яко громъ, и устраши врагы Христовы, и оглохнуша уста и языкомъ, въкупѣ и ушима, и безъотвѣтны отидоша, внутреними боляще и сердцемъ расзѣдающеся» (стб. 1346).

Мелкие лексические и смысловые изменения заметны на всем протяжении текста Жития. Приведем наиболее важные из них.

КБ-45	ВМЧ. 19 декабря
Хиротонисанъ быв диякономъ от нѣкоего близъ суца ту епископа, явлению сподобившуся божественному — на свѣщникъ възложить свѣтилникъ... (л. 1 об.).	И по испълнении закона и по благодати Святаго Духа, хиротонисанъ бысть диакономъ от нѣкоего близъ суца богу епископа, явлению божествѣнному сице повелѣвшу, на свѣщникъ възложить свѣтилника... (стб. 1208).
Съдѣйствовааше же ему и вышняя благодать: изцѣлевааше и недужных, и бѣсы отгоняаше... (л. 2).	Способѣствоваше же ему вышняя благодать: исцѣляше недуги, и бѣсы отгоняаше... (стб. 1208).
Къ Риму же пошѣд, бываетъ въ Медиоламѣхъ... (л. 2).	Къ Риму же устремися ити, и достиже въ Медилоамы... (стб. 1208).
Любезно же приять бывъ от него, и зелиемъ учрѣженъ, разумъ хотящихъ ему въсприати от него прѣдънаучава/ется... (л. 2–2 об.).	Любезно же приять бывъ от него, и трапезу представъ, и духовнѣ насытившеся, и по сихъ разумъ хотящихъ ему въсприати от него предънаучается... (стб. 1208).
Удививжеся убо, паде ницъ на землю. Таже вѣставъ, идяше, увидѣти хотя являеющееся видѣние (л. 2 об.).	Удививжеся убо и страхомъ обѣять, паде ницъ на землю. Таже укрѣпився, вѣста, и въ себѣ дивяся, идяше, увѣдѣти бывшее хотя видѣнія явление (стб. 1209).

КБ-45	ВМЧ. 19 декабря
И полунощному убо часу... (л. 3).	И о полунощнѣи... (стб. 1209).
Обаче труды имаши подъяти от рода иудейскаго, непокоривымъ сущимъ... (л. 3 об.).	Обаче труды имаши подъяти от тамо живущих и непокоривых иудей... (стб. 1209).
...и слезами одѣждаваа землю (л. 4 об.).	...и слезами землю моча (стб. 1210).
Таже въ тѣи огнь вѣрженномъ бывшимъ народомъ скончашася о господи, нѣкихъ же и за мкою удави, препирающимъ же ся с нимъ, мечемъ уськну... (л. 7).	И в томъ огнѣ весь народ скончася о господѣ, нѣкихъ же и за мукою удави, и съпротивящихся ему мечемъ уськну... (стб. 1212).
Воиньства же законопреступнаго съдѣлованиемъ Христовѣмъ до конца потрѣби... (л. 8).	Воиньства же законопреступнаго по сражении брани до конца Христовымъ пособиемъ побѣдени и потреблении быша... (стб. 1213).
Повелеваетъ же патриархъ посту быти, и всенощное бдѣние (л. 9).	Умысли же патриархъ на молитву обратитися, и посту быти, и всенощному бдѣнию (стб. 1214).
Слезамъ же омакаа прѣси своя, тихо съдяше (л. 11 об.).	Слезамъ же омакаа ланитѣ свои, тихо съдяше (стб. 1215–1216).
Лице же его измѣнившись, яко снѣгъ было... (л. 12 об.).	Лицѣ же его, измѣнився, яко свѣтъ было... (стб. 1216).
Призвавъ же папа и посланныхъ отъ царя, самообразно видѣти бываемое надъ хиротонисаиннымъ епископомъ преславно знамение отъ господя, яко да не взмнится имъ глаголати по сихъ, яко отъ многѣхъ и прочихъ дасть // намъ архиереа... (л. 12 об.–13).	Призвавъ же папа и посланныхъ отъ царя, самовидцемъ сподобляа ихъ быти надъ хиротонисаннымъ епископомъ преславному знаменію отъ господя показаему, яко да възъглаголють по сихъ, яко и прочаго отъ многѣхъ дасть намъ архиереа... (стб. 1216–1217).
...увѣдѣвъ, откровения божія приемъ, того хиротониса, и посла его, и по хиротописани того, чюдеса дивная на немъ прояви богъ. Прославивъ убо царь бога о всѣхъ сихъ... (л. 14 об.).	...увѣдѣвъ, яко отъ божія откровения хиротони санъ тому дасться, и въ поставлении того, чюдеса дивная на немъ прояви богъ. И благодари царь бога о всѣхъ сихъ... (стб. 1218).
Царь же, ничтоже размысливъ, приносяа бие одежду царскую, и облече его, и диадиму възложи на главу ему. И в велику церковь пришедшимъ, иже въ имя Святыя Троица създаннѣ бывши, и священнѣи службѣ съврѣшившиися... (л. 16 об.).	Царь же, ничтоже пождавъ, повелѣ принести царскую одежду, и облече его, и диадиму възложи на главу его. И вышедше в соборную церковь, иже въ имя Святыя Троица създаннѣ бывшеи, и божественнѣи службѣ съврѣшившиися... (стб. 1220).
Бѣ нѣкто братъ юнѣишии, и посылаемъ // на службу, блудя и непотребно вина насыщаяся (л. 17 об.–18).	Бѣ нѣкто братъ юнѣишии, посылаемъ на службу, и бѣ блудя и вина много насыщаяся (стб. 1221).
Змии же, устыдѣвша слова, и ста, и отвѣщавъ змии человѣчьскимъ глаголомъ, рече к нему: «Кымъ образомъ уже поща/жду те... (л. 18–18 об.).	Змии же, устыдѣвша слова, ста и рече к нему: «Кымъ образомъ пощажу тебе... (стб. 1221).
Сему же стоящу и слышащу и удивляющуся, понеже яко человекъ глаголаше ему. Он же трепеща и яко первіе заклинааше его, и паки съ клятвою мляшеся пощадити его (л. 18 об.).	Инокъ же, сиа слышавъ, безъотвѣтенъ пребысть и удивися, слышавъ змиа, человѣчьскы глаголюща ему, и трепеща, моляше съ клятвою пощадѣти его (стб. 1221–1222).

КБ-45	ВМЧ. 19 декабря
Отвѣщавааше же паки змии, глагола ему: Кльнимися, яко не к тому творити съквръны желание, и оставлю тя (л. 18 об.).	И глагола ему змии: Что мя сице заклинаеши; нѣ кленимися прѣвѣ самъ, яко не к тому съврѣшиши скверная желания своя, и оставлю тя (стб. 1222).
...или главному мучению подлежати (л. 19 об.).	...или главной казни подлежати (стб. 1222).
Створиша вси по глаголу Ерванову писания и подаша царю (л. 21).	И сътворивше писание молебнo и просительно, пришедше, и въдаша царю (стб. 1224)

Можно также привести примеры мелких, но весьма значимых отличий между текстами, отразившим рукопись Афанасия Русина и читающимся в ВМЧ: «Венедиктъ сему имя» (л. 4 об.) — «Венедиктъ тому имя» (стб. 1210), «приходяща к нему» (л. 2 об., 5) — «грядуща къ нему» (стб. 1209, 1210), «въставъ к тому» (л. 5 об.) — «въсклонивъся к тому» (стб. 1211), «мало власы имуща на главѣ» (л. 6) — «мало власъ имуща на тылу главы» (стб. 1211), «препирающим же ся им с нимъ» (л. 7) — «съпротивящихся ему» (стб. 1212), «лобзавъ» (л. 10) — «цѣловавъ» (стб. 1214), «и съ глаголом» (л. 10) — «и съ гласомъ» (стб. 1214), «писания» (л. 10) — «послания» (стб. 1215), «и не брѣгъ ни о чесомъ» (л. 11 об.–12) — «и не радивъ ни о чесомъ» (стб. 1216), «исплънити писаннаа» (л. 12) — «исплънити... послание» (стб. 1216), «все видяшеся» (л. 12 об.) — «все являшеся» (стб. 1216), «к обѣду призва» (л. 13) — «на трапезу призывает» (стб. 1217), «отслати» (л. 13) — «отпустить» (стб. 1217), «поби» (л. 13 об.) — «погуби» (стб. 1217), «съзизда» (л. 13 об.) — «сътвори» (стб. 1217), «съзидал» (л. 14 об.) — «поставилъ» (стб. 1218), живяше (л. 14 об.) — пребывааше (стб. 1218), «идущу» (л. 15) — «грядущу» (стб. 1219), «царствия» (л. 15) — «дрѣжавы» (стб. 1219), «такo» (л. 15 об.) — «сице» (стб. 1219), «въ умъ же пришьд» (л. 18) — «въспоманувъ» (стб. 1221), «рекъ» (л. 18 об.) — «глаголя» (стб. 1222), «епископа хиротониса» (л. 19) — «епископа постави» (стб. 1222), «свидится» (л. 20) — «разумѣется» (стб. 1223), и др.

При издании ВМЧ публикаторы, сверив древнерусский текст Жития и Прения с сохранившимися фрагментами греческого,²⁵ отметили

²⁵ Migne J.-P. Patrologiae Cursus Completus. Series Graeca. Т. 86. Р. 563–784. А. А. Васильев, опубликовавший по синайской рукописи фрагменты Жития, содержащие лишь исторические и топографические указания, отметил, что текст у Миня отличается от синайского (Васильев А. А. Житие св. Григения, еп. Омиритского // ВВ. Т. 14. СПб., 1908. С. 67). Об изданиях, связанных с именем интересующего нас персонажа и осуществленных до Патрологии Миня см.: Там же. 24–27. С. К сожалению, версии Жития, сохранившиеся в греческих рукописях, остаются неизученными.

отсутствие в греческом варианте пространных фрагментов, а также отдельных слов или словосочетаний.²⁶

Наше внимание привлекла одна избыточная фраза, входящая в состав речи Ервана: «Ермалая льстеца прельстившася». В издании это место сопровождается отсылкой к труду А. В. Горского и К. И. Невоструева, которые при исследовании содержания «Прений Иакова Новокрещенного»,²⁷ обратили внимание на то, что в этом сочинении к упоминаниям антихриста добавлено имя «Ермолай».²⁸ По наблюдению К. И. Невоструева, имя «Ермолай» представляет собой непосредственно славянское искажение еврейского имени Армила, которым позднейшие иудеи именовали противника Христа, называемого христианами антихристом.²⁹

В связи с этим, отметим, что фразы про Ермолая-льстеца нет не только в греческом тексте, но и в списке Прения с Ерваном КБ-45, восходящем к рукописи Афанасия Русина, а следовательно, и во всей группе рукописей, без существенных изменений отразивших южнославянский перевод.³⁰

---

²⁶ ВМЧ. Стб. 1425. Примеч. 1.

²⁷ В рукописях текст озаглавлен следующим образом: «Вера и противление иудей, крестившихся во Африкии и Карфагене». В древнерусской книжной традиции — это «Книга Яков Жидовин», которая в современной научной литературе часто именуется «Поучением Иакова». Время появления памятника в русской книжности относится к числу пока еще недостаточно изученных вопросов, а наиболее ранний из известных списков датируется началом XV в. (*Пересветов-Мурат* А. Аграф пророка Ездры — вновь идентифицированный источник Речи Философа // ДРВМ. 2008. № 3. С. 48–49). Любопытный и важный факт, приведенный К. В. Вершининым и свидетельствующий о бытовании в XVII веке «харатейного списка» памятника, между тем, не позволяет однозначно судить о его глубокой древности, пергаменные рукописи могут относиться и к XV столетию (см.: *Вершинин* К. В. Мерило Праведное как памятник древнерусской книжности и права: Дис. ... канд. ист. наук. М., 2016. С. 25–26). Так или иначе, в рукописной традиции Житие Григория Омиритского и книга «Яков Жидовин», будучи близкими по жанру, зачастую помещались под один переплет (см.: например, сборник РГБ, ТСЛ. 772 и упоминание о таком сборнике в Переписной книге имущества Спасо-Каменного монастыря (Переписные книги вологодских монастырей XVI–XVIII вв. Вологда, 2011. С. 121)). Характерно, что и в ВМЧ книга «Яков Жидовин» находится сразу же после Жития Григория Омиритского (ВМЧ. Стб. 1438–1542).

²⁸ *Горский* А. В., *Невоструев* К. И. Описание славянских рукописей Московской Синодальной библиотеки. Отд. 2. Ч. 2. М., 1859. С. 309. См. например: РГБ, ТСЛ. 772. Л. 206–206 об.: «и еже потомъ // пришествие Ермолая диявола, обавиша лъстеца».

²⁹ *Невоструев* К. И. Слово святого Ипполита об Антихристе в славянском переводе по списку XII века. М., 1868. С. 243.

³⁰ См., например, в рукописях XV века: КБ-84. Л. 291 об.; Погод. 1034. Л. 234 об.

ВМЧ. 19 декабря	КБ-45
Ерванъ: Бляди вносите вы посрѣдѣ. Слыши же: аще увѣритъ мя, яко тѣи есть, о немже предвѣзвѣстиша пророци, что прочее ожидати хочете, Ермалаа лъстыца прельстившася. Чюжь самъ бога отецъ наших, аще не вѣруете в него (стб. 1425).	Ерванъ глагола: Бледи въносите вы посрѣди. Слышите: аще увѣритъ мя, яко тои есть, о немже предвѣзвѣстиша пророци, тужьдѣ да самъ бога отецъ, аще не вѣрую в него (л. 241 об.).

Эту фразу можно считать дополнением редактора, хорошо знакомого с текстом Поучения Иакова, а судя по другим редакторским изменениям читающегося в ВМЧ текста, это дополнение также появилось на русской почве.

Возвращаясь к вопросу о времени редактирования Жития, оказавшегося на Руси усилиями афонского монаха, нужно учитывать, что замечание А. И. Яцимирского, сделанное о списке в составе ВМЧ, как древнейшем из содержащих сообщение о переводе на русский язык, основано на сведениях, приведенных в труде И. В. Помяловского. В связи с этим, следует еще раз обратиться к рукописи Соф. 1210, с которой мы начали наш историографический обзор. Как выяснилось, в перечне Н. К. Никольского Софийская рукопись была упомянута дважды — один раз среди рукописей XV века со ссылкой на труд П. М. Строева,³¹ второй — с полным шифром — среди рукописей XVII века с опорой на исследование И. В. Помяловского.³² В обзоре А. И. Соболевского, между тем, список Соф. 1210 указан в числе ранних списков Жития Георгия Омиритского и отнесен к XV веку.³³ К тому же столетию относил кодекс Х. М. Лопарев,³⁴ на наблюдения которого опирался затем А. А. Васильев.³⁵ Действительно, на основании анализа филиграней рукопись датируется достаточно ранним временем. Филигранные на бумаге рукописи Соф. 1210 следующие:

1) Якорь — сходен — *Брикe*, № 370–372, 374 (1418–1429 гг.) — л. 1–3, 9, 11, 13, 15, 17, 19, 21, 23, 24, 28–30, 33–35, 38, 39, 42, 44, 46, 48, 50, 51, 54, 55, 58, 59, 62, 63, 66, 69, 71, 72, 74–76, 78, 82–85, 91–93, 97, 98, 100, 101, 104, 106–109, 115, 116, 118, 121, 123, 126, 127, 129, 134–137, 141, 143–147, 149, 151, 154, 155, 157, 159, 163–165, 170–172, 176, 178–180, 184, 187, 188, 191, 192, 196, 198–200, 202, 204, 207, 210, 211, 213, 216, 218, 220–222, 226–228, 231–233, 237, 238, 242–244, 246, 247, 249, 251, 254, 255, 258, 259, 266, 290;

³¹ Никольский Н. К. Материалы... С. 153.

³² Там же. С. 154.

³³ Соболевский А. И. Переводная литература Московской Руси XIV–XVII веков. Библиографические материалы. СПб., 1903. С. 19.

³⁴ Лопарев Х. Описание рукописей Императорского общества любителей древней письменности. Ч. 1. СПб., 1892. С. 337.

³⁵ Васильев А. А. Житие св. Григения, епископа Омиритского. С. 38.

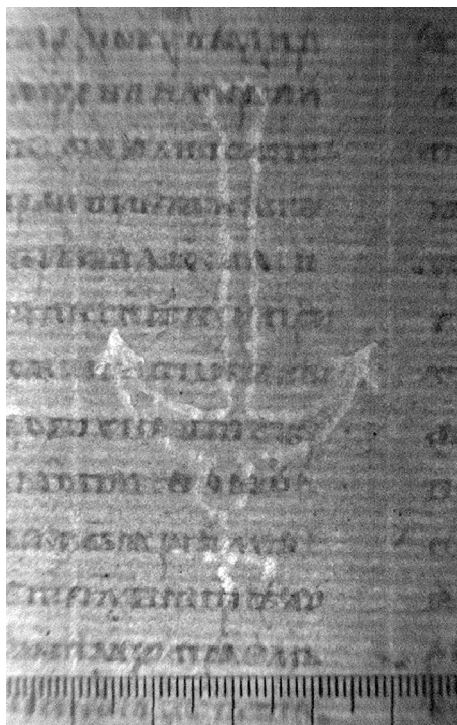
2) Монограмма — близка *Брике*, № 9745 (1451 г.) — л. 0, 268, 269, 272, 273, 284, 286, 288, 300, 310, 311, 313, 315, 318, 320, 321, 324, 327, 329, 331, 333, 334, 338–340, 342, 346–348, 350, 352, 353, 356, 361, 363, 364, 366–368, 372, 375, 376, 379, 385, 386;

3) Литера «У» — близка *Брике*, № 9175 (1448 г.) — л. 263, 264, 279, 281–283, 293, 296, 297, 299, 302, 306–309, 380.³⁶

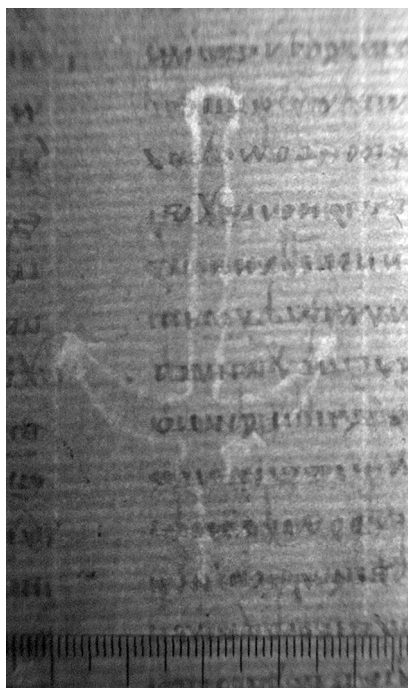
Два водяных знака («Якорь» и «Монограмма»), причем, достаточно близких сеток, обнаруживаются в рукописи РНБ, Кир.-Бел. 24/1101.³⁷

Таким образом, на основании анализа филигранных рукопись датируется временем не позднее второй половины 1440-х — начала 1450-х годов. Полагаем, что ошибочная датировка И. В. Помяловского основана на записи, находящейся на внутренней стороне верхней крышки переплета и сделанной в 1857 году человеком, проводившим перепись книг Библиотеки Новгородского Софийского собора:

Филиграни на бумаге рукописи РНБ, Соф. 1210 (Якорь)

Л. 15

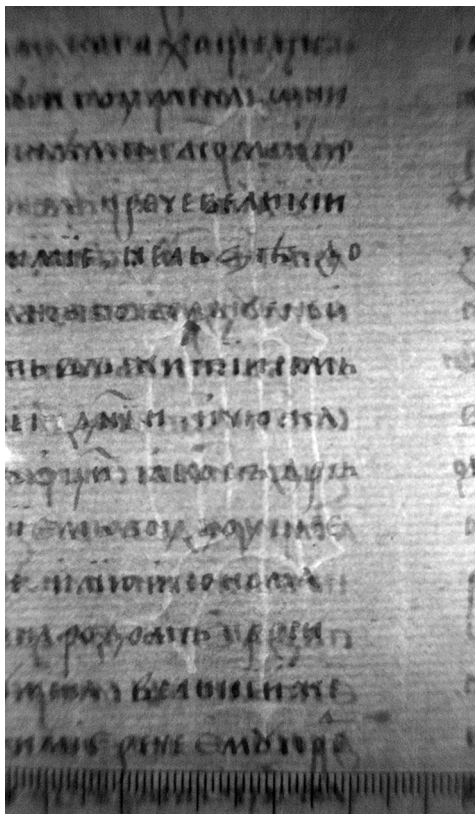

Л. 78

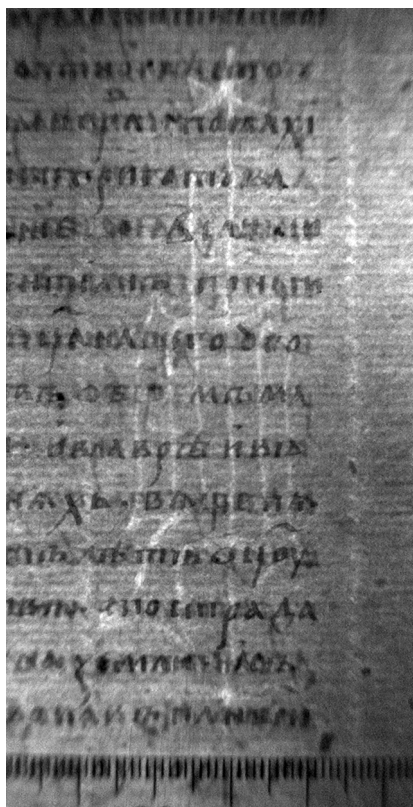
³⁶ Приношу благодарность М. А. Шibaеву за съемку филигранных рукописи.

³⁷ Описание рукописи и исследование филигранных см.: *Шibaев М. А.* Рукописи Кирилло-Белозерского монастыря XV века. М.; СПб., 2013. С. 192–195.

Филиграни на бумаге рукописи РНБ, Соф. 1210 (Монограмма)

Л. 352

Л. 353

«Всех 386 листов. Нач. XVII века». Переплет рукописи характерен для новгородских переплетных мастерских XVII века.³⁸

Несмотря на то, что сборник Соф. 1210 переписан одним писцом и кодикологическое единство рукописи не подлежит сомнению, условно в нем можно выделить три части:

I. Полемический (антилатинский) сборник с дополнительными статьями;

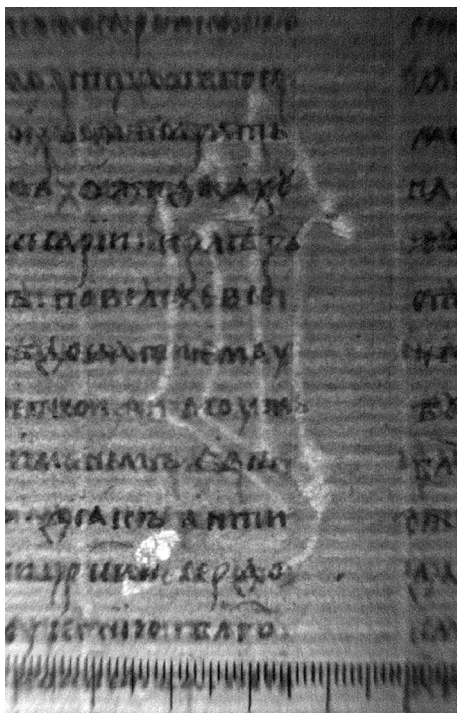
II. Житие Григория Омиритского и Прение с Ерваном;

III. Агиографический сборник минейного типа.

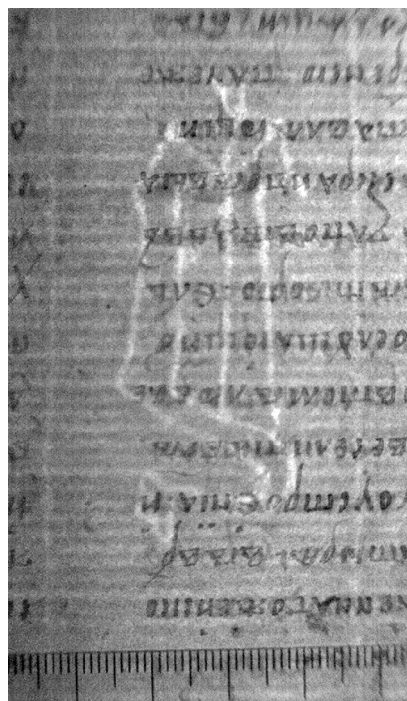
Выделение первой и заключительной частей не только тематическое: в каждом случае оно находит оправдание в существовании по-

³⁸ Основные размышления о подобном типе переплета, однако, без указания шифра этой рукописи, см.: Новикова О. Л. К изучению новгородского обиходного переплета // Румянцевские чтения. Материалы научно-практической конференции (23–25 апреля 2001 г.) «Память России в книжной культуре». М., 2001. С. 215–216.

Филиграни на бумаге рукописи РНБ, Соф. 1210 (Литера «У»)

Л. 264

Л. 279

добных сборников в рукописной традиции XV–XVII вв. Содержание первой части сборника полностью отразилось в двух хорошо известных (прежде всего, благодаря труду А. Н. Попова³⁹) рукописях — РГБ, собр. ОИДР, № 189 и ГИМ, собр. Хлудова, № 109.⁴⁰ Тексты же третьей части сборника Соф. 1210 в полном составе и в той же последовательности обнаруживаются во второй части конволютного сборника РНБ, Q.I.1187, относящейся к началу XVI столетия.⁴¹

Таким образом, запись о переводе Жития на русский язык не была случайностью или ошибкой переписчика. Есть некоторые основания полагать, что ее появление могло быть связано с той редакционной работой, которую провели русские книжники над южнославянским

³⁹ Попов А. Н. Историко-литературный обзор древнерусских полемических сочинений против латинян (XI–XV вв.). М., 1875. С. 149–154.

⁴⁰ Описание рукописей см.: Строев П. М. Библиотека Императорского Общества истории и древностей российских. М., 1845. С. 68–69; Попов А. Н. Описание рукописей... С. 263–264.

⁴¹ Описание рукописи см.: Отчет Императорской публичной библиотеки за 1895 г. СПб., 1898. С. 207–212.

текстом Жития, оказавшимся на Руси по инициативе Афанасия Русина, в тверских или в новгородских пределах.⁴² Не исключено, однако, что выявленная редакционная работа могла быть проделана еще на Афоне, поскольку исследователям известны случаи работы русских книжников с сербскими текстами, а ярким примером являются записи Ефрема (Евсевия-Ефрема) на полях сербской рукописи Постнических слов Исаака Сирина, где он привел все разночтения между двумя редакциями перевода памятника.⁴³ В таком случае, нельзя исключать, что список Жития Григория Омиритского мог быть отправлен на Русь не только Афанасием Русином. Однако оснований полагать, что редактирование было проведено в Новгороде, книжниками из окружения Евфимия II, существенно больше. В любом случае, обнаружение ранней рукописи, содержащей русскую редакцию Жития Григория Омиритского, существенно сужает хронологические рамки появления самой редакции, позволяя относить адаптацию южнославянского текста к самому ближайшему к появлению на Руси первых копий времени. Чтение «Андоний», сохранившееся в рукописи Нямецкого монастыря позволяет говорить о том, что имя таким же образом было воспроизведено в списке Афанасия Русина,⁴⁴ а чтение «Андроний» появилось лишь в списке Емельяна КБ-45. Судя по всему, в записи Афанасия Русина не шла речь о сербском переводе, именно поэтому у русского редактора и возникла ассоциация с неподобным Антонием, то есть с Антонием Печерским, а также появилось и уточнение о русском языке как языке перевода.

Как представляется, отредактированный текст Жития приобрел определенный авторитет, судить об этом позволяет и сам факт включения в состав ВМЧ именно этого варианта.⁴⁵

---

⁴² Кажутся убедительными размышления Г. И. Вздорнова о связи русских насельников монастыря св. Афанасия на Афоне с тверскими пределами (*Вздорнов Г. И. Роль славянских монастырских мастерских...* С. 180–181).

⁴³ *Турилов А. А. Культурные связи Московской Руси и Сербии в XIV–XVI вв. // Москва — Сербия. Белград — Россия. Сборник документов и материалов. Т. 1. М., 2009. С. 83.*

⁴⁴ Южнославянское написание имени Antonius — Андоний естественным образом корректировалось русскими книжниками. Так, в известной статье о венчании греческого царя Мануила II Палеолога в рукописи (РГБ, ТСЛ. 765. Л. 317 об.) имя патриарха передано как «Андоний», тогда как в других русских списках XV века читается «Антоний» (РНБ, Кир.-Бел. 9/1086. Л. 233; РНБ, Соф. 1465. Л. 226; РГБ, ТСЛ. 224. Л. 174).

⁴⁵ Нам кажется, что именно рукопись Соф. 1210 стала непосредственным источником для Софийского списка ВМЧ, между тем, доказать это, несмотря на чрезвычайную близость текстов в Соф. 1210 и в Успенском списке ВМЧ, невозможно, поскольку декабрьский том Софийского комплекта не сохранился.

ЖИТИЕ ГРИГОРИЯ

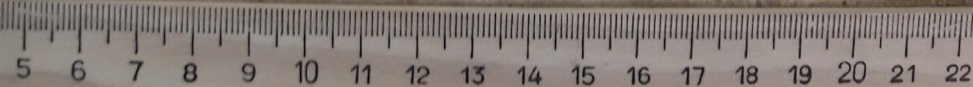
ОУДАШЕГО ГРИГОРИЯ. Е
ППА БЫВАША ГРАДА ТА
ФАРОНА. И ПОСЛА ОУ
ДЪЛАННЫХЪ ЮДОДЕХЪ
ШЕГО. СПИДАНЕ
ППОМЪ ГРАДА НЕГРА
НЫКАГО. ИСТИННА
ИИ УДЪЛНА БЫВШ.

ОУСЬНЪ КОДЕСНЪ Ш
СЛАВНЫХЪ. ВЪ ПРЪДЪ
ЛЕХЪ. А. ВАРСЫХЪ. ЛО
ПЛАНИ. НАРИЦАЕМА
ВЪ СИНЕ БЪЛХУ.
ИЖЕ ЮДНАГОТРИ
ГОРИА РОДИТЕЛІЕ
АГАПІА. И. Ш. ПІА. СЪ
ВЪ КЪПЫШЕИ ЗАКОННЫ
МЪ ЕРАКАСЪ УПЛАНИЕМЪ
ИПОЛЪТЕХЪ. РОДИША
БЛЖНАГО СТО ГРИГОРИА
НАВЪ СПИДАНШЕ ВНАКАЗА

ЖИТИЕ ГРИГОРИЯ

НИ ИРАГОУМЪ ГНИ. ОНЪ
ЖЕ ИАКО СЕМА БЛАГА БЖЕ
СТВЪ НА ПРІЕМЪ СЪМЕНА
И ЕЖЕ ШЕГО ДУХА ВОДА
МИНА ПОИВШЕ. ПЛАДЪ
СИНЕ ВЪ СЪВРЪШИ. ПРЕ
ВЪ СХОДИТЬ ОУЖЕ ПЛА
ТИСИ ВЪ ГРАСНЪ. ВЪ РО
ВОДИТЬ ЖЕ БЖЕ ПЛА
МЪ СТРАХОМЪ ВАШЕ.
И ВМЪ РОУ ВЪ ГРАСНАСЪ
ВРЪЩЕНІА ХВАБЫ ВЪ. И ПО
СНХЪ УТО. НЕ ПЪЛМО БЛА
ШАТЕЛЪ БЖЕ ПЛАМЪ
ЗА ПОВЕДЕНІ. ИДЪ ВЪРЪ
ШИТЕЛЪ ГЛАВНА. И ПЛА
ЛЪ РАГОУМЕНЪ. И ПОИ ПЛА
НЕНИ ЗАКОНА. И ПОБЛТИ
ШЕГО ДУХА. ХИРШТОНИ ГЛ
БЫ ДІАКОНОМЪ. ШЕГО КО
ГО БЛІГЪ ОУША БОУЕ ППА
ГЛАВНІО БЖЕ ПЛАМЪ
СИЦЕ ПОВЕЛЪВШОУ. ПЛА
ЦНИКЪ ВЪ РОЛЖИТИ ВЪ
ТИЛНИКА. ХОЦЕТЬ БОРЕ
СЪ ВРЪЩЕНІА ГЛАВНИКА.
И ДОБРО ДЪТЕЛЮ ВЫСОКЪ
ОУКРАСИТИ ПРЪМА ДУХІЕ
РЕИШІИ. ВЪ БЖЕ ПЛАМЪ
ДЪЛАННЫХЪ. И ОУЧЕНИИ. ЕЖЕ

Съ Грешаго
на роу. Греша
переводна
Съ Грешаго
Антиохіа

РНБ, Соф. 1210. Л. 74. Начальный лист Жития Григория Омирского

ЛѢТА И ПРРІСѢ ИМНОГА
УНАМЕНІА ВѢ СЛАВѢ БЖІЮ
СВѢДѢВШІ ВѢ ТѢХНѢ
ТѢ. И ПО ОУМНІИ. И ПОМА
ЛѢ ПОГІМРТИ БГОУ
СПИВАЮЩА АБРААМІА.
ПРЕИДЕ И ТѢ ИШЖИТІА
МЦА ДЕНАВРІА. ВѢ ФІ
И ПОГРЕБѢНѢ БЫТІИ ТѢ
И ВѢ РАЦѢ СВОЕИ. ВѢ ДЫ
ПАЛНИЦИ ВЕЛИКІА ЦРКВІ.
СѢ БРАВѢШИМѢ СМНО
СѢ МѢ ЕПИКОПОМѢ,
НА ПОГРЕБЕНІЕ ЕГО. ИЩЕ
НИКОМѢ. И ДІАКОНОМѢ.
И ИНОУДѢСТВОУЮЩИМѢ.
И ИМНОЖЕСТВО ЛЮДЬ СКАГО
НАРОДА. И НОВОКРЩЕНІИ
ЕОУРЕИ. МНОГО ЛИШЕНІЕ
РЫДАЮЩИМѢ. ІАКО ШЦѢ
БОВѢСѢМѢ БЛГѢ БЫСѢ
ПОВѢНІТ ДАЖЕ. ЕЖЕ КѢ
СПАСЕНІЮ ПОДАВАА. И ХО
ТА И СѢЛО МАТИ ВѢ. ІА
БЖЕ ИУЛІКОМѢ. ОХІ
ІСѢ. ГѢ НАШЕ МѢ. ЕМД
ЖЕ СЛАВА И ДРѢЖАВА. НЫ
НѢ И ПРНО И ВѢ
ВѢСЫ ВѢ
ІАКО АМІ
НѢ

ПРѢ ПО ДѢВѢ ПОМОУ
ОЦОУ АНПШНІО. ВѢ ТѢ
НААПАМѢ ТѢ. ПРЕВѢ
ШЕМОУ СІО. СЕМИ ПОУ. СѢ
ГРЕУВѢ СКАГО АБРААМІА. НА
РОУ СІИ. Х СѢ РАУЛО И

ІАКО НѢЦѢ СЛА
ВѢ СѢ ВѢ

РШИ
ТѢ

АЮ

БОУ

СѢ ВѢРѢШАЮЩЕМОУ ВѢ
САКО НАУНИАНІЕ

БЛГОЕ. А

МИНѢ

С

С

Интересно, что мы наблюдаем пример сознательного отказа от южнославянской редакции в пользу русской, относящийся к третьей четверти XV столетия, ко времени, близкому к моменту появления рукописи Соф. 1210. Именно такой выбор, как кажется, демонстрирует нам рукопись Жития Григория Омиритского, продолженного «Прением с Ерваном», сохранившаяся среди кодексов, отмеченных экслибрисом соловецкого игумена Досифея — РНБ, Солов. 802/912 (далее — Солов. 802).⁴⁶ Рукопись, введенная в научный оборот М. В. Кукушкиной,⁴⁷ оказалась за пределами исследовательского внимания в более раннее время, поскольку не вошла в число подвергнувшихся описанию в конце XIX века. Судя по всему, это и есть та самая соловецкая рукопись, указанная П. М. Строевым как содержащая запись о переводе на русский язык «преподобным Антонием», по крайней мере, такой припиской завершается в ней интересующий нас текст. Вместе с тем, киноварное заглавие, которому мы уделили внимание в самом начале, не соответствует здесь тексту, читающемуся в Соф. 1210 и ВМЧ, а совпадает с текстом, характерным лишь для южнославянского варианта: «Месяца декаврия въ 19 день. Житие и жизнь преподобнаго отца нашего Григория, епископа бывша иже въ Омиритѣ града Тафараона, и повѣсти о съдѣянных чудесѣхъ от него, съписана от епископа града Неграньска» (Солов. 802. Л. 23).

Более того, на ту же самую (южнославянскую) редакцию на этом же листе указывают и характерные чтения, отмеченные нами выше. «...родителие Агапие и Феодотия, съвъкупльшеся по законѣхъ Христовѣхъ и достойно хотящаго от нихъ родитися, ражают блаженнаго сего Григорья», «Хиротонисанъ бывъ диякономъ от нѣкоего близъ суща богу епископа, явленью сподобившася божественному — на свѣщникъ возложити свѣтилникъ». Между тем, на нижнем поле находится знак вставки и непосредственное киноварное же дополнение «истинъна и извѣстна»,⁴⁸ сделанное другой рукой и относящееся к слову «повѣсти» в киноварном заголовке, уточнение, характерное именно для редакции, читающейся в Соф. 1210 и, соответственно, в ВМЧ. Переворачивая этот лист, мы встречаем несколько исправ-

---

⁴⁶ О составе, датировке и происхождении сборника см.: Описи Соловецкого монастыря XVI века. СПб., 2003. С. 216–217; *Понырко Н. В.* «Герван» или «Герман»? (Об одной рукописи, принадлежавшей соловецкому игумену Досифею) // Книжные центры Древней Руси. Книжное наследие Соловецкого монастыря. СПб., 2010. С. 14–26.

⁴⁷ *Кукушкина М. В.* Библиотека Соловецкого монастыря в XVI в. // АЕ за 1970 г. М., 1971. С. 360.

⁴⁸ Помета оказалась очень затертой, поскольку именно на это место приходилось размещение большого пальца читателей рукописи.

лений на полях, также сделанных другим почерком более светлыми чернилами, и места с затертым и переправленным текстом прямо в строке. После анализа этой правки картина, наконец, проясняется.

Человек, вписавший на поля исправления и дополнения, провел по сути такую же работу, что выполнили и мы, сопоставляя между собой две редакции текста памятника, а затем по рукописи, содержавшей текст, аналогичный Соф. 1210 (и ВМЧ), внес правку в южно-славянский текст. Отметим, однако, что далеко не все дополнения были им учтены. Приведем их здесь по порядку следования на полях и в строке рукописи Солов. 802, за пределами нашего внимания оставим лишь исправления ошибок, сделанных основным писцом, которые тоже были замечены при сверке и вынесены при правке на поля или написаны по затертому.⁴⁹

КБ-45	Соф. 1210; ВМЧ	Солов. 802
божественаго Григориа пришествие (л. 2).	блаженнаго Григориа пришествие (л. 74 об.; стб. 1208).	блаженного Григорья пришествие (л. 23 об., 12-я строка сверху, написано поверх затертого).
и зелиемъ учръженъ, разумъ хотящихъ ему въсприати (л. 2).	и трапезу представль, и духовнѣ насытившеся, и по сихъ разумъ хотящихъ ему въсприати (л. 74 об.; стб. 1208).	и трапезу представль, и <u>духовнѣ насытившеся, и по сихъ</u> разумъ хотящихъ ему въсприати (л. 23 об., 15 строка сверху и нижнее поле).
и пророчьскими дарованми (л. 2 об.).	и пророчьскими проразумѣнии дарованми (л. 74 об.; стб. 1208).	и пророчьскими <u>проразумѣнии</u> дарованми (л. 23 об., вставка на левом поле).
стлѣпъ огньнъ, горяще на въздусъ (л. 2 об.).	столпъ огнянъ, горящъ съ небеси на въздусъ (л. 74 об.; стб. 1209).	столпъ огньнъ, горящъ <u>съ</u> небеси на въздусъ (л. 23 об., вставка на нижнем поле).
Удививжеся убо, паде ниць... (л. 2 об.).	Удививжеся убо и страхомъ объять, паде ниць... (л. 74 об.; стб. 1209).	Удививжеся убо, <u>[с]трахомъ [объ]ять</u> , паде ниць... (л. 23 об., вставка на левом поле).
И въ Карфагенъ пришедъ, проповѣда иже истинѣ слово (л. 4 об.).	И въ Карфагенъ пришед, и тамо проповѣда слово истиннѣ (л. 75 об.; стб. 1210).	И в Карфагенъ пришед, и <u>тамо</u> проповѣда иже истиннѣ слово (л. 24 об., вставка на левом поле).
И глаголюща: Нынѣ приидохом... (л. 5).	И глаголюща къ нему: Нынѣ приидохъ (л. 76; стб. 1210).	И глаголюща <u>къ нему</u> : Нынѣ приидохом (л. 25, вставка на правом поле).

⁴⁹ Например, выявлен пропуск слов: «два дни» (л. 24 об.), апостола господня (л. 25 об.), «и показавъ ему и достославная писания» (л. 27 об.), слово «возвратившася» написано по затертому (л. 31), восполнен гаплографический пропуск текста и размещен на специально вклеенном листе (ныне л. 76).

КБ-45	Соф. 1210; ВМЧ	Солов. 802
И окаанны азъ, рече, яко умилихся и апостола господня видѣх очима моима (л. 5 об.).	Окаанны азъ, себе нарекъ, яко умилихся и апостола господня видѣти очима моима сподобихся (л. 76; стб. 1211).	И окаанны азъ, нарекъ себе, яко умилихся и апостола <u>господня видѣти</u> очима моима <u>сподобихся</u> (л. 25 об., написано <u>поверх затертого</u> и на верхнем и левом полях со знаками вставки).
владыко и боже (л. 5 об.).	владыко мой, боже (л. 76; стб. 1211).	владыко <u>мои</u> и боже (л. 25 об., 9-я строка <u>сверху</u> , вписано между строк).
И призывааше суетмудрыни всѣх, иже въ градѣ ономъ, отврѣщися убо господя нашего Иисуса Христа (л. 7).	И призывааше суетмудреныхъ всѣхъ, иже въ градѣ ономъ, и вѣрныхъ понуди отврѣщися господя нашего Иисуса Христа (л. 76 об.; стб. 1212).	И призывааше суетмудрныи всѣх, иже въ градѣ оном, и <u>вѣрныхъ понуди</u> отверещися <u>убо</u> господя нашего Иисуса Христа (л. 26, вставка на правом поле).
И не токмо сии, нъ и ини всячѣсции языци (л. 8).	И не тъкмо сии, нъ инии прочии всячѣстия языци (л. 77 об.; стб. 1213).	И не токмо сии, но и инии <u>прочии</u> всяции языци (л. 26 об., левое поле).
Пишетъ убо абие от Омирита Елесваанъ святѣиши царь Протериу папѣ Александрийскому подобну о всемъ (л. 8 об.).	Пишетъ убо абие от Амирита Елесванъ святѣиши царь Протериу папѣ Александрийскому о всемъ подробну исписа (л. 77 об.; стб. 1213).	Пишет убо абие от Омирита Елезваанъ святѣиши царь Протериу папѣ Александрийскому <u>подробну о всем исписа...</u> (л. 27, <u>верхнее поле и над строкой</u>).
И писменемъ убо дошедшемъ къ папѣ... (л. 8 об.).	Симъ же писаниемъ дошедшимъ въ Александрию (л. 77 об.; стб. 1213).	<u>Симъ</u> и писменем убо дошедшимъ къ папѣ... (л. 27, <u>правое поле</u>).
хиритонисати единого от приходящих и послати (л. 9).	Хи/ритонисати единого от приходящихъ и послати къ царю (л. 77 об.–78; стб. 1214).	хиритонисати единого от приходящих и послати <u>къ царю</u> (л. 27, <u>правое поле</u>).
посту быти и всенощное бдѣние (л. 9).	посту быти и всенощному бдѣнью (л. 78; стб. 1214).	посту быти и всенощному бдѣнью (л. 27, 4 строка <u>снизу, по затертому</u>).
Папа же утро вѣставъ, испытавъ... (л. 9 об.).	Папа же <u>заутра радостенъ</u> вѣставъ и скоро испытавъ... (л. 78; стб. 1214).	Папа же <u>заутра радостенъ</u> вѣставъ и <u>скоро</u> испытавъ... (л. 27 об., 10 строка и <u>верхнее поле</u>).
Откуда же еси и от кыхъ странъ? (л. 10).	Откуда еси, чадо, и от кыхъ странъ? (л. 78; стб. 1214).	Откуда же еси, <u>чадо</u> , и от кихъ странъ? (л. 27 об., <u>левое поле</u>).
Покажи и здѣ усърдное и послушливое, еже къ // господу поспѣшение и повинование (л. 10 об.–11).	Покажи и здѣ усърдное и послушливое, еже къ господу поспѣшение и повинование и повинися (л. 78 об.; стб. 1215).	Покажи и здѣ усърдное и послушливое, еже к господу поспѣшение и повинование, <u>повинися</u> (л. 28, <u>левое поле</u>).
...едину святого Възнесения господя нашего Иисуса Христа и пророка Предтечу и Крестителя и дру-	...едину святого Възнесения господя нашего Иисуса Христа и другую пророка Предтечи Крестителя Иоанна и третью,	...едину святого Вознесенья господя нашего Иисуса Христа и <u>другую</u> пророка Предтечу и <u>крестителя</u>

КБ-45	Соф. 1210; ВМЧ	Солов. 802
гую, святаго апостола Фомы... (л. 14).	святаго апостола Фомы... (л. 80; <i>стб. 1217–1218</i>).	святаго апостола Фомы... (л. 29 об., <i>на левом поле и в строке</i>).
бѣ бо убо зѣло благочестивый царь до конца смѣреномудръ, аще инъ кто (л. 14).	бѣ бо убо благочестивъ царь и смиреномудръ до конца, и не бѣ аще инъ кто (л. 80; <i>стб. 1218</i>).	бѣ бо убо благочестивый царь до конца смиреномудръ, и не <u>бѣ</u> аще инъ кто (л. 29 об., <i>нижнее поле</i>).
Приблизившим же ся имъ // единъ къ другому, и епискупъ, пришедъ, благослови... (л. 14–14 об.).	Приблизившимъ ся имъ единъ къ другому, и прежде епископъ достойное поклонение царю подастъ, та же и пришед, благослови... (л. 80 об.; <i>стб. 1218</i>).	Приблизивше же ся имъ единъ къ другому, и <u>прежде</u> епископъ <u>достойное</u> поклонение царю подастъ, та же и пришед, благослови... (л. 30, <i>на верхнем поле и в первой строке</i>).
...мы же убо вси от зде отити хоцем (л. 15 об.).	...мы же убо вси богу благоволящу отити хоцемъ (л. 81; <i>стб. 1219</i>).	...мы же убо здѣ вси <u>богу</u> благоволящу отити хоцем (л. 30 об., <i>верхнее поле</i>).
...мало от них отступивъ, колѣнѣ преклонивъ и руцѣ на небо въздѣвъ... (л. 15 об.).	...мало от нихъ отступъ, и ста на вѣстокъ, колѣни на молитву преклони и руцѣ на небо въздѣвъ... (л. 81; <i>стб. 1219</i>).	...мало от нихъ отступивъ, и ста на востокъ и колѣни <u>преклонивъ на молитву</u> и руцѣ на небо въздѣвъ... (л. 30 об., <i>13-я строка, правое поле</i>).
Бѣ нѣкто братъ юнѣишии и посылаем // на службу, блудя и непотребно вина насыщающаяся (л. 17 об.–18).	Бѣ нѣкто братъ юнѣишии, посылаемъ на службу, и бѣ блудя и вина много насыщающаяся (л. 82; <i>стб. 1221</i>).	Бѣ нѣкто братъ юнѣишии, посылаем на службу, и <u>бѣ</u> блудя и непотребно вина насыщающаяся (л. 31 об., <i>левое поле</i>).
Въ дебри нѣкои ему же бывшу, змии зѣло великъ течениемъ великомъ изъшѣд, гоняше поразити его... (л. 18).	И въ нѣкую дебрь вшедшу, змии зѣло великъ течениемъ скорымъ, гоняше поразити его (л. 82; <i>стб. 1221</i>).	<u>И</u> в дебрь нѣкую ему вшедшю, змии великъ зѣло <u>течениемъ скорымъ</u> изъшѣд, гоняше поразити его (л. 31 об., <i>строки 15–17 сверху и нижнее поле</i>).
Съи же само и онамо бѣжаше, утѣснившу же ся ему (л. 18).	Съи же сѣмо и онамо бѣжаше, отвсюду же утѣснившуся ему (л. 82; <i>стб. 1221</i>).	Съи же тамо и онамо бѣжаше, <u>всюду</u> же утѣснившю же ему (л. 31 об., <i>левое поле</i>).
О божественнѣмъ Есваанѣ (л. 18).	О блаженнѣмъ Елесваану цари (л. 82; <i>стб. 1221</i>).	О божествѣнѣмъ Елесваанѣ <u>цари</u> (л. 31 об., <i>12-я строка снизу</i>).
Си же глаголаху: аще убо сего убѣжимъ (л. 20).	Инии же глаголаху: аще убо сего убѣжимъ... (л. 83; <i>стб. 1223</i>).	Сия же <u>инии</u> глаголаху: аще убо сего убѣжимъ (л. 32 об., <i>9 строка сверху и верхнее поле</i>).
...знаменія злаа показати всяко вѣсте (л. 20).	...знаменія зла показати всяко вѣсте что будет (л. 83; <i>стб. 1223</i>).	...знаменъя зла показати всяко вѣсте <u>[чт]о будет</u> (л. 32 об., <i>левое поле</i>).
Аще убо услышите мене, придете (л. 20 об.).	Аще убо хотите послуша//ти мене, приидѣте вси съ мною (л. 83–83 об.; <i>стб. 1223</i>).	Аще убо <u>хотѣте</u> послушати мене, приидѣте <u>вси съ мною</u> (л. 32 об., <i>левое и нижнее поля</i>).

проповѣдуха баша творца буну земли.
 и мнози оульсти оу терзаниа бавсеи
 приволаху истинно му бу. и истинно
 и слово есприкладно. сѣдѣиствоваши
 же моу и вышнѣама блгодѣть. и сѣдѣа
 вашей недужны. и бѣсѣи оугонѣше
 мѣтвю и слеу дмни призываніе са
 могоха. и кри муже поше бы вѣстѣ
 в мѣднѣахъ. и тамо по добнѣапервы
 ствершиа. приходниа бѣко е муста
 рціа. и же претриде са тѣи попришь.
 бѣа же на григорѣа прише стѣи е прере
 кушаго. спостикку и служите люво
 е му. любе поприа тѣ бы вѣи него.
 и тамо еху прѣстѣа льнѣахъ. разумѣхота
 цѣи е му вѣсприа тѣи. и него прѣнаоу
 чѣа етѣса. оу вѣбри вѣе му вѣса та же
 и мѣднѣа стѣа етѣ. по вѣстѣ мни
 прѣчѣски мѣа араванѣи. и то мѣ же
 вѣащѣи по мѣа а вѣса. е же по вѣтѣ жи
 тѣе оу хрѣа шѣа а дуа са. пламѣи мѣ
 а вѣсѣи и вѣоу стѣи. по не же оу бо
 сицега то вѣлаше и вѣоу вѣа шѣа до
 бѣтѣ. и кѣа глѣубочаи шѣи вѣа рѣа до и тѣи.
 и оу вѣа дѣ вѣтѣа мо жнѣоу шѣа му жа.
 прѣчѣскаго дѣа рѣа и сполнѣа. та ко вѣноу
 трѣа горы бѣи стѣ. и дѣи вѣ стѣ вѣоу дѣи.
 зрѣи стѣа тѣа и тѣа нѣтѣа гора шѣ.
 и мнози прѣбываюущѣ. оу дѣи вѣи тѣ
 же са оу бо. па дѣи нѣи на зѣа мѣа. та
 вѣстѣа вѣа рѣа шѣ вѣа дѣи тѣи. хота
 та вѣа шѣ е са вѣа дѣи тѣи. и оу дѣа ехѣо

прорачу
 и тѣи.

и
 грахоу
 и тѣи.

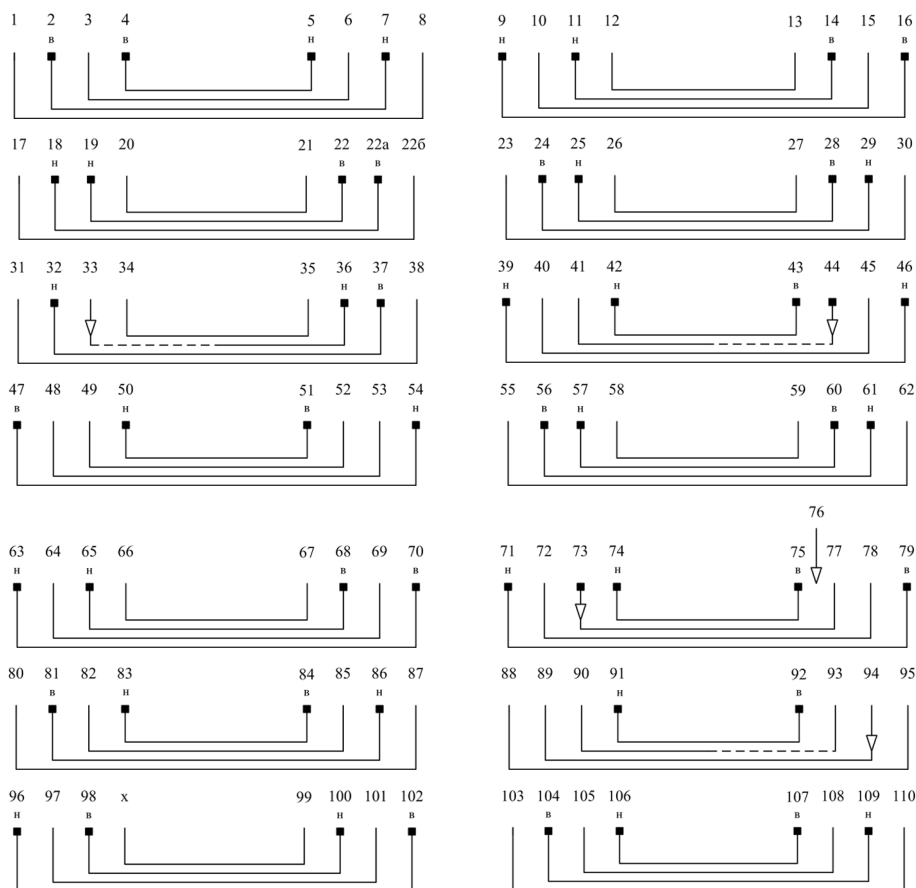
+ вѣи на сѣи тѣи и шѣи по сѣи хѣ.

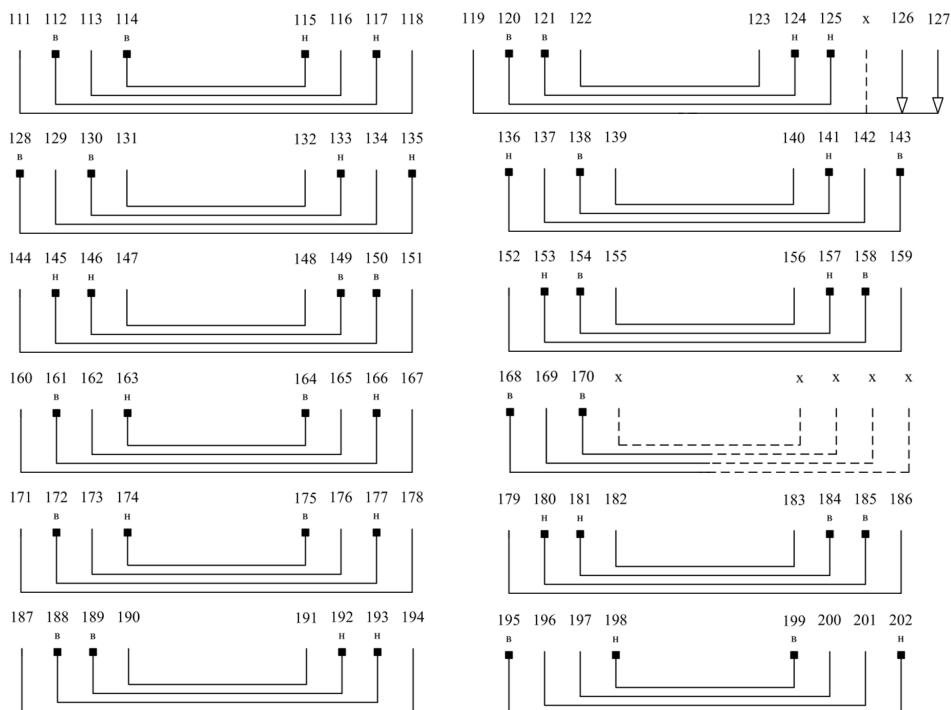
+ сѣи вѣи на оу дѣи

Помимо отмеченной правки на полях, на левом поле л. 30 об., напротив рассказа о молитве Григория, сделана помета, сопровождаемая знаком вставки «Мол(итва)», напротив же повествования о произошедшем чуде — «Чюд(о), то есть чтения, появившиеся в русской редакции.

Подобная правка следует до л. 32 об. включительно. Далее картина меняется кардинальным образом. Дело в том, что лист 33 оказывается аккуратно вклеенным на место удаленного листа. Весь текст на нем написан писцом, которому принадлежит правка текста, сделанная, как мы показали, на основании другой редакции Жития. На удаленном листе, как явствует из содержания, находились окончание текста Жития и начало текста первого «Прения». Более того, в рукописи обнаруживаются еще три таких же вставных листа (л. 44, 73 и 94), каждый из которых заменил лист с текстом, предшествующим и последующим каждому из Прений.

Кодикологическая структура сборника Солов. 802 может быть представлена следующим образом.

Основной корпус рукописи состоит из трех частей, переписан несколькими почерками⁵⁰ с использованием разнообразных чернил, от черных до светло-коричневых: *I часть*: л. 1–20 — 1-й почерк, черные чернила; л. 20 об.–22 — 2-й почерк, коричневые чернила, л. 22 (с десятой строки сверху) — 3-й почерк, серые чернила; *II часть*: л. 23–47 — 4-й почерк, коричневые (только на л. 23) и черные чернила разных оттенков, л. 47 об.–48 — 5-й почерк, черные чернила, л. 48 об.–72 об. — 4-й почерк и черные чернила разных оттенков, л. 74–98 (до середины 8-й строки) — 6-й почерк, черные чернила различных оттенков; л. 98 (начиная с середины 8-й строки)–170 — 7-й почерк, коричневые чернила различных оттенков. *III часть*: л. 171–202 — 6-й почерк, черные чернила. Следует признать, что 1-й и 6-й почерки достаточно близки и могут принадлежать руке одного человека, работавшего в разных условиях. Текст на вставных листах (33, 44, 74, 76, 94, 126 и 127) безусловно, принадлежит руке одного человека, при этом почерк здесь наиболее близок к седьмому.

⁵⁰ Е. В. Крушельницкая осторожно отметила наличие двух почерков (Описи Соловецкого монастыря XVI века. С. 216), Н. В. Понырко — двух или трех (Понырко Н. В. «Герван» или «Герман»? С. 19). Действительно, выделение почерков в этой рукописи представляет определенные трудности.

Для характеристики текста Жития Григория Омиритского и Прения с Ерваном, представленного в сборнике Солов. 802, остается определить, какая редакция читается на вставных листах рукописи, коснулись ли изменения лишь вступительных частей к Прениям или же текст на них был заменен полностью. Сравнение текста, читающегося на вставных листах, с соответствующими местами в КБ-45 и Соф. 1210 позволяет говорить о полной замене здесь текста одной редакции заимствованиями из другой. Замена листа вызвана существенными отличиями в данном месте между двумя редакциями памятника. Как было продемонстрировано выше, вторая редакция была сопровождена пространными заголовками и комментариями к каждому Прению, внести подобные дополнения на один лист, по понятным причинам, не представлялось возможным, поэтому книжнику и пришлось заменить его новым.

Приведем по одному примеру для каждого такого листа, заимствовав их из текста, не связанного с «дополнительным» заголовком.

Л. 33–33 об.

Текст, читающийся на этом листе начинается словами: «благословнѣ будемъ, християне, аще ли же не одолѣють, увѣдѣть и они...», а обрывается на следующем обращении Григория к Ервану: «Которое уже предпочтение прочее вы...» (ВМЧ. Стб. 1223–1225).

КБ-45	Соф. 1210	Солов. 802
Створиша вси по глаголу Ерванову писания и подаша царю. Царь же, прочеть писания и разярився, хотяше их избити (л. 21).	И сътворивше писание молебнo и просително, пришедше, и въдаша царю. Царь же, прочеть писания, разъярися на ня, въсхотѣ ихъ всѣхъ смерти прѣдати (л. 83 об.).	И сътворивше писание молебнo и просително, пришедше, и въдаша царю. Царь же, прочеть писания, разъярися на ня, и восхотѣ ихъ всѣхъ смерти предати.

Л. 44–44 об.

На этом листе размещен текст от слов «божии. Кого же Давидъ приводит господа глаголя...», а завершается словами: «...от горы Елеонския на небеса взнесшуся и пред святыми его апостолы и прешед вся вышних...» (ВМЧ. Стб. 1246–1248).

КБ-45	Соф. 1210	Солов. 802
И убо гованию бывшу и предсѣдшу царю и архиепископу пришедше иудеие, представиша Ервана (л. 45).	И уготованию бывшу, и прѣдсѣдѣшу царю и архиепископу, прииде же иудеиское множество и представиша Ервана (л. 95).	И уго//тованию бывшу, и прѣдсѣдѣшу царю и архиепископу, прииде же иудеиское множество и представиша Ервана.

Л. 73–73 об.

Здесь читается фрагмент Прения от слов «[про]тиву съгрѣшением олучатися, еже въ церковь хотящих входить» и до слов «положу судиа твоа, якоже прежде и съвѣтники твоа, яко от начала, ибо прежде...», включительно (ВМЧ. Стб. 1302–1304).

КБ-45	Соф. 1210	Солов. 802
Въ тритии день же паки предсѣдшу благочестивому царю, архиепископу и всѣмъ събравшимся прииде Ерванъ съ своимъ кустодиомъ. И якоже предѣста, святыи Григории рече: «Рекль еси вчера... (л. 105 об.).	Бысть же въ третии день, паки предсѣдшу благочестивому царю и архиепископу, и всѣмъ събравшимся, прииде Ерванъ съ своимъ кустодиемъ. И по умольчании всѣхъ святы Григории рече: «Рекль еси вчера... (л. 125 об.).	Бысть же въ третии день, паки предсѣдшу бѣлагочестивому царю и архиепископу, и всѣмъ събравшимся, прииде Ерванъ съ своимъ кустодиемъ. И по умлѣчании всѣхъ святы Григории рече: «Рекль еси вчара...

Л. 94–94 об.

Текст, находящийся на этих листах, начинается со слов «Часу же вечера доспѣвшу, и абие воста царь. **Конец третьяя бесѣды...**», а завершается словами «яко егда свяжут руцѣ твои и нозѣ и вложат тя в бесконечныа му[ки]» (ВМЧ. Стб. 1346–1349).

КБ-45	Соф. 1210	Солов. 802
Аще и лѣпымъ нѣкоимъ шумѣниемъ обносимъ, развращаеши глаголы: «Сказа, рече, господь Моисею пути своа и сыновомъ Израилевомъ хотѣния своа» (л. 154).	Аще и лѣпымъ нѣко/имъ шумѣниемъ развращаеши глаголы, нѣ имамъ, что глаголати: «Сказа, рече, господь мои Моисию пути своа и сыновомъ Израилевымъ хотѣния своа» (л. 150 об.–151).	Аще и лѣпымъ нѣкоимъ шумѣниемъ развращаеши глаголы, но имамъ, что глаголати: «Сказа, рече, господь мои Моисию пути своа и сыновомъ Израилевымъ хотѣния своа».

Важно, что на пространстве текста Прения с Ерваном на полях исконных листов также встречается правка, осуществленная по другой редакции, но она, как и в тексте Жития, не учитывает всех отличий и не носит систематического характера.⁵¹

Обладатель седьмого почерка приступил к работе, начиная с середины восьмой строки л. 98, и продолжал переписку до конца текста памятника. Учитывая, что именно этот человек сверял написанное своими предшественниками с текстом рукописи, содержащей иную редакцию памятника, можно предположить, что именно эту же ру-

⁵¹ См.: л. 34–34 об., 45, 47, 49, 50, 52, 60, 65 об., 69, 70, 74 и др. Мы не учитывали исправления, сделанные в XVI–XVII вв. черными чернилами, поскольку они отражают историю последующей жизни рукописи и к настоящему исследованию отношения не имеют.

копись он и сам стал использовать при переписке. Действительно, на л. 98, начиная со слов «Израиль же мене не позна...», меняются не только почерк и чернила, но и редакция текста Прения. Об этом можно судить, во-первых, по примеру, приведенному ниже непосредственно из того места на л. 98, где наблюдается смена почерка, а во-вторых, по наличию в последующем далее тексте особенных чтений именно русской редакции, о которых шла речь при ее характеристике. Так, на л. 129 в Солов. 802, как в Соф. 1210 (и ВМЧ), находится упоминание Ермала-льстеца, обозначение окончания молитвы Ервана на л. 132 расположено в правильном месте, наконец, после окончания интересующих нас текстов в Солов. 802 читается запись о переводе книг преподобным Антонием на русский язык (л. 135).

Особенно примечательным является то, что на листах рукописи, начиная с л. 98, опять встречаем правку на полях, выполненную все тем же человеком, но другими чернилами, как правило, отличающимися цветом от чернил, которыми переписан основной текст. Характер этой правки свидетельствует, что она выполнена в один прием, как и в случае с правкой, рассмотренной выше. Если до л. 98 правка отразила внесение чтений из текста русской редакции в южнославянскую, то с л. 98 картина меняется на противоположную: к тексту русской редакции на полях делаются добавления на основе редакции южнославянской, то есть не подвергнувшейся редактированию.⁵² В следующей ниже таблице «*» обозначает знак вставки, «*—*» — надстрочные знаки замены, а в квадратные скобки заключены буквы, обрезанные при переплете сборника.

КБ-45	Соф. 1210; ВМЧ	Солов. 802	
		В основном тексте	На поле
Исраиле же мене // не позна и людие мои мене не познаша, ни разумѣша... (л. 163–163 об.).	Израиль же мене не позна и людие мои мене не разумѣша... (л. 155 об.; стб. 1355).	Исраиль же мене не позна и людие мои мене* не разумѣша... (л. 98).	*не позна[ша]

⁵² Параллельно исправлялись и писцовые ошибки и описки. Такая правка присутствует на верхних полях л. 98 об. и 99, на правом поле л. 105, на верхнем поле л. 110, на нижнем поле л. 112, на левом поле л. 115 об., на правом поле л. 117, на правом и нижнем полях л. 121, правом и левом полях л. 125, на левых полях л. 125 об. и 132 об. Восполнением, видимо, достаточно обширного пропуска или исправлением какой-то ошибки, связанной с очередностью переписки, следует считать замену одного листа, находившегося после нынешнего л. 125, на два других (нынешние листы 126 и 127). Читающийся здесь текст отражает ту же редакцию, что и находящийся на соседних листах.

КБ-45	Соф. 1210; ВМЧ	Солов. 802	
		В основном тексте	На поле
...комуждо бо тогда по дѣлом своимъ въсприемлющимъ, тогда бо искусь научить, и истину и увѣмы (л. 164).	...комуждо бо по дѣломъ своимъ въсприемлющимъ, тогда бо искусь научить, и истинну увѣмы (л. 156; стб. 1356).	...комуждо бо* по дѣлом своимъ въсприемлющим, тогда бо искусь научить, истинну увѣмы (л. 98).	*тогда
Азъ бога небес и земля почитати навыхох, а не человека, ни же идоли или солнце, или луну... (л. 165).	Азъ бога небеси и земли почитати навыхохъ, а не человекъ и идолы, ни солнце или луну... (л. 156; стб. 1357).	Азъ бога небеси и земли почитати навыхох, а не человека,* идолы, ни солнце или луну... (л. 98 об.).	*ни же
...и яко други божественны ковчегъ челоуѣчество его вмѣняюще... (л. 167).	...и яко други ковчегъ челоуѣчество его вмѣняюще... (л. 157 об.; стб. 1359).	...и яко други* ковчегъ челоуѣчество его вмѣняюще... (л. 99 об.).	*божественны
...равну ли силу и честь обои имѣаху... (л. 176).	...равну ли силу обоа имѣаху... (л. 161 об.; стб. 1366).	...равну же силу* обоа имѣаху... (л. 102 об.).	*и честь
Тебѣ въ прѣвых, яко въ день съ всѣмъ вижду (л. 187).	Тебѣ въ прѣвыхъ и въ день съ всѣмъ вижду (л. 167; стб. 1377).	Тебе въ первых *и* в день съ всѣм вижду (л. 107 об.).	*яко*
...развѣ въ честь и славу храму и оцѣстилищу просто сиа устрои (л. 190 об.).	...развѣ въ честь и славу святилищу просто сиа устрои (л. 169; стб. 1380).	...развѣ в честь и славу* святилищу просто сие устрои (л. 109).	*храму
...и звѣри/и силных, и коркодилъ, иже по езерѣх, и еже художьше блох, и въшии, и самыятыя комаре, и мухы, яко болѣзньно поядающе челоуѣка (л. 192 об.–193).	...и звѣри сельных, и коркодили, иже по езорохъ, неже худжыше блохъ, и вшей, и комары, и мухы, яко болѣзно поядають челоуѣка (л. 170; стб. 1382).	...и звѣри селных, и коркодили, иже еже по езорох, неже хужьше блох, и вшей, и* комары, и мухи, яко болезно поядають челоуѣка (л. 109 об.).	*и самыятыя*
Азъ, елика въпросихъ, забвению предах ты же къ въпрашаемымъ не ленися глаголати (л. 202).	Азъ, елика въпросихъ, забвению прѣдахъ (л. 174 об.; стб. 1390).	Азъ, елика въпросих, забвению предах* (л. 113 об.).	*ты же къ въпрашаемымъ не лѣнися глаголати
А иже реклъ еси, скажи, что являеть: еже боже въ святѣмъ путь твой, ты мнѣ паче скажи, кто есть «святы», въ немже «путь божии» бысть (л. 218 об.).	А якоже реклъ еси, скажи, что являеть: кто есть «святыи», в немже «путь божии» есть (л. 182 об.; стб. 1404).	А якоже реклъ еси, скажи, что являеть*: кто есть «святыи», в немже «путь божии» есть (л. 120).	*еже боже въ святемъ путь твой, ты мнѣ паче скажи
Страшное Слово страшнаго и великаго и невидимаго Отца... (л. 243).	Страшное Слово страшнаго и невидимаго Отца... (л. 194 об.; стб. 1427).	Страшное Слово страшнаго* невидимаго Отца... (л. 129 об.).	*и великаго

КБ-45	Соф. 1210; ВМЧ	Солов. 802	
		В основном тексте	На поле
...иже сим // въ начатцѣхъ утврѣдивъ небо и землю... (л. 243–243 об.).	...иже с нимъ в началѣ утвердивыи небо и землю... (л. 194 об., стб. 1427).	...иже с нимъ *въ началѣ* утвердивыи небо и землю... (л. 130).	*въ начатцѣхъ*
...иже от звѣздъ провъзвѣстився и от священныхъ влѣхъвъ дары приемъ, иже от аггела // благовѣстився... (л. 243 об.–244).	...иже от звѣздъ провъзвѣстився и от священныхъ волховъ дары приемъ, иже от аггелъ възвѣстився... (л. 195, стб. 1427).	...иже от звѣздъ про*возвѣстився* и от священныхъ волховъ дары приемъ, иже от аггелъ <u>възвѣстився...</u> (л. 130).	*благовѣстився* Знак замены поставлен ошибочно к тому же слову строкой выше

К примерам того же рода должны быть причислены и киноварные пометы, находящиеся на нижних полях л. 114 об. и 119 об.: «Сие страшная вещь» и «Страшное чудо преславно», также заимствованные из списка с южнославянским вариантом. Следует уточнить, что в правке, находящейся на полях, нами обнаружен лишь один случай, когда исправление сделано не по южнославянскому тексту, и его, безусловно, следует признать каким-то курьезом или инициативой справщика:

КБ-45	Соф. 1210, ВМЧ	Солов. 802	
		В основном тексте	На поле
...яко егда видять тя явѣ (л. 248 об.).	...яко егда видять тя явѣ (л. 197, стб. 1431).	...яко *егда* видять тя явѣ (л. 132).	*въ градѣ*

Поскольку все видоизменения текста и собственно рукописи проведены исключительно обладателем седьмого почерка, не подлежит сомнению, что именно его следует считать «редактором» текста Жития и Прения с Ерваном. Этот человек вольно или невольно создал редакцию текста, которую можно условно назвать Сводной. Было бы весьма соблазнительным видеть в обладателе седьмого почерка самого Досифея Соловецкого. Совсем недавно высказаны интересные предположения о характере его скорописного письма,⁵³ между тем, примеры его полуустава пока не выявлены, что не позволяет нам атрибутировать «седьмой» почерк соловецкому игумену. Более того, этот

⁵³ Шибаев М. А. Кодикологические и палеографические наблюдения над записью «Память, как торговали доселе новгородцы» в Минее из Соловецкого собрания РНБ // Российский рубль. 700 лет истории. Материалы Международной научной конференции. Великий Новгород, 25–27 апреля 2016 г. Великий Новгород, 2017. С. 44–49.

почерк не встречен нами на полях остальных келейных книг Досифея, где сохранились пометы, выполненные скорописью, близкой к показанной в работе М. А. Шибаева.

В любом случае, сборник Солов. 802 и по своему характеру, и по месту хранения при жизни своего владельца, является именно келейным, а не написанным на заказ для монастыря.⁵⁴ Более того, его датировка, как справедливо предполагает Н. В. Понырко, не позволяет исключать, что сборник мог принадлежать и кому-то из старшего поколения современников Досифея, почему он особенно дорожил этой книгой.⁵⁵ Новгородское происхождение рукописи Солов. 802 и ее тесная связь с владычной кафедрой,⁵⁶ в свою очередь, однозначно демонстрирует бытование русской редакции Жития Григория Омиритского в Великом Новгороде за полстолетия до начала работы над текстом ВМЧ.

Мы не имеем ранних списков, сделанных с тех или иных текстов из сборника Солов. 802, наличие каковых позволило бы детальнее обрисовать круг людей, в котором находилась рукопись вскоре после своего создания. Между тем, еще одна редакция Жития Григория Омиритского, которую нам удалось выявить, позволяет думать, что к сборнику обращались задолго до его попадания в монастырскую библиотеку в 1514 году, то есть при жизни Досифея. Так, например, текст редакции Жития, появившейся непосредственно в Солов. 802, нашел отражение в рукописи РНБ, Q.I.999 на л. 480–501, в составе известного исследователям сборника конца XV века, приобретенного П. Д. Богдановым в Кемии.⁵⁷ Это видно уже из заголовка Жития, в котором также совмещены чтения двух редакций. «Прение с Ерваном» в этой рукописи полностью исключено — доведя текст до начала первого «Прения»,⁵⁸ книжник попытался объяснить сделанное им сокращение следующим образом: «и бѣ убо стяжание велие о вѣрѣ господа нашего Иисуса Христа между блаженным Григорием архиепископом и Ерваном законоучителем и со всѣм множеством иудейским, якоже индѣ написана есть божественная его книга о томѣ. Мы же

---

⁵⁴ Понырко Н. В. «Герван» или «Герман»? С. 19; Бобров А. Г. К вопросу о книжном наследии Досифея Соловецкого // Книжные центры Древней Руси. Книжное наследие Соловецкого монастыря. СПб., 2010. С. 56.

⁵⁵ Понырко Н. В. «Герван» или «Герман»? С. 19.

⁵⁶ Там же. С. 19–21.

⁵⁷ Описание рукописи см.: Бычков И. А. Каталог собрания славяно-русских рукописей П. Д. Богданова. Вып. 1. СПб., 1891. С. 73.

⁵⁸ Последние слова, совпадающие с текстом Жития: «яко друг друга попирали всѣм очи бяху зря на царя и архиепископа».

сия преидохом множества ради, здѣ же точию написахом блаженнаго Григориа житие», и далее, кратко резюмировав финал «Прений» словами «И благодатию Христовою и Святаго Духа поспѣшеством препрѣ блаженни Григорие Ервана и все множество спедшихся ту иудеи», перешел к изложению заключительной части Жития (от слов «Почиташе же Ерванъ зѣло и блаженнаго архиепископа...» до конца текста памятника).⁵⁹

Происхождение рукописи из Кемской волости и ее датировка вполне согласуются с соловецким периодом жизни Досифея. Важно, что в составе сборника находится ряд текстов, оказавшихся и в соловецкой «Минее новым чудотворцам» (РНБ, Солов. 518/537),⁶⁰ появление которой в монастыре также связано с личностью Досифея, а написание относится к 1494 году.⁶¹ Характерно, что аналогичный список Жития Григория Омиритского (с тем же объяснением выпуска «Прения») сохранился и в составе сборника XVII века РНБ, Солов. 815/925.⁶² Все это позволяет предполагать, что редакция Жития Григория Омиритского, читающаяся в рукописи Q.I.999, предназначалась для целенаправленно собиравшихся в монастыре в конце XV— начале XVI века Четьих Миней.

Долгое время соловецкие книжники, обращаясь к Житию Григория Омиритского и «Прению» с Ерваном, опирались лишь на текст из сборника Досифея Солов. 802. По крайней мере, три соловецких рукописи первой половины XVII века отражают ту же Сводную редакцию: Солов. 205/205,⁶³ Солов. 206/206⁶⁴ и, судя по подробному

⁵⁹ РНБ, Q.I.999. Л. 499. См.: ВМЧ. Стб. 1435–1438.

⁶⁰ Описание рукописи см.: Описание рукописей Соловецкого монастыря, находящихся в библиотеке Казанской духовной академии. Ч. 2. Казань, 1885. С. 358–368. Общими статьями являются Житие Михаила Черниговского (Q.I.999. Л. 43 об. и Солов. 518/537. Л. 296), Жития Сергия и Никона Радонежских (Q.I.999. Л. 53 об., 226 и Солов. 518/537. Л. 372, 424), Житие Саввы Вишерского (Q.I.999. Л. 117 и Солов. 518/537. Л. 284), Воспоминание о знамении иконы Пречистой и Слово похвальное знамению богородицы в Великом Новгороде (Q.I.999. Л. 278, 283 и Солов. 518/537. Л. 187, 191).

⁶¹ Розов Н. Н. Соловецкая библиотека и ее основатель игумен Досифей // ТОДРЛ. Т. 18. М.; Л., 1962. С. 302; Бобров А. Г. К вопросу о книжном наследии... С. 52, 58–59; Шибаев М. А. Кодикологические и палеографические наблюдения... С. 45.

⁶² Описание рукописи см.: Описание рукописей Соловецкого монастыря... Ч. 2. С. 518–520.

⁶³ Описание рукописей Соловецкого монастыря... Ч. 2. С. 240. Перечень филиграней, однако, без указания листов, несмотря на констатацию конволютного характера сборника см: Панченко О. В. Повести о соловецких пустынножителях. (К истории создания цикла) // ТОДРЛ. Т. 62. СПб., 2014. С. 587.

⁶⁴ Описание рукописей Соловецкого монастыря... Ч. 2. С. 240.

описанию, утраченная ныне рукопись Солов. 639/697.⁶⁵ В этих трех рукописях наблюдается одна общая ошибка: в записи о переводе преподобным Антонием, пропущено ключевое слово: «книгу».⁶⁶ Более того, текст «Прения с Ерваном», по крайней мере, в двух сохранившихся списках отделен от Жития специально изобретенным заголовком: «Иже во святых отца нашего Григория архиепископа Амирицкаго прѣние з жиды о вѣрѣ во граде Фреалѣ при благочестивом цари Елесване. У жидов же избран нѣкий муж именем Ерван, муж учителен».⁶⁷

Лишь в середине XVII века в монастыре появилась рукопись, где сопровождаемый миниатюрой с изображением Григория текст восходил к редакции, читающейся в ВМЧ, — Солов. 204/204. Вероятнее всего, эта книга была привезена из Новгорода или переписана с новгородского оригинала.⁶⁸

⁶⁵ Описание рукописи см.: Описание рукописей Соловецкого монастыря... Ч. 2. С. 162–163.

⁶⁶ Ту же редакцию представляет текст из сборника Солов. 838/948, принадлежавшего бывшему архимандриту монастыря Саввы Строжевского Никанору, в 1644–1653 годах книгохранителю Соловецкого монастыря, а позднее участнику Соловецкого восстания. (Об архимандрите Никаноре см.: *Крушельницкая Е. В., Панченко О. В.* Библиотечное дело и «книжная продажа» в Соловецком монастыре в середине XVII в. // *От Средневековья к Новому времени: Сборник в честь О. А. Белобровой.* М., 2006. С. 622–623). Житие размещено в сборнике на л. 277 об.–343, по определению составителей Описания, письмо — «тщательная и красивая скоропись» (Описание рукописей Соловецкого монастыря... Ч. 2. С. 524). Заголовок Жития предельно сокращен («Месяца декабря въ 19 день. Житие и жизнь преподобнаго отца нашего Григория епископа Омиритскаго»), а в колонтитуле помещено жанровое обозначение — «Прение с жиды». В тексте Прения обнаруживаются существенные пропуски текста, вызванные качеством работы писца, явно торопившегося закончить переписку. Так, на л. 299 об. после слов «в законѣ быти восхотѣ» (ср.: Солов. 802. Л. 38) обнаруживается большая лакуна до слов «Ерван глагола. Им же образомъ первая сказав...» (ср.: Солов. 802. Л. 89 об.). Следующие пропуски выявлены на л. 312 об. после слов «к сим же убо еже имаши отвѣщати» (ср.: Солов. 802. Л. 96) до слов «Ерван глагола. Тако ми бесѣдовавша на горѣ Моисѣови...» (ср.: Солов. 802. Л. 113 об.) и на л. 315 об. после слов «и страсти претерпѣ и умре и воскресе» (ср.: Солов. 802. Л. 115) до слов «Архиепископ рече. Все языци являютъ...» (ср.: Солов. 802. Л. 119). Несмотря на данное обстоятельство, нет сомнений в том, что рукопись воспроизводит именно Сводную редакцию памятника. Наиболее показательными примерами могут быть заголовок «Начало 4-я бесѣды святейшаго архиепископа Григория...» на л. 308 об., упоминание Ермолая-льстеца на л. 333 об., при наличии «неправленного» начального рассказа о родителях Григория (л. 277 об.).

⁶⁷ РНБ, Солов. 205/205. Л. 23; см. также РНБ, Солов. 206/206. Л. 26 об.

⁶⁸ Исследователям еще предстоит выяснить, не связано ли появление этой рукописи в монастыре с приездом в 1652 г. на Соловки новгородского митрополита (будущего патриарха) Никона или же пути попадания книги в монастырскую библиотеку были иными.

РНБ, Солов. 204/204. Л. 2 об.—3

Для полноты картины добавим, что на основе подобного текста была составлена и «Повесть от Житья» Григория Омиритского, представляющая собой совсем краткое изложение текста памятника, сохранившееся, как пока кажется, в одном списке — РНБ, Солов. 830/940. Л. 526–529 об.⁶⁹ Ряд чтений с большой уверенностью позволяет говорить о зависимости этого текста именно от редакции ВМЧ. Например, на л. 526 читаем: «и понуди всѣх вѣрныхъ отврещися Христа бога нашего и держати службу закона иудѣйскаго, всѣм же не покорившимся повелѣнью его...». Подчеркнутые слова характерны лишь для редакции текста, включенного в ВМЧ,⁷⁰ тогда как в Сводной редакции сохранилось чтение, восходящее к южнославянским спискам, «не послушавшим повелѣния того».⁷¹ Далее на л. 527 находим: «И воставъ же епископъ на востокъ и моляшеся богу»; в тексте ВМЧ также есть указание «на восток» («и вѣставъ, мало от нихъ отступъ, и ста на вѣстокъ»)⁷², тогда как Сводная редакция опять же

⁶⁹ Описание рукописи см.: Описание рукописей Соловецкого монастыря... Ч. 2. С. 493–500. Текст «Повести» определен здесь как «Краткое проложное сказание» (Там же. С. 498), тогда как О. В. Творогов обратил внимание на то, что в Прологах память Григорию Омиритскому не обнаруживается (Творогов О. В. Переводные жития... С. 42).

⁷⁰ ВМЧ. Стб. 1212.

⁷¹ Солов. 802. Л. 26. См. также: Солов. 205/205. Л. 7; Солов. 206/206. Л. 9.

⁷² ВМЧ. Стб. 1219.

следует южнославянскому варианту «и въставъ, мало от нихъ отступивъ».⁷³ Установленный факт делает соловецкое происхождение «Повести от Житья» маловероятным или требующим отдельных серьезных доказательств. Текст Повести мы публикуем в Приложении 2.

* * *

В настоящей работе показана лишь основная линия движения текста византийского памятника, появившегося на Руси в южнославянском, казалось бы, понятном и близком для русского читателя варианте, но практически сразу подвергшемся редактированию местными книжниками. Это позволяет рассуждать не о механическом восприятии южнославянских переводных текстов, а об осмысленном и достаточно сложном процессе приспособления к ним, адаптации их текста к привычным для книжников языковым нормам. Многие вопросы требуют дальнейшего изучения, однако, продемонстрированные этапы бытования текста Жития Григория Омиритского, безусловно, открывают новые возможности для исследований в области древнерусского языка и книжности, а также во многом облегчат работу будущих археографов.

В приложениях к исследованию помещаем:

I. Роспись состава сборника РНБ, Соф. 1210 и библиографический комментарий.

II. Текст краткой редакции Жития — «Повести», предназначенной для чтения монахами Соловецкого монастыря во второй половине XVI века, по рукописи РНБ, Солов. 830/940. Л. 526–529 об.

П Р И Л О Ж Е Н И Е 1

СОСТАВ СБОРНИКА РНБ, Соф. 1210 и библиографический комментарий

Л. 1. Слово Иоанна Златоустого архиепископа Константинограда. Аще хочещи почести святѣя писаниа или чтущаго послушати, помолися молитвою сею. Нач.: «Господи Исусе Христе, отврѣзи ми слово свое...».¹

⁷³ Солов. 802. Л. 30 об. См. также: Солов. 205/205. Л. 15 об.; Солов. 206/206. Л. 19.

¹ Это и следующие за ним три произведения представляют собой своеобразный цикл, бытовавший в русской рукописной традиции, начиная с XV столетия. См.

Л. 1–7. Сказание полезна о латинохъ, когда отлучишася от грекъ и святѣя божіа церкви... *Нач.:* «Въ лѣта благочестивыхъ цареи Константина и Ерины матери его преставшу злочестиву иконоборству злочестивыхъ цареи...».²

Л. 7–23. Исповѣдание въкратѣцѣ, како и его же ради дѣла отлучишася от нас латина и извержени быша от прѣвенства своего и от книги помѣнныхъ, идеже пишутся. *Нач.:* «Въ лѣто 6256. Бѣша на седмомъ съборѣ Андрѣанъ папа Римскій и потомъ Лео, таже Стефанъ, по семь же Пасхаль...».

Л. 23–32 об. Слово третіе о латинѣ. Сказание 12 апостолу о латинѣ и о опрѣсноцех. *Нач.:* «Къ вамъ слово, о хитрии римляне...». Обрывается словами: «и написании быша языци въ едину вѣру святѣя Трои...», утрачено три листа текста Сказания.³

Л. 33.⁴ Последние слова утраченного вместе с предшествующими листами текста Послания Домника архиепископа Венеційскаго к Петру Антиохійскому: «увѣдѣти и вашего изволения хотѣние намъ отписати».

Л. 33–41. Отписание святѣишаго патріарха Петра къ Домнику архиепископу Венеційскому противу писанию его посланному.⁵ *Нач.:* «Честному и равноангельному владыцѣ и духовному брату нашему архиепископу Градеискому...». Заголовок и начало Послания (до слов «брату нашему») восстановлены в XVI веке на бумажной

об этом: *Николов А.* Повест полезна за латините. Паметник на средновековната славянска полемика срещу католицизма. София, 2011. С. 15–16; *Новикова О. Л.* Изборник 1073 г. и «Ефремовский сборник о латынѣхъ» // ОФР. Вып. 16. М., СПб. 2013. С. 56–85.

² В южнославянской рукописной традиции этот памятник назван «Повестью». Обозначение текста именно как «Сказания» характерно лишь для небольшой группы русских списков. См.: *Николов А.* Повест полезна за латините. С. 15. Примеч. 20; *Новикова О. Л.* Изборник 1073 г. и «Ефремовский сборник о латынѣхъ». С. 56–85.

³ Дальнейший текст см. в рукописи близкого времени: РНБ, Кир.-Бел. 75/1152. Л. 49–52. Об этой рукописи см.: *Новикова О. Л.* Изборник 1073 г. и «Ефремовский сборник о латынѣхъ». С. 51–152.

⁴ Тексты, помещенные на л. 33–48 об., отражают сборник южнославянского происхождения, включающий сербские переводы XIV века греческого полемического сборника (о нем и рукописях близкого состава, «Сербском Требнике» и «Кичевском сборнике», см.: *Горский А. В., Невоструев К. И.* Описание славянских рукописей Московской Синодальной библиотеки. Отд. 3. Ч. 1. М., 1869. С. 195–196; *Турилов А. А.* Межславянские культурные связи эпохи средневековья и источниковедение истории и культуры славян: Этюды и характеристики. М., 2012. С. 501–502; 508).

⁵ Послание читается в полном виде и в том же переводе, что и в «Сербском Требнике». Об отличиях этого текста в русских списках и сербском варианте см.: *Полов А. Н.* Историко-литературный обзор древнерусских полемических сочинений против латинян (XI–XV в.). М., 1875. С. 165.

приклейке, закрывающей вырезанный фрагмент листа (шириной в один столбец, высотой — в 7 строк).

Л. 41–41 об. Се же Михаила Сиггела. *Нач.:* «Вѣдомо буди, яко от шестаго събора до царствия Мономаха обличаеми бѣху помалу римляне...».⁶

Л. 41 об.–42 об. Германа патриарха кѣ жестоковыинымъ латиномъ поучение. *Нач.:* «Познавше убо възлюблении истинное православие...».

Л. 42 об. Сие исповѣдание папы римскаго, еже принесоша отвѣтници его, нарицаемии фременурии, кѣ святыишему патриарху Констянтинаграда кирь Герману... *Нач.:* «Отець есть съвъшенъ богъ въ себѣ...».

Л. 42 об. Подписание апоклисарии папѣнѣхъ домна амониа фременора. *Нач.:* «Сию вѣру азъ, убо иже отчина, братие, Домнъ пропоѣдникъ, азъ обрѣтаюся...».

Л. 42 об.–48 об. Отвѣщание святыишаго вселеньскаго патриарха кир Германа и священнаго его събора кѣ посланнымъ от папы фременуремъ и иже с ними латиномъ. *Нач.:* «Въспроси: Рѣцѣте намъ, о честнии отвѣтници святого папы...».

Здѣ приложи свѣдетельства, яко от Отца единого исходитъ Духъ Святыи, а не убо и от Сына по латинскому велѣнию (л. 44).

— **Григориа Нискаго.** *Нач.:* «Духъ же изъ Отца състава исходитъ...».

— **Великаго Афанасиа.** *Нач.:* «Иже убо глаголетъ, яко дунувъ, рече, ученикомъ своимъ Христос...».

— **Григориа Богослова.** *Нач.:* «Глаголетъ же великии Григорие Богословъ въ Словѣ, еже на Богоявление чтеться, ему же зачало „Паки Исус мой“...».

— **Дионисиа Ареопагита.** *Нач.:* «Есть убо истъчникъ божества...» (л. 44 об.).

— **Василиа Великаго.** *Нач.:* «Нѣсть убо от себе сыновнее бытие...».

— **Златоустаго.** *От Слова, еже о Святымъ Дусѣ.* *Нач.:* «Слыши бога, глаголюща пророкомъ...».

— **Иоанна Дамаскина.** *Нач.:* «Подобаеть же вѣдѣти, яко Отца не глаголемъ от кого...» (л. 45).

— **Того жде.** *Нач.:* «Человекомъ убо сущимъ намъ...».

— **Афанасиа Великаго.** *Нач.:* «Что убо будетъ ино зловѣрнѣше и нечѣстивѣше...».

— **Того жде.** *Нач.:* «Прежде убо Петра и Павѣла и Тимофеа чловеци были суть...» (л. 45 об.).

⁶ По указанию А. Н. Попова, такой заголовок к этому тексту читается еще в двух (более поздних) сборниках (*Попов А. Н. Историко-литературный обзор... С. 150–151. Примеч. 2).*

— **Григория Чюдотворца.** *Нач.:* «Богъ Отець съврѣшенъ сыи образъ...».

— **Того жде.** *Нач.:* «Един богъ Отець Слова живаго...».

— **Василиа Великаго.** *Нач.:* «Отець раждаетъ...».

— **Григория Нискаго.** *Нач.:* «По насъ есть разумѣти, еже о нас...» (л. 46).

— **Того же.** **Како Троица въ единомъ божествѣ познавается.** *Нач.:* «Едино лицѣ Отче есть...» (л. 46 об.).

— **Епифания Кипрьскаго.** *Нач.:* «Бога Отца, бога Сына, бога Святого Духа именуемъ, а не боги...».

— **Анастасиа Синаискаго о сущимъ по образу и по подобию.** *Нач.:* «Приидемъ убо на сущее...» (л. 47).

— **Дамаса папы римскаго къ Павлу епископу Колосоньскому.** *Нач.:* «Иже не речеть „Святыи Духъ, яко от Отца сущии есть...“» (л. 47 об.).

— **Сие патриарха киръ Германа.** *Нач.:* «Въ всѣхъ святыхъ сихъ, ихъ же и знаменахъ...» (л. 48).

Л. 48 об.–49 об. Фотѣа патриарха Константинограда къ римляномъ о Святомъ Духу и о приносимѣмъ от нихъ опрѣсноку.⁷ *Нач.:* «Божествънии убо Григории, нареченнии Двоесловъ, по шестомъ съборѣ бывъ...».

Л. 49 об.–65. Преподобнаго отца нашего авва Касиана Римлянина о злобныхъ осмихъ помыслехъ.⁸ 1. О чревообъядении. 2. О блудѣ (л. 51). 3. О сребролюбии (л. 53). 4. О гнѣвѣ (л. 57). 5. О скръби (л. 60). 6. О унынии (л. 61). 7. О тѣщеславии (л. 63). 8. О гордости (л. 63 об.).

Л. 65–72. Вопросы и отвѣти святыхъ отецъ.

Л. 72. От патерика.

Л. 74–200 об. Месяца декабря 19. Житие преподобнаго отца нашего Григория, епископа бывша иже въ Амиритѣ града Тафарона, и повѣсть о съдѣанныхъ чудесѣхъ от него, списана епископомъ града Неграньскаго, истинъна и извѣстна. Благослови, отче. *Нач.:* «Весь нѣкоа есть не от славныхъ въ прѣдѣлехъ Аварскихъ и Асиискыхъ, Лоплиани нарицаема...». На л. 200 об. приписка тем же почеркомъ: «Прѣподобному отцу Антонию вѣчнаа память, преведъшему сию книгу съ гречьскаго языка на рускии. Христосъ зачало и конецъ. Слава съвершителю богу, съврѣшающему въсяко начинание благое, аминь».⁹

⁷ Попов А. Н. Историко-литературный обзор... С. 39–43.

⁸ Этот же текст читается в рукописи XVI века РГБ, Волок. 448. Л. 649–682 об. Важным представляется, что наиболее близкий по времени список РГБ, ТСЛ, № 756, л. 461–476 содержит это сочинение в ином переводе.

⁹ Заслуживает внимания явная связь между нашей рукописью и сборником РНБ, ОРК.1.1.29, включающим известное печатное «Тяпинское Евангелие», рукописная

Л. 201–241 об.¹⁰ Месяца декемврия въ 5 день. Житие святого отца нашего и наставника пустынного Савы. Отче, благослови. Нач.: «Сии убо небеснаго града гражданинъ Сава отечество имѣаше Капподокиискаго мѣста Мутадыскаго града под Кесариискымъ градомъ сущу...».¹¹

Л. 242–253. Месяца августа въ 2. Мучение и обрѣтение мощи святого прѣвомученика Стефана. Благослови, отче. Нач.: «Стефанъ же исплѣнь си благодати и вѣры и силы...».¹²

Л. 253 об.–257. Месяца декабря въ 27. Иоанна Златоустаго архиепископа Костянтинаграда похвала святого Стефана Первомученика. Отче, благослови. Нач.: «Чювьственное убо солнце вѣсия на землю...».¹³

Л. 257–263. Святого Григория епископа Нискаго омѣлиа о святѣмъ Стефанѣ Прѣвомученицѣ.¹⁴ Нач.: «Коль добро благыхъ наслѣдование, коль сладка веселиа измѣнение...».

Л. 263–267 об. Месяца августа въ 5 день. Память и мучение святого Еусѣгна.¹⁵ Отче, благослови. Нач.: «Иулианъ царь отвергся Христа, бѣ же живыи въ Антиохии градѣ, строа царствие свое...».¹⁶

часть которого была переписана в Супрасльском монастыре на основе хранящихся там книг. Об этом свидетельствуют текст Жития Григория Омиритского в той же редакции и полемические антилатинские статьи. О составе сборника см.: *Попов А. Н.* Обличительные списания против жидов и латинян по рукописи Императорской Публичной библиотеки 1580 года // *ЧОИДР.* 1879. Кн. 1. С. I–XII, 1–41.

¹⁰ Тексты, следующие с л. 201 — представляют собой достаточно раннее для древнерусской рукописной традиции собрание минейных чтений, отразившееся в рукописях конца XV — начала XVI века (например: РНБ, Q.I.1187. Л. 295–558 об.), а позднее вошедшее в ВМЧ. В качестве комплекса исследователями не рассматривалось, но заслуживает пристального внимания.

¹¹ *Творогов О. В.* Переводные жития в русской книжности XI–XV веков. Каталог. М., СПб., 2008. С. 104; Q.I.1187. Л. 295–356 об.

¹² Слово Лукиана пресвитера о перенесении мощей Стефана Первомученика, продолженное (с л. 243) текстом Окружного послания Лукиана и рассказом о перенесении мощей. См. *Иосиф, архим.* Подробное оглавление Великих Четиих Миней всероссийского митрополита Макария, хранящихся в Московской Патриаршей (ныне Синодальной) библиотеке. М., 1892. Стб. 398–399. В сборнике Q.I.1187 на л. 357 сохранилось лишь окончание, перечеркнутое позднее.

¹³ *Гранстрем Е. Э., Творогов О. В., Валевичюс А.* Иоанн Златоуст в древнерусской и южнославянской письменности XI–XIV веков: Каталог гомилий. СПб., 1998. С. 144 (отсылка только к ВМЧ); *Иосиф, архим.* Подробное оглавление... Стб. 399. См. также: Q.I.1187. Л. 357–362 об.

¹⁴ Сербской список конца XIV в. см.: *Попов А. Н.* Описание рукописей и каталог книг церковной печати библиотеки А. И. Хлудова. М., 1872. С. 386; Q.I.1187. Л. 362 об.–371.

¹⁵ *Творогов О. В.* Переводные жития... С. 50; Q.I.1187. Л. 371 об.–378 об.

¹⁶ Следующий за л. 267 лист рукописи («0») свободен от текста.

Л. 268–302.¹⁷ Месяца генуариа в 11 день. Житие и бытие святого отца нашего Феодосиа архимандрита всеа пустыня, яже под святымъ Христа бога нашего градомъ. Списано от преподобнаго Феодора епископа Петръска, бывшу того ученику. Отче, благослови. Нач. предисловия: «Тресобное и неразлучное единосущие, и божество, и царство, и сила Отца и Сына и Святаго Духа несъзданное естество владычское». **Нач. жития:** «Есть нѣкаа весь въ Капшодочистѣ мѣсте» (л. 269).¹⁸

Послание, еже къ царю Анастасию писано от Феодосиа архимандрита и прочихъ пустынныхъ отецъ. Нач.: «Како убо по пятисотъ и лише от Христова пришествиа лѣтъ Иерусалимѣ не вѣрѣ учимся...» (л. 286 об.).

Послание, въписано от Анастасиа царя къ блаженному отцу Феодосию и архимандриту. Нач.: «Въписа твое боголюбие...» (л. 287).

Л. 303–328. Месяца генуариа въ 18 день. Житие и жителство иже въ святыхъ отца нашего исповѣдника Афанасиа Великаго архиепископа Александриискаго.¹⁹ Нач.: «Инии убо иная божествныхъ мужъ въспоминаниа къ добродѣтельному указанию...».

Л. 328 об.–365. Месяца генуариа в 20 день. Житие святого и великаго отца нашего Еуфи[ми]а.²⁰ Нач.: «Единородный Сынъ и Слово божие собезначальное...».

Л. 365–386. Месяца генуариа въ 25 день. Житие и жизнь иже въ святыхъ отца нашего Григориа архиепископа Константинограда Богослова, списано Григориемъ ученикомъ его.²¹ Нач.: «Съзываетъ насъ, о мужи Григории...».

ПРИЛОЖЕНИЕ 2

Ниже мы публикуем текст Краткой редакции Жития Григория Омиритского («Повести от Житѣя») по списку XVI века — РНБ, Солов. 830/940. В конце даны отсылки к тексту редакции, представленной в Соф. 1210 и ВМЧ, позволяющие говорить о восхождении текста «Повести» именно к ней.

¹⁷ Оставшаяся часть л. 302 и его оборот — свободны от текста.

¹⁸ Творогов О. В. Переводные жития... С. 119; Q.I.1187. Л. 378 об.–431 об.

¹⁹ Творогов О. В. Переводные жития... С. 27–28; Q.I.1187. Л. 431 об.–470.

²⁰ Над первой строкой: «Того не пиши» — запись затерта, читается в ультрафиолетовых лучах. Творогов О. В. Переводные жития... С. 53; Q.I.1187. Л. 470–524 об.

²¹ Над первой строчкой: «То пиши» — запись затерта, читается в ультрафиолетовых лучах. Творогов О. В. Переводные жития... С. 41; Q.I.1187. Л. 524 об.–558 об. (конец утрачен).

Месяца декабря въ 19 день. Повѣсть от житѣя преподобнаго и богоноснаго отца нашего Григория вкратцѣ, епископа Амиритьскаго¹ Афора² града Ефиопьскія области. Благослови отче, аминь.

^аБысть во дни Устиана, царя Грѣческаго, и Елесваяна, царя Ефиопскаго, и Претория, папы Александрийскаго, Доуянъ царь амиритомъ, иудѣянинъ, иже приять лестию град Неграсъ и понуди всѣхъ вѣрныхъ отврещися Христа бога нашего и держати службу закона иудѣискаго, всѣмъ же не покорившимся повелѣнію его^а огнемъ сожже, ^бславнаго же князя Арефу мечемъ усѣкну^б. ^вСиа же увѣдавъ, царь Устианъ Грѣческій и прочее пишеть с молениемъ блаженному царю ефиопскому Елесваяну^в ^готмстити кровь святую^г, еже и сотвори Елесваянъ царь, злочестиваго царя Доуяна евреина со всѣми его поборники // смертию осуди, прочая же иудея, хотящая креститися, во ослабѣ жити повели, а не хотящимъ креститися смертное запрещение положи. Та же ^дпишеть Елесваянъ царь Преторию, папѣ Александрийскому, еже поможе ему господь богъ на иудеи, испросити избрати на епископство мужа духовна и свята граду Амириту^д.

^еСамъ же блаженный царь Елесваянъ вся сонмища иудейска до конца разори^е и в тѣх^з мѣсто⁴ церкви православныя воздвиже. Святѣишии же папа Претории сотвори моление со всѣмъ соборомъ къ человеколюбцю богу, и откры ему богъ сего блаженнаго отца Григория, духовна и свята мужа, и постави его епископом, и посла къ блаженному царю Елесваяну. ^жИ призвавъ убо царь Елесваянъ блаженнаго Григория и призвавъ вся своя князя и воеводы^{5-ж}. И рече царь святителю: «Григорие, // се предъ лицомъ твоимъ вся князя и воеводы, его же хоцещи в нихъ во имя господа нашего Исуса Христа, и помажы⁶ его царя». «Благо есть, еже, — рече царь, — въспросити о семъ господа нашего Исуса Христа и ^зего же богъ открыетъ⁷»^з. ^иИ воставъ же епископъ на востокъ и моляшеся богу^и и абие ^ксила господня восхити на воздохъ достойнаго царствовати и постави его предъ царемъ^к, Авраамии имя ему. ^лИ возведоша его на царство граду тому, и сътвори тамо благочестивыи царь Елесваянъ 30 днии, наказая^л царя Авраама, ^ми дасть ему пятнадцать тысящъ воинъ^м. ^нИ тако возвратися въ Ефиопію^н, и ^опредавъ убо царство сыну своему Ферфотаму, самъ же во едипо⁸ отшедъ в пустыню и тамо себе в темнѣ храмѣ затво-

¹ Ри вписано над строкой черными чернилами.

² Так в ркп.

³ Буква х написана над строкой другим почерком позднее.

⁴ Мѣ написано на левом поле со знаком вставки.

⁵ Ево написано над строкой.

⁶ Последняя буква написана по стертому.

⁷ От написано по стертому.

л. 526 об.

л. 527

ривъ и ни//како же человека видѣ и до исхода душа своеа, и непороченъ ко господу отиде.^{то п} Блаженнии же Григории епископъ постави епискупы и попы по всѣмъ церквамъ^п. Июдеом же, ^рнедоумѣющимъ что сѣтворити^р, избраша нѣкоего ихъ ^сзаконуучителя, Ервана именемъ^с. И молиша царя и епископа: да будетъ соборъ межи християны и иудеи, и его⁹ же аще препрѣти, тому же да вѣруемъ. И бывшу собору. ^тСѣде же блаженнии царь Авраамии и съ епископомъ Григориемъ и со всѣми князи и велможамы и с простыми. Тако же и Ервану пришедшу съ своими книжники и фариссеи и со всѣми иудеи^т. л. 527 об.

И бывшу же прѣнию велику архиепископу Григорию съ Ерваномъ Июдѣяниномъ, яко на пять днии. Царю же и всему мно//жеству народу послушающю и дивящися¹⁰ обоихъ премудрости, и скорописцу повелѣ писати обоихъ рѣчи. По четвертомъ же съпрѣнии идущимъ имъ с собора, и рече Ерванъ къ своимъ иудеомъ: «Вѣсте ли братие, ^уяко победѣтися имамъ от епископа Григориа. Азъ бо видѣхъ в нощи сеи пророка Моисѣя, Исуса в криль¹¹ святилища, и видѣхъ Моисѣя, покланяющася Исусу яко богу.^у И рече Ерванъ: ^фГосподи, Моисѣе добръ ли сия суть твориши ты? Онъ же глагола: Остани брате, нѣсмъ яко же ты познаваю бо творца си господа, но убо что есть тебѣ и праведному сему епископу, обаче утрѣ побѣжденъ будеши от него и поклонишися ты, якоже и азъ Исусу^ф». л. 528

Наутрѣ же пятому собранию бывшу и многому прѣнию от обоихъ. И видѣвъ себе Ерванъ во всемъ побѣждаема от пра//веднаго и рече: ^х«О епископе, моли бога твоего, его же ты глаголеши живущаго на небесех, снидетъ здѣ и явить ми ся самъ, и глаголю с нимъ, и живѣ господъ богъ, яко вѣрую и крещюся»^х. Тако же и вси иудѣи рѣша единогласно. л. 528 об.

^чБлаженнии же епископъ Григорие мало от собора отступивъ и ставъ на молитвѣ священнолѣпно украшаемъ на многъ час.^{ч ш} Да якоже рече царь с народомъ «аминь», и бысть трусь велии и гром от востока, яко и земли поколѣбались и всѣмъ от страха пасти на землю, и помалѣ восташа и видѣша чудо преславно, и се отверзошася небеса, и облакъ свѣтелъ поиде оттуду, и пламень огненъ от края испущая, и луча солнечныя оттуду сияя, и прииде на¹² землю, и посреди облака зряшеся мужъ паче сыновъ человеческихъ добротою^ш, ^ши ста верху облака прямо архиепископу и всѣмъ^ш.

⁸ Так в ркп., видимо, ошибка писца.

⁹ После е ошибочно написано и киноварью зачеркнуто: рвана именемъ.

¹⁰ Первая и написана поверх стертого ъ.

¹¹ Лѣ написано над строкой.

¹² Испр., в ркп.: не.

л. 529 ^б-Июдеи же, не могуще зрѣ//ти, бѣжати искаху, но держими бяху невидимо^б и ослѣпоша всѣ. ^ы-Архиепископъ же укрепився божиею силою и рече велиимъ гласомъ: «О Ерване, увѣрися, яко единъ святъ и единъ господь Исус Христосъ въ славу богу Отцу, аминь». Ерванъ же омертвивъ стояше и не могии отвѣщати. И прииде убо глас от господа бога: «Моления ради епископова, исцеляетъ вас господь Исус Христосъ, его же распяша отци ваши». От гласа же господня падоша вси на землю^ы и слѣпи быша, и скрыся господь на небо, и оцепнивъ же Ерванъ и приведенъ бысть воземъ пред епископа. И рече Ерванъ: «О епископе, ^б-таковыя ли дары подаетъ^б господь богъ вѣрующим в него, якоже ослѣпи нас всѣх». Архиепископъ же рече: «Ослѣпи убо невѣрная ваша очеса, якоже убо не вѣруете ему, егда же креститесь и вѣруете ему, тогда наипаче просветитесь». И ни тако же // вѣроваша и не вѣроваша в томъ часѣ, послѣди же увирися¹³ и вѣрова.

л. 529 об.

Испросивъ убо епископъ ^о-единого от нихъ и крести^о, и ^ю-отверзоста ему очи душевнии и телеснии^ю, и тако всѣ вѣроваша и крестившася.

И бываетъ самъ царь приемникъ Ервану ^я-и Лва его преименоваша, и видѣвъ его царь разумна мужа суца, патрекия его сътвори^я и сущих с нимъ всѣх почте, и много благодаривше бога и пресвященнаго архиепископа Григория, и тако отидоша и добръ управивша царство. Царь же и святый отидоша в бесконечное царство, его же буди всѣмъ намъ получитьи молитвами их¹⁴ о Христѣ Исусѣ господѣ нашемъ, ему же слава съ Отцемъ и съ Святымъ Духомъ нынѣ и присно и.¹⁵

Чтения, восходящие к тексту, представленному в ВМЧ

^{а-а} ВМЧ. Стб. 1212, 12–17, 19–22; ^{б-б} ВМЧ. Стб. 1212, 29–31; ^{в-в} ВМЧ. Стб. 1212, 39–42; ^{г-г} ВМЧ. Стб. 1213, 1; ^{д-д} ВМЧ. Стб. 1213, 26–32; ^{е-е} ВМЧ. Стб. 1217, 23–30; ^{ж-ж} ВМЧ. Стб. 1218, 41–43; ^{з-з} ВМЧ. Стб. 1219, 4; ^{и-и} ВМЧ. Стб. 1219, 21–24; ^{к-к} ВМЧ. Стб. 1219, 36–39; ^{л-л} ВМЧ. Стб. 1220, 30–33; ^{м-м} ВМЧ. Стб. 1220, 35–37; ^{н-н} ВМЧ. Стб. 1220, 38–39; ^{о-о} ВМЧ. Стб. 1221, 5–15; ^{п-п} ВМЧ. Стб. 1222, 17–19; ^{р-р} ВМЧ. Стб. 1222, 38–39; ^{с-с} ВМЧ. Стб. 1223, 18; ^{т-т} ВМЧ. Стб. 1224, 41 — 1225, 1–13; ^{у-у} ВМЧ. Стб. 1403, 21–28; ^{ф-ф} ВМЧ. Стб. 1403, 31–40 — 1404, 1; ^{х-х} ВМЧ. Стб. 1425, 26–31; ^{ч-ч} ВМЧ. Стб. 1426, 37–40 — 1427, 1; ^{ш-ш} ВМЧ. Стб. 1431, 32–42 — 1432, 1–3; ^{щ-щ} ВМЧ. Стб. 1432, 7–8; ^{ь-ь} ВМЧ. Стб. 1432, 15–20; ^{ы-ы} ВМЧ. Стб. 1432, 21–31; ^{ъ-ъ} ВМЧ. Стб. 1433, 34; ^{э-э} ВМЧ. Стб. 1434, 37; ^{ю-ю} ВМЧ. Стб. 1434, 21–22; ^{я-я} ВМЧ. Стб. 1435, 24–33.

¹³ Так в ркп.

¹⁴ Далее зачеркнуто: Аминь.

¹⁵ Так в ркп. Далее следует другой текст.

Н. В. Белов

О НОВЕЙШЕЙ ГИПОТЕЗЕ ПРОИСХОЖДЕНИЯ ГАЛАКТИОНА ВОЛОГОДСКОГО

Галактион Вологодский — один из наиболее почитаемых святых Вологодского края. Согласно Житию, написанному в первой половине 1640-х годов,¹ Гавриил (таково было мирское имя Галактиона) являлся сыном «великодержавного боярина» Ивана Ивановича Бельского. Когда же князь Бельский был схвачен и казнен по приказу Ивана Грозного, семилетний мальчик был спрятан своими «сродниками» в Старице. Прожив там некоторое время на положении инкогнито, повзрослевший Гавриил, следуя божьему наставлению, тайно перебрался в Вологду, где он устроился подмастерьем к сапожнику — «чеботному мастеру», «и научися сапожного художества, и усмарь бысть изряден, и от того себе пищу приимаше». Возмужав, Гавриил женился на посадской девушке, «поживе с нею, и бысть има едино детище, женский пол». После смерти жены Гавриил решается принять постриг с именем Галактион. На берегу реки Содимы близ Вологды он поставил одиночную келью. Своей аскетической жизнью Галактион снискал уважение вологодцев. Предсказав разорение Вологды иноземцами, Галактион сам погиб в ходе налета на город польско-литовского отряда Яна Ходкевича в 1612 г.²

Вопрос об историчности житийного рассказа не давал покоя исследователям уже в XIX в. Главным бросающимся в глаза несоответствием являлось имя отца Гавриила-Галактиона. Дело в том, что боярин Иван Иванович Бельский не фигурирует ни в разрядах, ни в летопи-

---

¹ Согласно И. А. Лобаковой, текст Жития вероятнее всего был создан в промежутке с 1641 по 1646 г. (Лобакова И. А. «...Извѣстия совершеннаго нѣсть»: Интерпретация исторических событий в Житии Галактиона Вологодского // Slověne. 2015. № 1. С. 243).

² РНБ. F.XVII.16. Л. 682 об.—684 об.

сях, ни в родословных книгах. Выход из этого затруднительного положения был найден достаточно оригинальный: отцом святого решили «назначить» князя Ивана Федоровича Бельского, действительно имевшего боярский чин в годы правления Ивана IV.³

Однако, к этой версии происхождения Гавриила-Галактиона есть масса вопросов. Почему в Житии гонителем князя Бельского назван Иван IV, если предполагаемый отец святого — Иван Федорович Бельский — был арестован, а позднее убит по приказу князей Шуйских задолго до начала самостоятельного правления царя Ивана? Зачем малолетнего Гавриила потребовалось укрывать в Старице, если Шуйские не тронули его мать Ксению (в иночестве — Ефросинью), урожденную Щенятеву, мирно скончавшуюся лишь 18 лет спустя, в октябре 1560 г.⁴

Современная исследовательница Жития Галактиона И. А. Лобакова подвергла устоявшуюся точку зрения обстоятельной критике, выдвинув свою гипотезу произошедшего. По мнению Лобаковой, текст Жития позволяет назвать единственно возможного отца Гавриила-Галактиона — князя Ивана Дмитриевича Бельского, приходившегося Ивану Федоровичу Бельскому племянником. В январе 1561 г. Иван Дмитриевич, будучи главой Боярской думы, был обвинен в подготовке бегства в Литву, арестован, однако вскоре прощен и отпущен на свободу. Он восстановил свои позиции при дворе и в мае 1571 г., возглавив оборону Москвы от крымских татар Девлет-Гирея, погиб, задохнувшись вместе с семьей в погребке своего дома во время грандиозного московского пожара. Вопреки общепринятой версии, Лобакова однако же усомнилась в подобной трактовке кончины князя. Опираясь на запись вкладной книги ростовского Бори-

---

³ Впервые эта версия была озвучена в 1867 г. епископом Вологодским и Устюжским Павлом (Слово преосвященного Павла, епископа Вологодского, Устюжского 27 ноября 1867 г. // Прибавления к Вологодским епархиальным ведомостям. 1867. № 24. С. 820. См. также: *Верюжский И.* Исторические сказания о жизни святых, подвизавшихся в Вологодской епархии, прославляемых всею церковью и местно чтимых. Вологда, 1880. С. 609–621; *Савваитов П., Суворов Н., Суворов И.* Описание Вологодского Духова монастыря. Вологда, 1912. С. 2). Из позднейших работ см., например: *Соколова Л. В.* Житие Галактиона Вологодского // СКЖДР. Вып. 3. Ч. 1. СПб., 1992. С. 336–337.

⁴ Ксения скончалась, вероятно, 29 октября 1560 г. — этим числом датируется второй корм по ее душе в столичном Симоновом монастыре; в поминальном списке синодика Свяжского монастыря 1559/60 г. имя Ксении отсутствует, а в аналогичном перечне вкладной книги Симонова монастыря 1560/61 г. оно уже есть (*Алексеев А. И.* Вкладная и кормовая книга Московского Симонова монастыря // Вестник церковной истории. 2006. № 3. С. 84; *Амерханова Э. И.* Синодики Свяжского Успенского Богородицкого монастыря. Публикация, исследования. Казань, 2016. С. 118).

соглебского монастыря исследовательница полагает, что И. Д. Бельский успел принять перед смертью монашество с именем Леонтий, а потому «известие о его гибели во время пожара вызывает серьезное сомнение». Сам же рассказ о гибели Бельского на пожаре, по словам Лобаковой, содержится лишь в «позднем летописце»⁵ и едва ли заслуживает доверия. Таким образом, заключает исследовательница, князь Бельский действительно мог быть казнен по приказу Грозного, как то и сообщается в Житии Галактиона. Соображение о казни Бельского Лобакова подкрепляет тем фактом, что в 1573 г. состоялась казнь ряда видных воевод, в том числе участника обороны Москвы Михаила Воротынского, а также родной сестры Бельского Евдокии. Основываясь на этой гипотезе, Лобакова вычисляет приблизительную дату рождения Гавриила-Галактиона, время его отъезда в Старицу, а затем — в Вологду и др. Свою аргументацию Лобакова изложила в докладе на IX Чтениях по истории и культуре древней и новой России, проходивших в сентябре 2014 г. в Ярославле, а год спустя — на страницах авторитетного журнала «Slověne».⁶

Итак, гипотеза И. А. Лобаковой базируется главным образом на допущении об опале и последующей казни боярина Ивана Дмитриевича Бельского вскоре после злополучного набега Девлет-Гирея и сожжения Москвы в мае 1571 г. В прямой связи с казнью Бельского, по мнению исследовательницы, находятся политические процессы 1573 г., в ходе которых по приказу Ивана Грозного были внезапно

---

⁵ Имеется в виду Соловецкий летописец конца XVI в., в настоящее время известный в трех опубликованных редакциях: *Корецкий В. И.* Соловецкий летописец конца XVI в. // Летописи и хроники. 1980. М., 1981. С. 229–242; *Новикова О. Л.* О второй редакции так называемого Соловецкого летописца // Книжные центры Древней Руси. Соловецкий монастырь. СПб., 2001. С. 226–254; *Яковлев В. В.* Новгородско-псковская летопись 1630 г. // Опыты по источниковедению. Древнерусская книжность. СПб., 2001. С. 393–467. Памятник исследован в работах: *Солодкин Я. Г.* Об авторстве и источниках Соловецкого летописца 1580-х годов // ОФР. Вып. 14. М.; СПб., 2010. С. 297–309; *Панченко О. В.* 1) «Летописец игумена Иакова» и «Краткий Соловецкий летописец 50–70-х гг. XVI в.» // Духовное и историко-культурное наследие Соловецкого монастыря: Сборник научных статей и докладов. Соловки, 2011. С. 90–92; 2) Памятники летописания Соловецкого монастыря. Статья 1. Соловецкие летописцы XVI в. // ТОДРЛ. Т. 63. СПб., 2014. С. 269–274; *Кистерев С. Н.* 1) Об авторах первой и второй редакций Соловецкого летописца XVI в. // Летописи и хроники. Новые исследования. 2013–2014. М.; СПб., 2015. С. 383–410; 2) К вопросу об авторе первой редакции Соловецкого летописца // Вестник «Альянс-Архео». Вып. 9. М.; СПб., 2015. С. 73–77.

⁶ *Лобакова И. А.* 1) Галактион Вологодский: «...какова чина в мирѣ был, и како пожил, и в кая лѣта» // IX Чтения по истории и культуре древней и новой России. Материалы научной конференции (Ярославль, 25–27 сентября 2014 года). Ярославль, 2016. С. 153–167; 2) «...Извѣстия совершеннаго нѣсть». С. 240–252.

казнены боевые товарищи Бельского, а также его ближайшая родственница.

Согласно доводам И. А. Лобаковой, отцом Галактиона следует считать никого иного как главу земской Боярской думы, дальнего родственника царя Ивана IV — князя-Гедиминовича И. Д. Бельского. Подобное смелое отождествление несомненно требует тщательной проверки. А потому здесь, как представляется, необходим пространственный комментарий.

Прежде всего заметим, что с предположением И. А. Лобаковой о казни Ивана Дмитриевича Бельского согласиться нет никакой возможности. Во-первых, во вкладной книге Борисоглебского монастыря вовсе не говорится о постриге Ивана Бельского — имя Леонтий выступает в роли не монашеского, а молитвенного имени князя: «...по князе Иоанне Дмитриевиче, а имя ему Леонтий».⁷ Во-вторых, источники абсолютно солидарны в том, что гибель семейства Бельских произошла 24 мая 1571 г. от разразившегося в столице пожара. В тот день рано поутру руководивший обороной города князь И. Д. Бельский решил атаковать появившееся под стенами Москвы крымское войско: «выезжал против крымских людей за Москву реку на луг за Болото и дело с ними делал», однако был ранен и вынужден покинуть поле боя. Начавшийся «на пятом часу дни» страшный пожар, опустошивший не только посад, но и Кремль,⁸ стал причиной гибели князя Бельского и всех его родных. Об этом сообщают Соловецкий летописец конца XVI в.⁹ и краткий летописец XVII в. из собрания Погодина,¹⁰ некоторые частные разрядные книги.¹¹ Та же информация содержится в летописной заметке времени митрополита

---

⁷ РНБ. Собр. Титова. № 4904. Л. 10–10 об. То же см.: *Маишафаров А. В.* Суздальский владычный дом в документах XVI — начала XVII века // РД. Вып. 5. М., 1999. С. 81–82. № 7.

⁸ По сообщению краткого летописца, созданного, очевидно, на базе материалов Разрядного приказа, «в Кремле погоре все дворы и церкви деревянные, а у каменных церквей верхи погоре, и двор государев згорел, а с пушечные избы верх сорвало и бросило в Китай город» (РНБ. F.IV.726. Л. 796 об.—797).

⁹ *Корецкий В. И.* Соловецкий летописец конца XVI в. С. 237; *Новикова О. Л.* О второй редакции так называемого Соловецкого летописца. С. 248; *Яковлев В. В.* Новгородско-псковская летопись 1630 г. С. 438. См. также предшествующую публикацию фрагмента Третьей редакции летописца: *Тихомиров М. Н.* Русское летописание. М., 1979. С. 198.

¹⁰ РНБ. Погод. № 1573. Л. 12 об.; *Бычков А. Ф.* Описание церковно-славянских и русских рукописей Императорской Публичной библиотеки. Ч. 1. СПб., 1882. С. 140.

¹¹ Разрядная книга 1475–1605 гг. Т. 2. Ч. 2. М., 1982. С. 282; Разрядная книга 1559–1605 гг. М., 1974. С. 71; РГАДА. Ф. 188. Рукописное собр. ЦГАДА. Оп. 1. Д. 38. Л. 2 (Разрядно-летописные записи за 1561–1578 гг.).

Кирилла (1568–1572): «князь Иван Дмитриевич Белской на своем дворе в каменом погребѣ, задохнувся, умер».¹² Подробно повествует о гибели всей семьи Бельских в «погребѣ» на своем дворе Пискаревский летописец.¹³ В «Синодике по убиенных во брани» И. Д. Бельский записан в числе умерших и «згоревших в мае в 24-м числе».¹⁴ В родословных книгах Патриаршей редакции также указано, что князь «згорел в московской пожар в приход крымского царя».¹⁵ На 24 мая как на день преставления Бельского в тексте одной из грамот указал сам царь Иван IV.¹⁶ Сообщения о трагической кончине князя Бельского обнаруживаются и в иностранных источниках. В наказе отправлявшемуся ко двору польско-литовского короля Сигизмунда послу Арды-Бердею, датируемому первыми днями июля 1571 г., крымский хан Девлет-Гирей сакцентировал внимание на гибели предводителя московитского войска: «князь Белский згорел».¹⁷ Судьба Бельского была известна даже в далекой Турции — в октябре 1571 г. султан Селим II поздравил крымского хана с сожжением Москвы и гибелью «проклятого безбожника главнокомандующего».¹⁸ В изданном на немецких землях в 1572 г. анонимном летучем листке, основанном на донесении прусского агента Вайта Зенга, также сохранились сведения о том, что Иван Бельский «в дыму задохнулся».¹⁹ Наконец, в-третьих, вопреки мнению Лобаковой, князь Бельский никак не мог навлечь на себя гнев царя Ивана весной-летом 1571 г. Так, принадлежавшее И. Д. Бельскому Луховское удельное княжество в годы опричнины ни разу не подвергалось каким-либо нападениям со стороны правительства.²⁰ Сам князь Бельский, прощенный

¹² РГБ. Ф. 310. Собр. Ундольского. № 754. Л. 376 об. (Так называемый летописец Квашнина начала XVII в.); ПСРЛ. Т. 13. Ч. 1. СПб., 1904. С. 300 (позднейшая приписка в списке Оболенского). О летописце см.: *Корецкий В. И.* История русского летописания второй половины XVI — начала XVII в. М., 1986. С. 16–17.

¹³ ПСРЛ. Т. 34. М., 1978. С. 191.

¹⁴ Синодик по убиенных во брани // *Бычкова М. Е.* Состав класса феодалов России в XVI в. М., 1986. С. 182.

¹⁵ РГБ. Ф. 256. Собр. Румянцева. № 349. Л. 71.

¹⁶ РНБ. СПбДА. А.1/17. Л. 388 (Вкладная грамота Ивана IV игумену Кирилло-Белозерского монастыря Козьме на села Спасское и Пирогово с деревнями и пустошами, 17 сентября 1575 г.).

¹⁷ *Ерусалимский К. Ю.* Крымское ханство, Речь Посполитая и Российское государство в 1524–1571 гг.: посольская переписка из архива Великого княжества Литовского // *Золотоордынское обозрение.* 2017. Т. 5. № 4. Док. VII. С. 905, 911.

¹⁸ Документы по истории Волго-Уральского региона XVI–XIX веков из древлехранилищ Турции. Сборник документов. Казань, 2008. № 29. С. 194.

¹⁹ *Каппелер А., Скрынников Р. Г.* Забытый источник о России эпохи Ивана Грозного // ОИ. 1999. № 1. С. 140.

²⁰ *Скрынников Р. Г.* Опричный террор. Л., 1969. С. 198.

после своего оппозиционного политического выступления еще в марте 1562 г., в глазах царя имел очень большой кредит доверия. Согласно запискам А. Шлихтинга, даже в пору опричного террора Иван IV, получая клеветнические наветы на бояр И. Д. Бельского и И. Ф. Мстиславского, всякий раз в резкой форме возражал доносчику, говоря: «Я и эти двое составляем три московские столпа. На нас трех стоит вся держава».²¹ Первый вклад по душе Бельских царь Иван совершил вскоре после трагедии — 25 сентября 1571 г.²² Уже через год после гибели князя и его родных Грозный передал суздальскому Спасо-Евфимьеву монастырю принадлежавшее Бельскому село Правдино с деревнями.²³ Еще через несколько месяцев последовало пожалование Рождественскому Суздальскому собору села Добрынского для поминания всей семьи Бельских, «а на память душ их панахиды пети и обедни служить и кормы кормити со всем собором».²⁴ Полгода спустя аналогичный вклад царь совершил в Новодевичий монастырь, повелев внести имена Бельских в вечный и повседневный синодики и установить по их душам поминальные кормы.²⁵

Согласиться с версией И. А. Лобаковой, объявившей Ивана Дмитриевича Бельского отцом св. Галактиона Вологодского трудно. Ведь если Грозный столь благосклонно относился к Бельскому, откуда в Житии взялось известие о казни последнего по приказу царя? И почему в таком случае Григорий-Галактион должен был скрываться от царского «гнева», да не где-нибудь, а в *опричной* Старице (с которой, к слову, не были связаны ни Бельские, ни родственники со стороны предполагаемой матери Григория — князя Шуйские, ни зять Бельского М. Я. Морозов)? Недоумение вызывает и обрисованная Лобаковой ситуация с детьми И. Д. Бельского. Лобакова отмечает указанную родословцами бездетность князя, однако допускает, что Гавриил по причине своего малолетства мог попросту не попасть на страницы источников. Если — рассуждает исследовательница — у князя и был малолетний сын, «то сведений о нем (в силу его возраста) нельзя почерпнуть из Разрядных книг».²⁶ Но ведь материалы

²¹ Шлихтинг А. Новое известие о России времени Ивана Грозного. Л., 1934. С. 23.

²² РНБ. СПбДА. А.1/17. Л. 713–713 об. (Ввозная грамота Ивана IV на село Пирогово с деревнями Кирилло-Белозерскому монастырю, 25 сентября 1571 г.).

²³ Акты суздальского Спасо-Евфимьева монастыря 1506–1608 гг. М., 1998. С. 335. № 174.

²⁴ Маштафаров А. В. Суздальский владычный дом в документах XVI — начала XVII века. С. 81–82. № 7.

²⁵ Акты Российского государства. Архивы московских монастырей и соборов XV — начала XVII в. М., 1998. С. 309–310. № 129.

²⁶ Лобакова И. А. «...Извѣстия совершеннаго нѣсть». С. 247.

по генеалогии Бельских содержатся и в других источниках! Действительно, в родословцах сказано, что князь Иван Дмитриевич был бездетен.²⁷ А вот в опубликованной А. В. Маштафаровым жалованной грамоте царя Ивана протопопу Рождественского Суздальского собора от 20 ноября 1572 г. перечислены умершие в малолетстве дети князя: «князя Василья младенца, князя Ивана младенца, князя Федора младенца, княжну Анну младенца, княжну Настасью».²⁸ Тот же перечень присутствует в царской грамоте Кирилло-Белозерскому монастырю от 17 сентября 1575 г.²⁹ Сын И. Д. Бельского Иван упоминается во вкладной книге Новодевичьего монастыря.³⁰ По-видимому, большая часть детей Ивана Дмитриевича, если не скончались во младенчестве от естественных причин, то погибли вместе со всей семьей Бельских в подвале родного дома («князь ... тамо задохся со всеми»³¹) во время московского пожара в мае 1571 г. В конце концов, если Гавриил-Галактион и был сыном И. Д. Бельского, то следует найти объяснение, почему он в возрасте семи лет оказался вдали от Москвы и не разделил участь своей семьи, да еще и вынужден был прятаться от мнимого гнева царя Ивана, на протяжении нескольких лет искренне оплакивавшего его отца, мать, бабу, братьев и сестер.

Полагаю, говорить о какой-либо связи Галактиона Вологодского с родом князей Бельских преждевременно. Ни старая, ни новая теории происхождения Галактиона не находят примирения с источниковой базой. Гипотеза, предложенная И. А. Лобаковой, вызывает не меньшие вопросы, чем предположения церковных историков XIX в. Не исключено, что Галактион вообще не имел никакого отношения к княжеской фамилии Гедиминовичей Бельских — подобная мысль была высказана в недавней работе Е. В. Романенко и И. Н. Шаминой.³²

Если принять на веру сведения Жития о ранних годах жизни Галактиона, его отца — Ивана Ивановича, по нашему мнению, следует искать в роде захудалых ярославских князей Морткиных-Бельских.

²⁷ РГБ. Ф. 256. Собр. Румянцева. № 349. Л. 70 об.

²⁸ Маштафаров А. В. Суздальский владычный дом в документах XVI — начала XVII века. С. 82. № 7.

²⁹ РНБ. СПбДА. А.1/17. Л. 387 об. Княжна Настасья также названа младенцем.

³⁰ Вкладная книга 1674–1675 (7183) года Московского Новодевичьего монастыря // Источники по социально-экономической истории России XVI–XVIII вв.: Из архива Московского Новодевичьего монастыря. Вып. 1. М., 1985. С. 202. Память на Рождество Иоанна Предтечи, 24 июня.

³¹ ПСРЛ. Т. 34. С. 191.

³² Романенко Е. В., Шамина И. Н. Галактион (Бельский Гавриил Иванович) // ПЭ. Т. 10. М., 2005. С. 286.

Этот род был издавна связан с Тверской землей — в Твери нес службу еще предок Морткиных Федор Иванович Мортка.³³ Князья Бельские были одной из ветвей Морткиных и вели свое происхождение, вероятно, от одного из сыновей князя Ивана Михайловича Морткина.³⁴ Земельные владения Морткиных располагались в Тверском уезде, в том числе неподалеку от Старицы, в которой, согласно Житию, «сродники» длительное время укрывали малолетнего Гавриила-Галактиона.³⁵ С началом опричнины князья Ярославские подверглись чудовищному разгрому: по подсчетам Р. Г. Скрынникова, на поселение в Казань были сосланы 37 представителей Ярославского дома.³⁶ Коснулись репрессии и князей Морткиных. В число казанских ссыльных вошли Василий Иванович Морткин-Бельский, Лев Васильевич и два Ивана Морткиных.³⁷ Дальнейшая судьба угодивших в государеву опалу Морткиных неизвестна. Не исключено, что часть их семейства впоследствии подверглась физическому истреблению — подобная участь в годы опричного террора постигла многих князей Ярославских (по подсчетам А. В. Сергеева, в Синодике опальных значатся имена 10 человек, еще порядка 80 человек после опричнины более не упоминаются).³⁸

А как же в таком случае быть с боярским титулом отца Гавриила-Галактиона, ведь он, как известно из Жития, являлся «великодержавным боярином», в то время как захудалые князья Морткины были записаны в Дворовую тетрадь на правах простых провинциальных детей боярских?³⁹ Представляется, что разрешить данное противоречие довольно-таки просто: исследователями неоднократно отмечалось, что в русской агиографии термин *боярин* издавна обозначал не реальный социальный статус, а являлся синонимом слова

---

³³ Родословная книга князей и дворян российских и выезжих. Ч. 1. М., 1787. С. 149.

³⁴ Сергеев А. В. Князья Ярославские во второй трети XVI в.: историко-генеалогическое исследование // ВИД. Т. 34. СПб., 2014. С. 33.

³⁵ Там же. С. 33–34; Кобрин В. Б. Материалы генеалогии княжеско-боярской аристократии XV–XVI вв. М., 1995. С. 58.

³⁶ Скрынников Р. Г. Царство террора. СПб., 1992. С. 256.

³⁷ Там же. С. 248; Список с писцовой и межевой книги города Свияжска и уезда письма и межевания Никиты Васильевича Борисова и Дмитрия Андреевича Кикина (1565–1567 гг.). Казань, 1909. С. 82, 96.

³⁸ Сергеев А. В. Княжеская аристократия Московского государства во второй половине XVI — начале XVII века: князья Ростовские и Ярославские: Дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2014. С. 191–192.

³⁹ Тысячная книга 1550 г. и Дворовая тетрадь 50-х годов XVI в. М.; Л., 1950. С. 201.

*знатный, происходящий из знатного рода.*⁴⁰ Подобная трактовка термина боярин — знатный человек, землевладелец, феодал — встречается и в других памятниках русской средневековой письменности.⁴¹

Таким образом, скупая информация Жития (опала и казнь родни, ее связь со Старицей) позволяет, на наш взгляд, рассматривать князей Морткиных-Бельских в качестве наиболее вероятной «кандидатуры на звание» родственников святого Галактиона Вологодского.

---

⁴⁰ См., например: Пузанов В. В. Социокультурные конструкты и образы повседневности в «Житии Феодосия» // Вестник Удмуртского университета. Серия: История и филология. 2007. № 7. С. 9–10.

⁴¹ Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 1. М., 1975. С. 308.

ТОРГОВАЯ СДЕЛКА 1659 ГОДА

Успех в торговых операциях зависит от умения купца разбираться в товарах, с которыми ему приходится иметь дело, в складывающейся на рынке конъюнктуре, в динамике курса обращающихся денег и многом другом, без знания чего его дело может потерпеть неудачу. Не последнее место в этом ряду занимает и способность использовать некоторые финансовые инструменты, и умение верно и четко сформулировать особенности совершаемой сделки при составлении фиксирующих обязательства сторон документах. В связи с этим крайне важно для характеристики русского купечества XVII в. определить, насколько его представители обладали необходимыми познаниями и навыками в своем ремесле, иными словами, насколько были профессионально подготовлены для такой деятельности и как применяли собственные возможности в каждом конкретном случае.

Стоит заметить, что отзывы иностранцев порой содержат весьма негативные оценки как уровня образованности русских купцов в целом, так и их компетенции специально в торговых делах. К примеру, Юрий Крижанич писал: «...Нашего народа умы неразвиты и медлительны, и люди неискусны в ремесле и мало сведущи в торговле, в земледелии и в домашнем хозяйстве. Русские, поляки и весь народ славянский совершенно не умеют вести дальней торговли ни на море, ни посуху. Арифметике и счетной науке торговцы наши не учатся. Поэтому чужеземным торговцам всегда легко бывает нас перехитрить и нещадно обмануть».¹ Трудно сказать, на основании каких собствен-

---

¹ Крижанич Ю. Политика. М.; Л., 1965. С. 383. Отметим, что мнение Юрия Крижанича, как, впрочем, и иных иноземцев, как правило, безоговорочно принимается на веру. В качестве примера приведем относительно недавно высказанное суждение: «...Существовал острый недостаток не только в ремеслах, но и в людях, способных мыслить в категориях выгоды и пользы в торговле и ведении хозяйства

ных наблюдений у заезжего хорвата сложилось такое мнение о причастной к торговле части жителей России, но личного опыта деловых отношений с купцами из числа подданных царя Алексея Михайловича он, по-видимому, не имел, почему в справедливости его замечания можно усомниться. Безусловно, речь не идет о представлении купцов как сведущих во всех тонкостях экономической жизни страны интеллектуалах, обладавших широкой эрудицией и финансовой грамотностью. Однако сам факт проведения объемных торговых операций на значительном географическом пространстве заставляет полагать, что отнюдь не все русские торговцы в полной мере заслуживали характеристики, данной им Крижаничем. Уже сама протяженность торговых путей, по которым перемещались товары внутри России, а иной раз и за ее пределами, опровергает один из высказанных публицистом тезисов — о неумении вести дальнюю торговлю. Думается, что при написании своего труда иностранец не вполне учитывал географические особенности региона, внутри коего купечеству приходилось заниматься своим делом.

Столь же несправедливо обвинение тех же купцов всех скопом в нежелании обратиться к изучению арифметики и счетной науки. Специалистами выявлено большое количество рукописей, содержащих в себе пособия по обучению математическим действиям, и значительное число их включает тексты, специально посвященные расчетам при торговых сделках.² Тем самым, и второй тезис Крижанича не во всем отвечает реальному положению дел.

Однако подобные общие рассуждения, безусловно, не могут служить основанием для суждения о деловых качествах всей массы торговцев, а тем более, отдельных составляющих ее индивидов. Необходимо рассматривать конкретные производившиеся на товарном рынке операции, чтобы получить действительное представление о способностях участвовавших в них представителей купеческого мира. В связи с этим обратимся к возможно подробному рассмотрению одной из заключенных в 1659 г. сделок.

Осенью этого года, точнее — 29 ноября, калужский посадский человек Семен Стефанов сын Голутвин, с одной стороны, и гость Аверкий Кириллов и житель столичной Садовой слободы Владимир Воронин,

---

в целом. Понятно, что такие интеллектуальные способности не получали должного развития в рамках традиционных для Руси-России способов получения образования и традиционных дискурсивных практиках. В этом смысле примечательна озабоченность Крижанича, проявленная после первого знакомства с положением дел в сфере торговли и промыслов» (*Ивахненко Е. Н.* Интеллектуальные споры XVII века: «грекофилы» и «латынщики» // *Россия XXI*. 2006. № 1. С. 106).

² *Юшкевич А. П.* История математики в России до 1917 года. М., 1968. С. 24–27.

с другой, договорились о взаимовыгодной реализации принадлежавших им товаров. Условия заключенного соглашения известны из сохранившейся в архиве одного из государственных учреждений в виде списка с подлинника памяти первому из названных лиц. Текст написан на двух листах, ранее являвшихся частями целого, фрагмент которого был разрезан при изготовлении документа пополам, почему и филигрань «кувшинчик» оказалась поделенной между вновь образовавшимися л. 1 и частично обрезанным по свободному от текста пространству л. 2, размеры которых, соответственно, 39×15,5 и 37×15,5 см.

Практики фиксации в государственном приказе торговых договоров в тот период не существовало, почему попадание рассматриваемого документа в его делопроизводство можно связывать с неким административным или даже судебным разбирательством. Заметим, что калужанин в случае возникновения иска к нему был подведомственен Владимирской четверти, тогда как гость А. Кириллов в такой же ситуации подлежал суду в приказе Большой казны, а садовник В. Воронин — в приказе Большого дворца. Могла оказаться причастной и Новгородская четверть, если в деле был замешан кто-либо из жителей подведомственных ей городов, например, Вологды, и не остался бы в стороне Посольский приказ, коль затрагивались интересы иноземцев.³

Не до конца пока разобравшись с возникновением документа, обратимся к его тексту, воспроизводящему содержащийся в подлиннике, написанном собственноручно С. Голутвиным 29 ноября 1659 г. В первую очередь, важно составить мнение о личностях контрагентов сделки.

Кириллов Аверкий Степанович, происходивший из московской Садовой слободы, и в качестве ее жителя под именем «Аверко Степанов» подписавший в середине 1640-х годов коллективную челобитную русских торговых людей, жаловавшихся на засилье иностранцев на российском рынке,⁴ на протяжении 1659–1675 годов носил

---

³ Сохранился фрагмент судного дела Владимирской четверти 1661–1662 годов по предъявленному Семену Голутвину иску Аверкия Кириллова и Владимира Воронина, в разбирательстве которого интересы обоих отстаивал второй из них (РГАДА. Ф. 159. Приказные дела новой разборки. Оп. 2. № 848. Л. 1–13). Скорее всего, написанный рукой самого Голутвина список памяти также принадлежит к числу материалов этого судопроизводства, хотя настаивать на истинности данного предположения пока оснований недостаточно, тем более что ответчик упоминал и о некоем деле, возбужденном в Большом приходе, тогда как Воронин отрицал его существование.

⁴ Привилегированное купечество России во второй половине XVI — первой четверти XVIII в. Сборник документов. Т. 1. М., 2004. С. 167.

звание гостя, затем став думным дьяком.⁵ Вероятно, рассматриваемая сделка была одной из первых в деятельности новоиспеченного гостя. По данным Н. Б. Голиковой, именно в 1659/60 г. он исполнял обязанности таможенного головы в Москве,⁶ что никак не отразилось в памяти Голутвина, свидетельствующей, что занятие официальных должностей не прерывало хозяйственной деятельности чиновных купцов. Сохранилось дело о неявленных товарах, обнаруженных у иностранного торговца и жителя Немецкой слободы, расследование по которому вел именно Аверкий Кириллов.⁷

Воронин Владимир Васильевич станет гостем лишь в 1674 г. и с этим званием известен до 1696 г.⁸ Сведения о нем за предшествующий период крайне фрагментарны. К примеру, 13 октября 1662 г., находясь в Вологде, Воронин неудачно ссудил галичанину посадскому человеку Мартыну Васильеву сто рублей серебром под поставку ста пудов юфтей красных кож по цене в четыре рубля за пуд с зачетом ассигнованных денег. На сохранившемся, созданном в связи с судебным разбирательством в 1675 г. списке документа присутствует собственноручная подпись Владимира Васильевича.⁹

---

⁵ Голикова Н. Б. Привилегированные купеческие корпорации России XVI — первой четверти XVIII в. Т. 1. М., 1998. С. 121, 124. 15 июля 1659 г. в Печатном приказе была оформлена «жалованная грамота, велено Аверкею Стефанову сыну Кирилову за ево службы быти гостем, и всякими товары ему торговати против ево братьи гостей, а хто ево обезчестит, и ему безчестья пятьдесят рублей, и детям ево и братьи и племянником, которые с ним живут не в розделе, по дватцати рублей, и питье ему про себя держать безвымочно, и креста им самим не цловать, а целовать в их место людем их, и искать и отвечать в их место людем же их. Пошлин по указу два рубли с полтиною. Взято» (РГАДА. Ф. 233. Печатный приказ. Оп. 1. Кн. 93. Л. 66). О его последующем дьячестве см.: Седов П. В. Хождение во власть гостя Аверкия Кириллова // Торговля, купечество и таможенное дело в России в XVI–XVIII вв. Сборник материалов международной научной конференции (Санкт-Петербург, 17–20 сентября 2001 г.). СПб., 2001. С. 90–95.

⁶ РГАДА. Ф. 50. Сношения России с Голландией. Оп. 1. 1671 г. Д. 1. Л. 17–18; Голикова Н. Б. Привилегированное купечество в структуре русского общества в XVI — первой четверти XVIII в. Из научного наследия. М.; СПб., 2012. С. 178, 218. В памяти из Посольского приказа 27 июня 1668 г. в приказ Большого прихода имеется ссылка на московские таможенные книги 1659/60 г. гостя Аверкия Кириллова (РГАДА. Ф. 50. Оп. 1. 1668 г. Д. 2. Л. 18).

⁷ Голикова Н. Б. Привилегированное купечество в структуре русского общества... С. 218. См.: РГАДА. Ф. 50. Оп. 1. 1668 г. Д. 2. Л. 16–18.

⁸ Голикова Н. Б. Привилегированные купеческие корпорации России... Т. 1. С. 121.

⁹ Привилегированное купечество России во второй половине XVI — первой четверти XVIII в. Т. 1. С. 238–239. Собственноручная запись Владимира Воронина имеется и в упомянутом деле Владимирской четверти (РГАДА. Ф. 159. Оп. 2. № 848. Л. 9).

Можно считать, что сотрудничество Аверкия Кириллова и Владимира Воронина было обусловлено их соседством в Садовой слободе, однако находятся основания полагать, что между ними имелись и связи иного характера.

Во вкладной книге Анзерского скита в шестой главе, где волей ее составителей, использовавших более ранние записи, в 1710 г. были сосредоточены сведения о вкладышах «государевых российских купеческих гостей, и судейских бурмистров, и приказных дьяков, и пищих подъячих, и всяких разрядных и торговых людей»,¹⁰ первая из числа датированных запись гласит: «В лето 7143 (1635) московский гость Оверкей Кирилов сын Воронин пожаловал вкладу в пустынный скит Анзерский в церковь Пресвятей Троице две книги дестевыя печатныя: преподобнаго Ефрема Сирина, Иоанна списателя Лествицы, — да денег тритцать рублей».¹¹

Первое, что бросается в глаза, — несоответствие между указанной в документе датой вклада — 1 сентября 1634 г. — 31 августа 1635 г. — и временем выхода на Московском печатном дворе этих двух изданий.¹² Книга Поучений Ефрема Сирина, формата, действительно, в 2°, как и записано во вкладной книге, в первой половине XVII в. печаталась в Москве дважды, причем в один и тот же год: 1 февраля и 29 августа 1647 г.¹³ И в этом же году, через месяц после первого изда-

---

¹⁰ Вкладная книга Анзерского скита // Преподобный Елеазар, основатель Свято-Троицкого Анзерского скита. СПб., 2001. С. 266.

¹¹ Там же. С. 267.

¹² Возможное сомнение в месте издания этих книг разрешается, на наш взгляд, в пользу именно московской, а не какой-то иной типографии тем обстоятельством, что в ряде случаев, при необходимости выделить продукцию другой «печати», во вкладной книге делались соответствующие пометы, например: царевна Мария Алексеевна пожаловала в Анзерский скит четыре книги Минеи Четьи «киевской новоисправной печати» (Вкладная книга Анзерского скита. С. 242), бывший архимандрит Чудова монастыря Геннадий — книгу аввы Дорофея и Цветник «киевской печати» (Там же. С. 246), боярин Федор Иванович Шереметев — «книгу святого Иоанна Златоустого Беседы Апостольския толковыя киевской мелкой печати» (Там же. С. 260) и др. Такого же мнения придерживается и посвятившая специальную статью истории формирования библиотеки Анзерского скита в XVII в. С. К. Севастьянова, которая подчеркивает, что под «киевской» печатью во вкладной книге подразумевались издания, появившиеся не только в этом городе, но и во Львове, Острове, Кутеино и других местах (см.: *Севастьянова С. К.* Приложение. Реконструкция библиотеки Анзерского скита XVII века // Преподобный Елеазар, основатель Свято-Троицкого Анзерского скита. СПб., 2001. С. 403–404).

¹³ *Зернова А. С.* Книги кирилловской печати, изданные в Москве в XVI–XVII веках. Сводный каталог. М., 1958. № 198 и 202; *Поздеева И. В.* Новые материалы для описания изданий Московского печатного двора: первая половина XVII в. (В помощь составителям Сводного каталога старопечатных изданий кирилловского и глаголического шрифтов. Методические рекомендации). М., 1986. № 147, 154; Московские

ния Поучений Ефрема Сирина, 1 марта 1647 г. на Печатном дворе вышла в свет вторая из вложенных книг — Лествица Иоанна Лествичника.¹⁴ Очевидно, что купить до 1647 г. и передать в 1634/35 г. в Анзерский скит ни Поучения Ефрема Сирина, ни произведение Иоанна Лествичника было невозможно.¹⁵ Следовательно, в указание даты вклада вкралась неточность, и вместо «7143» года надлежало бы писать, по меньшей мере, «7155» год.

Необходимо также заметить, что во всех последующих датированных записях после обозначения числа года читается слово «году», и в этом ряду рассматриваемая запись о вкладе Аверкия стоит особняком. Отсюда возникает возможность в последней кириллической цифре видеть сокращение именно слова «году». В таком случае в оригинале число года должно было оканчиваться указанием десятков лет, то есть в отметке времени вклада в книге 1710 г. допущена еще одна ошибка.

Следующая за рассматриваемой запись сообщает о вкладе гостя Епифания Андреева сына Сытишниковца,¹⁶ тогда как подлинная фамилия этого человека — Светешников. Примечательно, что несколько далее отмечается еще один его вклад и снова с неточным написанием фамилии: «161-го году гость города Ярославля Епифаний Андреев сын Светешников дал вкладу книгу дестевую Деяния святых Апостол толковое святого Иоанна Златоустого киевской мелкой печати».¹⁷ Это

кирилловские издания в собраниях РГАДА. Каталог. Вып. 2. 1626–1650. М., 2002. № 105, 109; Приложения. № 22. Наиболее существенным различием этих двух, в целом, как следует из описаний, весьма схожих между собой изданий, было наличие во втором из них гравюры с изображением Ефрема Сирина, что, впрочем, никак не повлияло на единую отпускную цену обеих книг при покупке их в лавке при Московском печатном дворе — переплетенный, «в тетрадех», экземпляр и той, и другой стоил 1 рубль (Московские кирилловские издания в собраниях РГАДА. Каталог. Вып. 2. С. 245, 253).

¹⁴ Зернова А. С. Книги кирилловской печати... № 199; Поздеева И. В. Новые материалы для описания изданий Московского печатного двора... № 151; Московские кирилловские издания в собраниях РГАДА. Каталог. Вып. 2. № 106. Цена одной книги «в тетрадех» в лавке Печатного двора была такая же, как и у Поучений Ефрема Сирина — 1 рубль (Там же. С. 247).

¹⁵ С. К. Севастьянова в комментариях к вкладной книге отметила два издания Поучений Ефрема Сирина в Москве в 1647 г., но не обратила внимания на имеющееся противоречие с датой самой вкладной записи (Севастьянова С. К. Комментарии // Преподобный Елеазар, основатель Свято-Троицкого Анзерского скита. С. 391). Что же касается сочинения Иоанна Лествичника, то общая характеристика содержания этого произведения имеется в комментарии к недатированному вкладу боярина кн. Михаила Андреевича Голицына (Там же. С. 387), но хронологическая несообразность с датой вклада А. К. Воронина археографом также осталась не отмечена.

¹⁶ Вкладная книга Анзерского скита. С. 267.

¹⁷ РНБ. Солов. 1370 (Анзер. 2). Л. 72 об.—73; Вкладная книга Анзерского скита. С. 268.

позволяет говорить, что изначально записи производились «со слуха», почему и не отличаются точностью в указании персональных данных благодетелей скита.

Наконец, после отметки о вкладе «Сытишникова» и все под тем же годом следует запись о дарении Захария Силина, названного московским дьяком.¹⁸ Однако даже в 1638 г. Захар служил в чине подъячего, а дьяком стал еще позднее, уже в следующем десятилетии, оставаясь в этом качестве до начала 1680-х годов.¹⁹ Тем самым, его вклад также не может относиться к 1635 г.

Все вместе позволяет убедиться не только в наличии ошибок в написании фамилий отдельных вкладчиков, но и в допущенном составителем книги 1710 г. или даже ее оригинала нарушении хронологии событий. Отсюда открывается возможность отнести некоторые из отмеченных скитскими писцами даров, в том числе и гостя Аверкия, к иному времени, тем более, что для середины 1630-х годов гость с таким именем неизвестен.

Внимание привлекает именование вкладчика Аверкием Кирилловым сыном Воронина, что с учетом изменения вероятной хронологии деяния благотворителя позволяет увидеть в нем Аверкия Степановича Кириллова, при случае назвавшегося просто Аверкием Кирилловым, что дало возможность скитскому писцу добавить обычное для такого случая слово «сын», на что его могло подвигнуть и дополнительно сказанное «Воронин». Иными словами, гость, представляясь, назвал свое имя, усвоенную по имени деда фамилию и родовое прозвание, тогда как во вкладной книге второе превратилось в отчество, а третье — в фамилию. Не исключено и даже весьма вероятно, что такое преобразование было допущено уже составителем варианта вкладной книги в 1710 г., тогда как у его предшественника читалось просто «московский гость Оверкий Кириллов Воронин».

Как бы то ни было, запись дарения Анзерскому скиту позволяет видеть в пожалованном в 1659 г. чином гостя Аверкии Степановиче Кириллове отпрыска известной в столичной Садовой слободе семьи Ворониных, то есть пусть и отдаленного, но родственника Владимира Васильевича Воронина. Отсюда должен следовать вывод, что сотрудничество этих двух купцов в 1659 г. было обусловлено не только со-

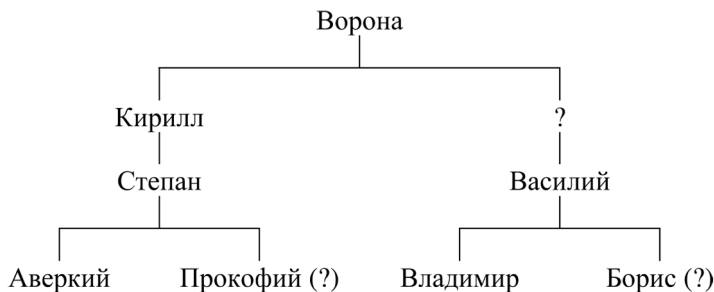
---

¹⁸ РНБ. Солов. 1370 (Анзер. 2). Л. 72 об.; Вкладная книга Анзерского скита. С. 267.

¹⁹ Веселовский С. Б. Дьяки и подьячие XV–XVII вв. М., 1975. С. 475. По данным С. К. Богоявленского, Захарий (Богдан) Силин был подъячим Золотой палаты с 1638/39 по 1679/80 г., в 1680/81 г. числясь там уже дьяком (Богоявленский С. К. Московский приказной аппарат и делопроизводство XVI–XVII веков. М., 2006. С. 70).

седством в Садовниках, но и родственными узами, восхождением к общему предку, вероятно, имевшему личное прозвище «Ворона».²⁰

Можно выстроить предварительную схему, отражающую родственную связь Аверкия Степановича и Владимира Васильевича, видимо, принадлежавших к одному поколению.

Обнаружить кого-либо с фамилией Голутвин в материалах дозора Калуги 1624/25 г.²¹ не удалось, что может свидетельствовать как о новообразовании самого прозвания,²² так и о позднейшем поселении семьи в этом городе. Нет искомых сведений и в писцовой книге Калуги 1625/26 г.²³ Не находится упоминание представителей этого семейства в итоговых переписных книгах 1646–1647 годов писцов Поместного приказа Григория Ивановича Фефилатьева и подъячего Романа Петрова.²⁴ Все это заставляет думать, что для калужского посада

²⁰ Занимавшихся торговлей Ворониных в Садовой слободе проживало, видимо, немало. 29 июля 1659 г. была запечатана грамота «на Двину к стольнику и воеводе к Ивану Милославскому да к дьяку к Лариону Ермолаеву по челобитью Васильевского саду садовника Бориса Воронина, велено у Архангельского города лняное семя продать или за море отпустить. Пошлин с челобитья полполтины. Взято» (РГАДА. Ф. 233. Оп. 1. Кн. 93. Л. 119 об.). В связи с этим привлекает внимание запись в книге сбора проплавных пошлин таможи Устюга Великого 1652/53 г. о прохождении в направлении Архангельска судна, на котором, помимо прочих, находились «москвичи Прокопей Степанов, Борис Воронин» (Таможенные книги Московского государства XVII века. Т. 2. М., 1951. С. 238). Совпадение отчеств первого из них и Аверкия Кириллова, фамилий Владимира Васильевича и второго из путешествовавших заставляет видеть в каждом случае родных братьев участников сделки 1659 г.

²¹ Сироткин С. В. Материалы дозора посада Калуги 1624/25 г. // ОФР. Вып. 18. М.; СПб., 2015. С. 119–167.

²² Фамилия «Голутвин» происходит от «голутва — голытьба» (Веселовский С. Б. Ономастикон. Древнерусские имена, прозвища и фамилии. М., 1974. С. 83).

²³ Сироткин С. В. Писцовая книга города Калуги 1625/26 г. // ОФР. Вып. 17. М.; СПб., 2013. С. 147–188.

²⁴ РГАДА. Ф. 1209. Поместный приказ. Оп. 1. Ч. 1. Кн. 162. Л. 1–47 об., 317–324 об.; Соловьева Т. Б., Тимошина Л. А. Описания городов европейской части России XVI–XVII вв. Указатель по материалам писцовых и переписных книг. М., 2005. С. 99. № 246, 247.

Семен Голутвин или старшие его родственники были людьми сторонними, оказавшимися посадскими либо в результате проведенного «посадского строения», либо приехавшими на жительство из какого-то иного города. Нельзя исключить, что таковым могли быть Смоленск или Рославль, с деловыми кругами которых сохранились соответствующие связи, на наличие коих и намекает рассматриваемая память.

В 1660 г. Семен Голутвин стал фигурантом в противостоянии калужских посадских людей и местного воеводы думного дворянина Ивана Федоровича Еропкина и его сына стольника Автамона.²⁵ В материалах разбирательства по этому делу сохранилось изложение поданной Семеном Стефановичем и его земляком сказки и пояснения воеводского сына: «В скаске посадских людей Фомки Перинова да Сеньки Голутвина — в прошлом во 167 г. выбрал их думной дворянин да сын его Автамон к сухарям в целовальники насильством, без государева указа и без мирского выбору, и учел их теснить и в приказе за приставом держать, и от того они дали им 2 софьяна, цена 2 руб., да дороги, цена пол-3 руб.; а староста де на них выбору не дал для того, что великого государя грамоты и против грамоты от них, воевод, к старосте памяти не прислано. А Автамон сказал: во 167 г. отец его на них, на Фомку и на Сеньку, велел земскому старосте Елизарку Дементьеву принести выбор за руками, что быти им у сухарей в целовальниках, и староста де на них выбору не принесли, и отец де ево им, Фомке и Сеньке, у сухарей в целовальниках быть не велел; а в приказе де и за приставом в том, что быть им в целовальниках, они их держали, и от того они у них сафьянов и дорогов не имывали, а выбрал де отец его их в целовальники потому: по указу великого государя велено отцу его город и всяких чинов людей со всем ведать».²⁶ Откупались посажане на самом деле или воевода не был виновен в данном случае в получении взятки, сказать трудно. Важнее другое — описываемое событие имело место летом 1659 г., то есть незадолго до заключения сделки Голутвина с А. С. Кирилловым и В. В. Ворониным.

---

²⁵ И. Ф. Еропкин известен как калужский воевода в промежутке от 6 июля 1659 г. до 6 января 1660 г. (*Барсуков* А. Списки городских воевод и других лиц воеводского управления Московского государства XVII столетия по напечатанным правительственным актам. СПб., 1902. С. 92).

²⁶ Акты Московского государства. Т. 3. СПб., 1901. С. 5. № 4. Интересно, что в упомянутом выше судном деле в доказательство своей правоты Голутвин ссылался на осведомленность в обстоятельствах его взаиморасчетов с Кирилловым посадского человека Калуги Фомы Перина, бывшего, по словам В. Воронина, товарищем ответчика (РГАДА. Ф. 159. Оп. 2. № 848. Л. 6, 12).

Суть достигнутого сторонами в Москве соглашения состояла в том, что 29 ноября 1659 г. Голутвин продал Кириллову и Воронину тысячу пудов «смоленской и рословской» пеньки по цене за берковец 6 рублей 25 алтын и обязался доставить товар в Вологду собственным транспортом на Масленной неделе текущего года. Можно допустить, что пенька уже находилась в распоряжении калужанина, но откладывание поставки на значительный срок заставляет полагать, что сам продавец лишь намеревался произвести закупку товара, причем не в месте своего постоянного проживания, а в прилежащих к Смоленску и Рославлю областях. Следовательно, отсрочка в отгрузке пеньки на несколько месяцев была обусловлена не дальностью расстояния и трудностями пути между Москвой и Вологдой, а необходимостью заготовки товарной партии на Смоленщине, куда продавцу, его приказчику или хотя бы посланному к некоему доверенному лицу с распорядительным письмом еще надлежало добратся.

Таким образом, рассматриваемый документ прочерчивает путь продвижения товара от места его производства в лежащих к западу от Москвы районах до Вологды, то есть на расстояние существенно превышающее полутысячу километров,²⁷ весьма значительное для европейских масштабов.

Описание в тексте документа приобретаемой Кирилловым и Ворониным пеньки как «смоленской и рословской» не просто указывает на место ее производства, но, очевидно, является качественной характеристикой этого важного сырья, подчеркивая отличие его от происходящего из иных частей страны. В пользу такого толкования говорит и дополнительно записанное условие, согласно которому Голутвин обязался, в случае наличия у него превышающего обозначенный в соглашении объем товара, не пытаться реализовать его в Вологде третьим лицам, предоставив излишек опять же в распоряжение партнеров по сделке с сохранением цены, принятой для основной партии. Такая оговорка свидетельствует об особой заинтересованно-

---

²⁷ «Поверстная книга» указывает расстояния от Москвы до Смоленска в 260, а от Москвы до Вологды — в 420 верст (*Петров В. А. Географические справочники XVII в. «Поверстная книга» и «Описание расстоянию столиц, нарочитых градов славных государств и земель ... от града Москвы» // Исторический архив. Т. 5. М.; Л., 1950. С. 106, 144*). Следовательно, пользуясь этим путем, груз Голутвина должен был переместиться на 680 верст. Возможен был и иной вариант передвижения: от Смоленска через Дорогобуж на Вязьму (100 верст), далее через Зубцов на Старицу (еще столько же), затем до Твери (40 верст), оттуда в Кашин (120 верст), потом на Углич (30 верст), откуда через Рыбинск до Пошехонья (90 верст) с последним этапом в 120 верст до Вологды (*Петров В. А. Географические справочники XVII в. С. 105, 106, 143, 144, 147*). В этом случае путь сокращался до шестисот верст.

сти получателей товара в том, чтобы выступать своего рода монополистами в обладании сырьем высокого качества. Одновременно рассматриваемое уточнение в определении товара дает основание думать, что не только продавец, но и покупатели оказывались достаточно сведущими товароведами, не просто учитывавшими особенности пеньки в зависимости от ее происхождения, но и способными сами или через своих приказчиков определить соответствие поставки условиям договора.

Обращает на себя внимание и то обстоятельство, что москвичи сразу при заключении договора передали калужанину четыреста рублей, то есть произвели частичную предоплату наличными деньгами. Эта сумма, использованная покупателями для расчета с поставщиком, оказавшись в руках последнего, давала ему возможность произвести закупку пеньки в районах ее производства, то есть, скорее всего, выступить в роли скупщика малых товарных объемов на местных рынках. Одновременно эти же авансируемые рубли являлись гарантией для Голутвина, что его партнеры в дальнейшем не откажутся от приема доставленной в Вологду пеньки, то есть представляли собой залоговую сумму.

Более того, можно утверждать, что, фактически осуществляя беспроцентное кредитование поставщика, Кириллов и Аверкиев осознавали отличие произведенной ими предоплаты от кредитной операции, поскольку в тексте документа нигде не оговаривается процентная ставка хотя бы в форме простого указания на предоставление четырехсот рублей «без роста», как это делалось в бумагах при оформлении займов.

Означенная денежная сумма не представляла собой всю стоимость реализуемой в Вологде тысячи пудов пеньки. Интересно и то, что документ определяет цену принятого за единицу измерения берковца, что само по себе подразумевает использование стандартных условий плотности наполнения объема, но не содержит указания на стоимость всей партии. Отчасти это обусловлено предусмотренным ее погашением встречной поставкой шестидесяти бочек сельди, которую Кириллов и Воронин или их приказчики должны были доставить из Архангельска к месту окончательного расчета в Вологде. При этом цена одной бочки, а следовательно, и стоимость всех шестидесяти ни одной из сторон договора не известны, поскольку зависят от будущей конъюнктуры собственно архангельского рынка. Иными словами, москвичи, как и калужанин, на момент заключения соглашения еще не располагали в полном объеме товаром, который предполагали реализовать в ходе предпринимаемой операции. Сельдь, как и пеньку, еще предстояло закупить на первичном рынке, чтобы избавиться от нее на рынке вторичном.

Нельзя не заметить оговорку документа, накладывающую на Голутвина обязанность выплаты обозначенной в десять рублей за берковец неустойки в случае нарушения им хотя бы одного из двух условий поставки пеньки, тогда как аналогичное положение относительно платежа неустойки Кирилловым и Ворониным в случае несоблюдения договора в части поставки сельди отсутствует. Вероятно, оно было излишним при предоставлении калужанину беспроцентного кредита или не включено в память Голутвину, найдя себе место в подобной же и не известной пока памяти его контрагентам.

Одновременно выявляется путь встречного продвижения партии рыбы на расстояние более тысячи километров,²⁸ что, с учетом перемещения Голутвиным массы пеньки, позволяет говорить о реализации в ходе только одной сделки товаров, места происхождения которых отлежали друг от друга более чем на полторы тысячи верст. Было ли это в представлении Крижанича недостаточным, чтобы рассуждать о «дальней» торговле, сказать трудно, как сложно установить факт его осведомленности о практике подобных купеческих предприятий в пределах России, в том числе, в прилежащих к театру военных действий районах, каковой представляла в то время из себя Смоленщина.

Вернемся к присутствующему в тексте документа определению цены одного берковца пеньки при отсутствии указания не только стоимости всей ее массы, но и точной, исчисляемой в деньгах, а не описательно, цены бочки сельди, как и стоимости всех шестидесяти наполненных ею бочек. Как уже сказано, полученные Голутвиным четыреста рублей не покрывали всей стоимости продаваемой им пеньки. Если бы это было так, то цена одного пуда составила бы 40 копеек или в обычном исчислении того времени 13 алтын 2 деньги. Само по себе это ни о чем не говорит, но в сравнении с иными данными позволяет судить о степени стабильности цены на конкретный вид товара в Вологде.

Для примера воспользуемся сведениями о реализации на этом рынке пеньки в феврале 1663 г., отлежащей от времени рассматриваемой сделки на четыре года, но совершаемой в аналогичных зимних условиях. В июле 1665 г. по официальному запросу «в Посольском приказе из вологодских таможенных книг прошлого 171-го году збору головы Ивана Фокина с товарыщи написано: февраля в 10 день купил Вахромей Петрова приказщик Кондратей Данилов у греченина

---

²⁸ Учитывая, что от Москвы до Вологды составители «Поверстной книги» насчитывали 420 верст, а от нее же до Архангельска — 1500 (Петров В. А. Географические справочники XVII в. С. 106, 110), бочки с сельдью переправлялись на 1080 верст.

у Юрья Дмитриева пеньки пятьсот пуд, цена на серебряные деньги триста рублей, повышенные пошлины с рубля по гривне: итого тритцать рублей, а в привозе и в явке, откуда та пенька привезена, не написано». ²⁹ Простой расчет показывает, что цена пуда явленной греком Юрием Дмитриевым пеньки, исчисляемая в серебряных деньгах, оказалась равной 60 копейкам.

В той же выписи Посольского приказа далее следовало: «Да февраля в 17 день греченина Юрья Дмитриева человек ево Роман явил пеньки, что отдал Володимеру Воронину да Самсону Белоусову, тысячу двесте сорок пять пуд, цена на медные деньги шесть тысяч шестисот тритцать шесть рублей, пошлин с пуда по десяти денег, итого триста тритцать один рубль восемь гривен медных денег, а откуда та пенька привезена, не написано». ³⁰ Эта запись позволяет определить цену пуда пеньки уже в медных деньгах как 5 рублей 33 копейки. Невозможно утверждать, но вполне допустимо, что пенька первой и второй описанных под 10 и 17 февраля партий была одного происхождения и, следовательно, не отличалась по цене. В таком случае ненароком устанавливается соотношение серебряных и медных денег в феврале 1663 г. в Вологде как 100:888 при реальном рыночном пересчете как 1:9. Попутно выявляется для ситуации зимы 1663 г. наличие у Владимира Воронина другого компаньона — вологжанина Самсона Белоусова, бывшего одновременно партнером видного вологодского жителя Гаврилы Мартыновича Фетиева. ³¹

²⁹ РГАДА. Ф. 159. Оп. 1. № 2143. Л. 433.

³⁰ Там же. Л. 433–434.

³¹ О Самсоне-Сергии Белоусове см.: *Тимошина Л. А.* «Русский иноземец» XVII в. Владимир Иевлевич // Вестник «Альянс-Архео». Вып. 24. М.; СПб., 2018. С. 66–67. О Г. М. Фетиеве см.: *Тимошина Л. А.* 1) Расселение гостей, членов гостиной и суконной сотен в русских городах XVII в. // *Торговля и предпринимательство в феодальной России*. М., 1994. С. 128, 131–133; 2) Две духовные торговых людей 80-х гг. XVII в. // *Восточная Европа в древности и средневековье: Проблемы источниковедения*. XVII Чтения памяти члена-корреспондента АН СССР Владимира Терентьевича Пашуто. IV Чтения памяти доктора исторических наук Александра Александровича Зимина. Москва, 19–22 апреля 2005 г. Тезисы докладов. Ч. 2. М., 2005. С. 350–353; 3) Греки и русские в Москве в 1665 г. // Третьи Чтения памяти профессора Н. Ф. Каптерева (Москва, 26–27 октября 2005 г.). Материалы. М., 2005. С. 41–53; *Черкасова М. С.* 1) Новые данные о деятельности вологодского гостя Г. М. Фетиева // *Торговля, купечество и таможенное дело в России в XVI–XVIII вв.* Сборник материалов международной научной конференции (Санкт-Петербург, 17–20 сентября 2001 г.). СПб., 2001. С. 95–102; 2) Портрет Г. М. Фетиева. Комментарий историка // *Сборник научных докладов по материалам конференции «Новые открытия портретного искусства Северо-Запада XVII — начала XX в.»*. Вологда, б/г. С. 136–146; 3) *Северная Русь: история сурового края XIII–XVII вв.* М., 2017. С. 148–183; *Малинина Н. Н., Черкасова М. С.* Торговые люди и православная церковь в XVII в. (по архиву вологодского гостя Г. М. Фетиева) // Вестник Екатеринбургской духовной академии. 2016.

Еще далее в выписи Посольского приказа читается: «Петр Сиверс у греченина у Юрья Дмитриева купил пенки весом тысяча сто восемьдесят три пуда, цена на серебряные деньги семьсот девять рублей восемь гривен, и с того повышенной пошлины с рубля по гривне, итого семдесят рублей тритцать два алтына четыре деньги. А откуды то пенька привезена, в книгах не написано».³² Здесь снова используются серебряные деньги, и цена пуда пеньки снова оказывается равной 60 копейкам.

Для вычисления цены пеньки, поставляемой Голутвиным в 1659 г. Кириллову и Воронину, необходимо к полученным калужанином четыремстам рублям добавить стоимость шестидесяти бочек сельди, однако она в рассматриваемой памяти не обозначена. Лишь в дополняющей документ приписке содержится указание на получение Семеном Стефановичем 35 бочек из надлежащего числа по цене 5 рублей 30 алтын за бочку или всего на 206,5 рублей. Прибавляя к четыремстам уже полученным рублям эту сумму, получаем в результате стоимость тысячи пудов пеньки превышающую 606,5 рублей при цене, тем самым, едва более 60 копеек за пуд.

Однако остается еще 25 бочек сельди, стоимость которых следует добавить к этому результату, чтобы иметь представление об общем объеме сделки Голутвина с москвичами. Допущение, что цена рыбы останется на прежнем уровне дает в итоге на 25 бочек 147,5 рубля, что при взаиморасчете увеличивает цену пуда пеньки до 75,4 копейки.

Полагая, что нет достаточных оснований подозревать серьезные изменения условий реализации пеньки в целом и на вологодском рынке конкретно на протяжении четырех лет, заметим соответствие разницы цен на товар, продаваемый прежде Голутвиным, а позднее Юрием Дмитриевым, вероятному различию качества самого этого товара. Иными словами, «смоленская и рословская» пенька отличалась по этому параметру в лучшую сторону от реализуемой греком. Следует учитывать и дальность транспортировки, существенно увеличивавшую накладные расходы, но потребность именно в этом сорте товара, производимом в далеких от Вологды краях, в свою очередь, подчеркивают заинтересованность покупателей в его специфических свойствах.

Приписка к памяти носит двусторонний характер, содержа обязательство Кириллова и Воронина передать оставшиеся 25 бочек сельди по той же цене, по какой она будет приобретена ими в Архангельске. Допущение колебания цены бочки около 5,9 рубля как в одну, так

Вып. 4 (16). С. 84–152; Кистерев С. Н. Вологжанин Гаврила Мартынович Фетиев в 1675 году // Вестник «Альянс-Архео». Вып. 25. М.; СПб., 2018. С. 56–78.

³² РГАДА. Ф. 159. Оп. 1. № 2143. Л. 434.

и в другую сторону позволяет признать уже определенную для предыдущих 35-ти бочек за среднюю, годную к употреблению в расчетах.

Насколько можно судить, именно означенная цена в 5,9 рубля для оставшихся 25 бочек должна была полностью удовлетворить притязания Голутвина при окончательном расчете за отдаваемый им товар. В таком случае цена пуда пеньки, действительно, должна была бы округленно составить 75,5 копеек.

Приведенные выше расчеты, по-видимому, существовали и в умах контрагентов сделки, что подразумевает не только умение оперировать некоторыми несложными математическими правилами, но и способность при нужде пересчитать цены в зависимости от колебания рынка и стоимость всей партии одного из двух реализуемых товаров в соответствии с изменением цены на один из них. Тем самым, и утверждение Крижанича об отсутствии в купеческой среде практики хотя бы начального математического обучения далеко от истинного положения дел.

Рассматриваемую сделку Голутвина с Кирилловым и Ворониным нельзя оценивать как уникальный даже для одного 1659 г. случай поставки «смоленской и рословской» пеньки в Вологду с очевидной дальнейшей транспортировкой в неизменном или переработанном виде вплоть до Архангельска, поскольку в том же документе содержатся сведения об аналогичном предприятии брата Семена Голутвина Филиппа, продававшего такой же принадлежавший ему товар на том же вологодском рынке.

Таким образом, на случайном примере можно заключить, что конкретные, названные в тексте рассматриваемого документа купцы не просто связывали своей деятельностью отдаленные друг от друга рынки, но делали это с пониманием особенностей каждого из них, складывавшейся на них конъюнктуры, проявляя при этом знание нужд потребителей, учет интересов коллег по цеху и стремление достичь желаемого результата оптимальным путем, используя возможности партнеров, чьи деловые интересы распространялись на хотя и соседние, но все же весьма отдаленные регионы.

1659 г. ноября 29 — Память калужскому посадскому человеку Семену Степанову сыну Голутвину об условиях торговой сделки с гостем Аверкием Степановым сыном Кирилловым и жителем московской Садовой слободы Владимиром Васильевым сыном Ворониным

л. 1   Список с памяти слово в слово.

Паметь мне, Семену Стефанову сыну Голутвину, колуженину посацкому человеку.

В нынешнем во сто шездесят осмом году ноября в 29 день продал я, Семен, на Москве гостю Аверкею Кирилову да садовнику Володимеру Воронину тысячу пуд пеньки смоленской и рословской чищаной и трепаной, куклованой, доброй, не гнилой и не моклой, и не черной. А ценою я, Семен, взял у них за берковец по шти рублей по дватцати по пети алтын. А поставить мне ту пеньку за тое ценою на Вологде на своих подводах на срок в нынешнем же году 168-го на Масленой недели всю сполна. А за тое пеньку я, Семен, у него, гостя Аверкея Кирилова да Володимера Воронина взял наперед 400 рублей денег, да мне ж, Семену, у него, гостя Аверкея Кирилова, да Володимера¹ взять в ту ж проданую пеньку 60 бочек сельдей новова выходу нынешнего году, что вышло к городу к Орхангельскому. А по цене мне у них принять те сельди, как в то время станут продовать торговые люди, у кого сельди будут² от Города в то время, и мне, Семену, у них принять те сельди по той же цене добрые (л. 2), а не гнилые, и бочки полные беза ржавенья. А что за тое тысячею пуд будет в лишке пеньки, сколько ни есть в покупке, и мне, Семену, мимо их той пеньки лишней не продавать. А за тое лишнюю пеньку имать мне денгами и сельдми, сколько пригоже взять против той продажи ж и уговору. А буде я, Семен, той своей продажной пеньки в нынешнем же году на срок тысячи пуд к нынешнему зимнему пути на Вологде не поставлю или которой своей покупки лишнюю пеньку, что в зборе будет, кому продам мимо сей записи, и на мне, Семене Голутвине, взять ему, гостю Аверкею Кирилову, да Володимеру Воронину за непоставленную тысячу пуд за всякой берковец или за лишние пеньки, опричь брата Филиппа³ продажи, что в лишке будет, за всякой берковец⁴ по десяти рублей денег.

А сю память писал и запись я, Семен, на себя своею рукою лета 7168-го году ноября в 29 день.

Да взял я, Семен, того ж числа сельдей тритцать пять бочек, по цене зговорился по пети рублей по тритцети алтын за бочку, итого по цене за сельди довелось денег двесте шесть рублей с полтиною, а коя будет вновь, и той цена, по чему станут, и по той цене отдавать ему.

РГАДА. Ф. 141. Приказные дела старых лет. Оп. 3. 1659 г. № 140. Л. 1–2. Список. Автограф Семена Степанова с. Голутвина.

¹ Так в ркп., фамилии нет.

² Слово вписано над строкой.

³ Так в ркп., то есть с двумя «п».

⁴ Слова «или за лишние пеньки, опричь брата Филиппа продажи, что в лишке будет, за всякой берковец» написаны тем же почерком со знаком вставки «крест в круге» на л. 2 об.

Список написан на разрезанном пополам по вертикали александрийском листе бумаги с полностью совпадающими двумя, верхней и нижней, частями филигрانی «кувшинчик», расположенной вверху листа. Л. 1 — 39×15,5 см, л. 2 — 37 (нижний край листа без текста обрезан)×15,5 см.

Я. Г. Солодкин

**ИЗ ИСТОРИИ СИБИРСКОЙ КНИЖНОСТИ XVII ВЕКА
(К локализации и определению источников
Погодинского летописца)***

С последней четверти прошлого века среди памятников сибирского летописания, пожалуй, наиболее пристальное внимание историков и филологов стал вызывать Погодинский летописец (далее — ПЛ), который (или его протограф) одни исследователи считали даже исходным звеном книжной культуры Азиатской России, другие, начиная с первых издателей памятника, — вторичной редакцией широко известной повести Саввы Есипова о «взятии» «дружиной» Ермака «Кучумова царства». ¹ Последний вывод, обосновывавшийся, в частности, Р. Г. Скрынниковым, думается, явно предпочтительнее. Ученые разошлись и во мнениях о месте создания ПЛ. Так, Е. И. Дергачева-Скоп указывала на сибирское происхождение этой «Повести летописной», «откуда начаяся царство бисерменское в Сибири и чесо ради наречеса Сибирь и како божииим повелением взята бысть пра-

---

* Исследование выполнено в рамках проекта РФФИ и Департамента образования и молодежной политики ХМАО — Югры, № 17-11-86004.

¹ См., например: Яковлева А. М. 1) Погодинский летописец в историографии последних десятилетий // Россия и страны Запада: Проблемы истории и филологии. Ч. 1. Нижневартовск, 2002. С. 115–127; 2) Вопросы раннего сибирского летописания в исследованиях Е. К. Ромодановской // Западная Сибирь: история и современность. Краеведческие записки (далее — ЗС). Вып. 5. Тюмень, 2003. С. 150–153, 155, 156; 3) Схемы сибирского летописания первой половины XVII в. в отечественной историографии 1920–90-х гг. // Проблемы истории Сибири XVI–XX вв. Вып. 1. Нижневартовск, 2005. С. 31, 33, 34, 37–41. Заметим, что Е. К. Ромодановская считала «первоисточником сибирского летописания» не синодик «ермаковых казаков» (далее — С) (Ромодановская Елена Константиновна // Историческая энциклопедия Сибири. Т. К–Р. Новосибирск, 2009. С. 779), а их «написание», переданное, по свидетельству владычного дьяка Саввы Есипова, «первопрестольному» тобольскому архиепископу Киприану.

вославными хрестьяны...».² Рукопись же ПЛ, как представлялось Е. И. Дергачевой-Скоп, была создана в Посольском приказе служившим там дьяком.³ А. М. Ставровиц же (в оставшейся неопубликованной работе) склонялась к атрибуции ПЛ знакомому с документами дьяку,⁴ не поясняя, какому — столичному или тобольскому. С точки зрения Р. Г. Скрынникова, автор этого летописца являлся москвичом, служил в Посольском приказе, но бывал в Сибири (так, в рассказе об основании Тобольска⁵ чувствуется «отзвук личных воспоминаний» о «царствующем граде» «Закаменской страны»)⁶. По утверждению

---

² Летописи сибирские. Новосибирск, 1991 (далее — ЛС). С. 268; *Дергачева-Скоп Е. И.* Генеалогия сибирского летописания: Концепция, материалы. Новосибирск, 2000. С. 8. На взгляд Е. И. Дергачевой-Скоп, ПЛ возник в Тобольске или Таре. Но о втором из этих городов в рассматриваемом летописце лишь однажды упоминается, причем неопределенно сказано, что Тара стоит «выше Тоболска многим расстоянием на ... реке Иртыше». В ПЛ повторено свидетельство Есипова о том, что Ялымское (Юлымское, Ялынское и т. п.) озеро находилось возле реки Тары (ПСРЛ. Т. 36. М., 1987. С. 60, 129, 134. Далее ссылки на это издание произведений «группы» Есиповской летописи приводятся в тексте статьи с указанием страниц).

³ ЛС. С. 100; *Дергачева-Скоп Е. И.* Генеалогия сибирского летописания... С. 36. Примеч. 36. Некоторые исследователи думали, что в ПЛ использованы материалы Посольского приказа. См., например: *Скрынников Р. Г.* 1) Ранние сибирские летописи // ИСССР. 1979. № 4. С. 97, 99; 2) Сибирская экспедиция Ермака. Новосибирск, 1986. С. 51, 55, 59; *Ромодановская Е. К.* 1) Летописные источники о походе Ермака // Известия Сибирского отделения АН СССР. Серия общественных наук. 1981. № 11. Вып. 3. С. 26; 2) Сибирские летописи // Историческая энциклопедия Сибири. Т. С–Я. Новосибирск, 2009. С. 79; *Костанов А. И.* Документальная история Сибири: XVII — середина XIX вв. Владивосток, 2007. С. 27, 31; *Акишин М.* Дьяки Посольского приказа и присоединение Сибири // РИ. 2015. № 3. С. 53. Затруднительно решить, отчего Е. К. Ромодановская сочла, что использование документов Посольского приказа в ПЛ объясняет близость «по плану» изложения двух первых («сибирских») статей Нового летописца и Основной редакции Есиповской летописи (далее — НЛ и ОЕЛ соответственно).

⁴ См.: *Ромодановская Е. К.* Погодинский летописец (К вопросу о начале сибирского летописания) // Сибирское источниковедение и археография. Новосибирск, 1980. С. 19.

⁵ Позднее на это указывали также Е. К. Ромодановская и А. Т. Шашков. См.: *Ромодановская Е. К.* Погодинский летописец... С. 38; Очерки русской литературы Сибири (далее — ОРЛС): В 2-х т. Т. 1. Новосибирск, 1982. С. 81; *Шашков А.* Лодейный город // Родина. 2004. Спец. вып.: Тобольск — живая былина. С. 11, и др.

⁶ *Скрынников Р. Г.* 1) Ранние сибирские летописи. С. 99; 2) В поисках «архива» Ермака // Наука и жизнь. 1982. № 6. С. 51; 3) Сибирская экспедиция Ермака. С. 55, 56. Вывод Р. Г. Скрынникова о принадлежности автора ПЛ к московскому приказному миру разделялся А. П. Пронштейном (*Пронштейн А. П.* Рец.: Скрынников Р. Г. Сибирская экспедиция Ермака. Новосибирск, 1982 // ИСССР. 1984. № 1. С. 196). Он, несомненно, заблуждался, полагая, что описание в ПЛ событий знаменитой экспедиции «носит чисто книжный характер».

Ранее мы называли создателя ПЛ тоболяком, бывавшим в Москве (подобно С. У. Ремезову), возможно, переведенным туда на службу. См.: *Солодкин Я. Г.*

Н. А. Миненко, ПЛ сложился в стенах российского внешнеполитического ведомства.⁷

Е. К. Ромодановская и А. Т. Шашков же атрибутировали интересующий нас летописец Черкасу Александрову — атаману, затем голове тобольских служилых татар.⁸ Хотя такое заключение едва ли справедливо,⁹ мысль о появлении летописца, сохранившего немало

---

1) Зарождение сибирского летописания: Источниковедческие очерки. Нижневартовск, 2005. С. 23, 26, 27; 2) Становление сибирской летописной традиции (спорные источниковедческие проблемы). Нижневартовск, 2009. С. 148; 3) «Беседуя к вашей любви...»: Спорные проблемы истории сибирского летописания XVII века. Нижневартовск, 2017. С. 115, 116. Ср.: С. 105–107.

⁷ Миненко Н. 1) Хождение за Камень. Начало Азиатской России: новая версия // Родина. 2000. № 5. С. 69; 2) Тюмень: Летопись четырех столетий. СПб., 2004. С. 33.

⁸ Причислять Черкаса Александрова к нескольким главным соратникам Ермака в сибирском походе (*Кадырбаев А. Ш.* Ермак и «взятие Сибири»: тюркский контекст // История, экономика и культура средневековых тюрко-татарских государств Западной Сибири: материалы Международной конференции: г. Курган, 22–23 апреля 2011 года. Курган, 2011. С. 85) нет каких-либо оснований. При этом, кстати, исследователь забывает об атаманах Иване Кольцо, Иване Грозе и Якове Михайлове.

Вопреки утверждению Д. Я. Резуна, нет данных об участии Черкаса, из-под пера которого якобы вышел ПЛ, в строительстве Пельыма, Верхотурья и Туринского острога (*Резун Д. Я.* Очерки истории изучения сибирского города конца XVI — первой половины XVIII века. Новосибирск, 1982. С. 35–36).

⁹ См., например: *Солодкин Я. Г.* 1) Зарождение сибирского летописания... С. 14, 49; 2) Становление сибирской летописной традиции... С. 144–146; 3) «Беседуя к вашей любви...»... С. 316. Недаром в ПЛ первой церковью Тюменского острога, в закладке которого участвовал Черкас (Иван) Александров, названа Троицкая (136). Вопреки убеждению В. В. Полищука (*Полищук В. В.* Тюмень изначальный // «Судеймановские чтения — 2006»: материалы IX Всероссийской научно-практической конференции (г. Тюмень, 18–19 мая 2006 г.). Тюмень, 2006. С. 85), это известие ошибочно, такой церковью был храм Рождества Богородицы (*Миллер Г. Ф.* История Сибири. Т. 2. М., 2000. С. 16, 182. Ср.: С. 174; *Абрамов Н. А.* Город Тюмень: Из истории Тобольской епархии. Тюмень, 1998. С. 386; *Буцинский П. Н.* Сочинения в 2-х томах. Т. 1. Тюмень, 1999. С. 89; *Кружинов В. М.* Тюмень: вехи истории. Екатеринбург, 1997. С. 7; *Шашков А. Т.* Церкви и монастыри Северо-Западной Сибири и их библиотеки // Книжные сокровища Югры: рукописные и печатные книги из собраний города Ханты-Мансийска. Екатеринбург, 2003. С. 11, и др.). В ПЛ подобно ОЕЛ не указано, кто именно из атаманов «единомысленной дружины» отправился «сь сеуньчем» к царю Ивану, хотя среди казаков, которые привезли в Москву весть о разгроме «Кучумова» юрта, в «Повести летописной...» назван Черкас. Учтем также, что в этом сочинении, как и у Есипова, среди атаманов — соратников Ермака — назван только И. Кольцо. В ПЛ, как и в ОЕЛ, основатель Тобольска Д. Чулков, являвшийся письменным головой, выдается за воеводу. Кроме того, упоминанию о пленении Алея и двух его братьев в последних строках ПЛ сопутствует ссылка на приказное «письмо» (57, 58, 132, 133, 137); Черкас Александров же возглавлял отряд служилых людей, сумевший схватить хана — преемника Кучума (*Трепавлов В. В.* 1) Сибирский хан (?) Али // История, экономика и культура средневековых тюрко-татарских государств Западной Сибири: материалы Международной

уникальных данных о «Сибирском взятии», в «столнейшем граде» необъятной страны, ставшей в конце XVI в. восточной окраиной Московского государства, представляется наиболее вероятной.

Исследователи, признававшие ПЛ сочинением, возникшим в «царствующем граде», не определяли цели создания этого памятника. Их нетрудно установить, если отнести «Повесть летописную...» к числу произведений, сложившихся в Сибири, где интерес к перипетиям ее «взятия» «русским полком» сохранялся на протяжении многих поколений.

Е. К. Ромодановская обратила внимание на имеющиеся в ПЛ «географические уточнения», сделанные, скорее всего, по личным впечатлениям.¹⁰ В летописном известии о том, что «Княжой луг» — «позать того места, что ныне Знаменской монастырь», видная исследовательница ранней русской литературы Сибири расслышала «интонацию очевидца», хотя признавала данное сообщение вставкой. А. Т. Шашков же приписывал это пояснение редактору сочинения Черкаса Александрова.¹¹ Как сообщается в самом начале ПЛ, от Москвы «яко до двою тысяч и трехсот верст до первого сибирского града Верхотурья,¹² а ходу зимним путем з болшими возы семь недель».¹³ Это указание, как думалось Р. Г. Скрынникову и А. Т. Шашкову, может

конференции: г. Курган, 22–23 апреля 2011 года. Курган, 2011. С. 99; 2) Сибирский юрт после Ермака: Кучум и Кучумовичи в борьбе за реванш. М., 2012. С. 76; *Треняев В. В., Беляков А. В.* Сибирские царевичи в истории России. СПб., 2018. С. 82). Примечательно и то, что имя Саид-Ахмада в ПЛ, как и в других сибирских летописях, вслед за ОЕЛ приведено в «искаженном, «прозвищном» варианте» (*Алишина Х. Ч.* Семантическая и генетическая дистрибуция исторического ономастикона средневековых памятников письменности // *Тюркские народы: Материалы V Сибирского симпозиума «Культурное наследие народов Западной Сибири»* (9–11 декабря 2002 г., г. Тобольск). Тобольск; Омск, 2002. С. 124) — Сейдяк.

¹⁰ Ромодановская Е. К. Погодинский летописец... С. 29–31; ОРЛС. Т. 1. С. 81.

¹¹ Шашков А. Т. Погодинский летописец и начало сибирского летописания // Проблемы истории России: от традиционного к индустриальному обществу. Екатеринбург, 1996. С. 127, 130, 151.

¹² В ОЕЛ по большинству списков говорится о том, что Москву и «Сибирскую страну» разделяют «яко до двою тысяч поприщ»; в ряде списков «истории» Есипова при этом сказано о 2400 и «трию (трею, третью, трех)» тысячах поприщ (43; см. также: 234. Примеч. 73); в «Подлинном аписании Сибирского государства городом и островом (вероятно, острогом. — Я. С.) и рекам» (далее — ПА) расстояние между Москвой и Верхотурьем определяется в 2 тысячи верст (75). В одной из поверстных книг XVII в., восходящей к прогонной книге 1605/06 г., в данной связи приведена другая цифра — 2110 верст (*Петров В. А.* Географические справочники XVII в. // Исторический архив. Вып. 5. М.; Л., 1950. С. 112).

¹³ В ПА читаем, что «поспевают зимним путем с возами недель в шесть и в сем, а скорою ездою в три недели безо всякие мешкоты, только на переменных подводах» (75).

свидетельствовать о том, что создателю ПЛ довелось проделать такой путь.¹⁴ В летописце, который А. Т. Шашков вполне оправданно признавал самым надежным источником по истории «Ермаковой эпопеи»,¹⁵ сообщается о том, что в Туру «вниде с правой стороны река Салдавада Тагил»,¹⁶ как плывучи Турою рекою от Верхотурья к Туринскому острогу» (129. Ср. 75–77, 130). Согласно ПЛ, Иртыш впадает в Обь «ниже урочища Самаровых гор единым плесом»,¹⁷ «великая» Обь — в океан «розными своими устьи»,¹⁸ а Тавда, текущая от Пелыма, — в Тобол за 100 верст от Тобольска. Тайбуга, оказывается, направился воевать с «чютью» «вниз к Обе реке». Безвестный «повестопи́сец», рассказывая о «приходе» «дружины» Ермака «в Сибирскую землю», сообщил о том, что выступив с Яика, казаки следом плыли по Иргизу, Волге,¹⁹ Каме, Чусовой, Серебряной, воло-

¹⁴ Впрочем, и Есипову, наверняка приехавшему в Тобольск с «Руси», вскоре, в 1629 г., довелось побывать в Москве (*Дергачева-Скоп Е. И.* Генеалогия сибирского летописания... С. 87). Возможно, по личным впечатлениям дьяк недавно учрежденного Софийского дома писал о слиянии Туры, Тагила и Ницы «во един сонм» (44). На взгляд Р. Г. Скрынникова, такие впечатления ощутимы в известии ПЛ о месте пленения Сейдяка (*Скрынников Р. Г.* Сибирская экспедиция Ермака. С. 56). Очевидно, речь должна идти не о Тобольском остроге, где это случилось, а о Князьем луге, куда со свитой отправился владетель Старой Сибири.

¹⁵ См., например: *Шашков А. Т.* 1) *Погодинский летописец*... С. 152; 2) *Сибирский поход Ермака: хронология событий 1581–1582 гг.* // *Известия Уральского гос. ун-та.* 1997. № 7. С. 44 (Гуманитарные науки. Вып. 1); 3) *Начало присоединения Сибири* // *Проблемы истории России.* Вып. 4: Евразийское пограничье. Екатеринбург, 2001. С. 27; *Очерки истории Югры.* Екатеринбург, 2000. С. 109.

¹⁶ Очевидно, речь идет о Салде (см., например: *Миллер Г. Ф.* История Сибири. Т. 2. С. 624; *Буцинский П. Н.* Сочинения. Т. 1. С. 41), которая в ПА называется Садою (75), и Тагиле; чтение «Салдава», по всей вероятности, — неточность, допущенная или переписчиком конца XVII в. (к этому времени относится единственный список ПЛ), или его предшественником.

¹⁷ Н. А. Балюк, процитировавшая это известие, не отметила его уникальности и отчего-то причислила ПЛ к документам. См.: *Балюк Н. А.* Крепость святого сына // *Сибирский исторический журнал.* 2004. № 1. С. 31.

¹⁸ Савва Есипов писал о том, что Иртыш впадает в Обь, а та «вниде своим устьем в губу Мангазейскую», которая «двема устьи» — «во акиян море прямо к северу» (45. Ср.: 36).

¹⁹ В ПЛ казаки, одолевшие сибирского «салтана», представлены волжскими (Ср.: 42. Примеч. 5–12), но следом сообщается, что на Волге (откуда они, разграбив государеву казну и «погромив» ногайских татар, «прибежали» на Чусовую) Ермак «с товарищи» очутились, оставив Яик и Иргиз.

Е. К. Ромодановская отчего-то заключила, что известное лишь по ПЛ прозвище Ермака — Токмак — является уральским (История литературы Урала: Конец XIV — XVIII в. М., 2012. С. 212). Такое прозвище явно не приходится считать (см.: *Зуев Ю., Кадырбаев А.* Поход Ермака в Сибирь: тюркские мотивы в русской теме // *Вестник Евразии.* 2000. № 3 (10). С. 53; *Кадырбаев А. Ш.* Ермак и «взятие Сибири»... С. 85)

ком достигли Баранчука, затем попали в Тагил, из него — в Тобол, наконец, в Тавду (129–131).²⁰ Одно из первых сражений между ермаковцами и «кучумлянами», если следовать ПЛ, состоялось в урочище, «иже Бабачани именуется, на реке на Тоболе».²¹ Как сообщается в том же летописце, по Тоболу казаки поплыли к Иртышу, одолев «бесермен» у Бобасана,²² к Абалаку «православные вои» шли «Иртишем», на нем располагался занятый ермаковцами Назымский горо-

---

и тюркским. Его, кстати, имел князь И. В. Ноздроватый Звенигородский, сын которого Юрий именовался Токмаковым (АФЗХ. Ч. 2. М., 1956. С. 348; *Кузьмин А. В.* Генеалогия потомков черниговских князей по данным Румянцевского II списка первого извода Патриаршей редакции родословных книг // ОФР. Вып. 15. М.; СПб., 2012. С. 188, и др.). Не исключено, что «храбрый смлада» Ермак был как-то связан с одним из них.

²⁰ В ОЕЛ упоминается лишь о том, что Ермак и его «товарищи» с Волги «Чюсовою рекою ... приидоша на реку Тагил, и плыша до реки Тавды» (51). Но в последнюю казаки могли попасть, о чем умалчивается и в Строгановской летописи (далее — СтЛ), по Тоболу, на что, кроме ПЛ, указано в поздних редакциях Сибирского летописного свода (далее — СЛС), а также в «Истории» С. У. Ремезова, хронографической повести «О победе на бесерменского сибирского царя Кучюма Муртозеева...» (239, 306, 359. Ср.: 37, 76; *Попов А.* Изборник славянских и русских сочинений и статей, внесенных в хронографы русской редакции. М., 1869. С. 400, 402; Сибирские летописи (далее — СЛ). СПб., 1907. С. 11, 16, 59, 54, 297–298; ПЛДР. XVII век. Кн. 2. М., 1989. С. 554. Ср.: С. 550).

²¹ В ОЕЛ при этом говорится про урочище, «иже Бобасан река именуем» (52). В большинстве списков повести «О Сибири и о сибирском взятии», во вторичных разновидностях той же очень популярной на востоке России летописи, сочинении строгановского «историографа», ремезовской «Истории» Бабасан не считается рекой, что подтверждают и картографические материалы (33, 38, 52. Примеч. 56; 83, 92, 109, 181, 240, 306, 360. Ср.: 121; СЛ. С. 19, 66, 100; ПЛДР. XVII век. Кн. 2. С. 554, 555; *Матвеева Н. П., Аношко О. М.* Проблемы и перспективы изучения сибирского похода Ермака на основе комплексного источниковедения // Присоединение Сибири к России: новые данные. Материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием: Тюмень, 9–10 декабря 2014 г. Тюмень, 2014. С. 20). По словам Н. П. Матвеевой и О. М. Аношко, урочище Бабасаны «упоминается в источниках как место сбора татарской дружины под руководством Маметкула». Но в ОЕЛ и зависимых от нее летописях лишь сказано, что этот царевич «с вои своими доиде» до Бабасана.

Как предполагал А. Т. Шашков, чтение «Бабачани», встречающееся в ПЛ, принадлежит его переписчику (*Шашков А. Т.* Погодинский летописец... С. 151). Однако про «Бабачан» сказано и в Румянцевском летописце (далее — РЛ) вида Б, а в некоторых других разновидностях ОЕЛ говорится «Бабасаи», «Бабасаны» (38, 83, 181, 240, 306, 360). Название этой местности происходит от имени ее владельца мурзы Бабасана, являвшегося вассалом Кучума. См.: ПЛДР. XVII век. Кн. 2. С. 554, 701.

²² По сообщению автора ПЛ, самый первый «бой был» у Епанчина, «а языка тотарского (казаки. — Я. С.) не изымаша», Кучум же «приходу на себя Ермакова не чаял, а чаяху, что он воротитца назат на Часовую» (130). Эти сообщения предположительно восходят к «скаске» ветеранов «Сибирского взятия».

док,²³ «вверх» по этой реке, на Вагае, разбил ставку Маметкул, по течению Иртыша, за «яко три поприща» от города Сибири, находился Саускан, где разбил лагерь Карача, осадивший недавнюю столицу ханства Кучума, по Иртышу же добрались от Старой Сибири до Тобольска, «гуляючи», Сейдяк, Салтан и Карача (131–134, 136. Ср.: 56, 58, 60, 62). Вверх по Иртышу, в 12 верстах от Тобольска, располагался, по свидетельству анонимного «писателя», «град» Сибирь, который «ныне словет» Старая Сибирь. Тот же редактор ОЕЛ заметил, что этот «град» поднимался от Иртыша «вниз 12 поприщ», а бывшую столицу Кучума и Тобольск разделяют 15 верст «по нынешнему содержанию» (129, 133, 136).²⁴ Княжий луг, как посчитал

²³ Сообщение раннего С о том, что ермаковцы «до Назима воеваше» (380), заставляет скептически отнестись к представлению об этом городке как самом первом хантыйском поселении на пути из Кашлыка к берегам Оби (*Скрынников Р. Г. Сибирская экспедиция Ермака. С. 227*). Скорее Назим стал наиболее дальним городком, достигнутым казачьей «дружиной» во время похода в «остяцкую страну» (*Солодкин Я. Г. «Ермаково взятие» Сибири: Дискуссионные проблемы истории и историографии. Нижневартовск, 2015. С. 87*). В ПЛ вслед за ОЕЛ сказано о том, что Ермак «з дружиною своею ... повоева ж многие городки и улусы по реке Иртышу и по великой Оби, Назымской же городок ... взяша»; редактор вдобавок сообщил о расположении этого городка на Иртыше и захвате казаками «всего улуса» назымского князя (60, 134). Вопреки мнению Р. Г. Скрынникова, из процитированных строк отнюдь нельзя вынести заключения, будто Назым высился поблизости от Кашлыка. Если верить Г. Ф. Миллеру, интересующий нас городок размещался на реке Назим (Мозим), впадающей в Обь слева, выше Иртыша. Выдающийся ученый склонен был отождествить это укрепленное поселение с Клин-городом (Янг-ваш). См.: *Миллер Г. Ф. История Сибири. Т. 1. М., 1999. С. 245. Ср.: Очерки истории Югры. С. 122, 139.*

²⁴ Замечание летописца о «нынешнем содержании» нередко считалось ошибочным. См.: *Ромодановская Е. К. Погодинский летописец... С. 21; Скрынников Р. Г. Сибирская экспедиция Ермака. С. 57–58; Солодкин Я. Г. О происхождении оригинальных историко-географических известий Погодинского летописца // Историческая география: пространство человека vs человек в пространстве. Материалы XXIII Международной научной конференции: Москва, 27–29 января 2011 г. М., 2011. С. 406.*

В ОЕЛ, о чем в 22 из 28 ее списках, а также поздних разновидностях «сложения» софийского дьяка нет речи (35, 41, 66. Примеч. 79–82; 88, 96, 115, 126, 186, 252, 312, 365), мы читаем о том, что «град» Сибирь отстоял от Иртыша на 15 поприщ. «Слогатель» ПЛ принял данное указание за определение расстояния между Старой Сибирью (Кашлыком или Искером) и Тобольском «по нынешнему содержанию», исходя же из прежнего, будущая столица «далечайшего» «царства» московских государей возникла в 12 верстах (поприщах) от центра Сибирского юрта. Возможно, свидетельство о расположении Тобольска в 15 поприщах от главной резиденции Кучума принадлежит не Есипову, а попало в текст сочиненного архиерейским дьяком «Сказания» при его переписке, причем до середины XVII в. К той поре относится древнейший (Сычевский) список летописи «о взятии Сибири и о победе сицеве»; в других ранних списках ОЕЛ — Аввакумовском того же времени и Уваровском, появившемся в 1663 г. (см.: [*Покровский Н. Н., Ромодановская Е. К.*] Предисловие // ПСРЛ. Т. 36. С. 6–7), — соответствующего чтения мы не найдем. Вспомним также,

нужным сообщить летописец, находится «яко за 2 поприща» от Тобольска (136).²⁵ Вскоре после гибели своего «наставника» уцелевшие ермаковцы во главе с И. Глуховым,²⁶ оставшись «беззапасны до конца», вернулись на Русь по Иртышу, Оби, «черес Камень Собыю рекою» и Пустоозеро (133–135. Ср.: 34, 40, 73, 74, 185, 250).²⁷ Воевода И. Мансуров, по сообщению ПЛ, добрался до Иртыша «в судах рекою Тоболом» и «поставил» городок на Оби «против (о чем в ОЕЛ умалчивается. — Я. С.) иртишъскаго устья» (135. Ср.: 64, 186). Тобольск, как рассказывается в «Повести летописной...», был заложен

что в Сычевском списке говорится о гибели отправившихся «к рыбной ловли» казаков в урочище Босан, тогда как в 19 списках (но не всех, как утверждала Е. К. Ромодановская (см.: Литературные памятники Тобольского архиерейского дома XVII века (История Сибири: Первоисточники. Вып. 10). Новосибирск, 2001 (далее — ЛП). С. 366) подобно С упомянуто про Ябалак или Абалак (56, 71, 78, 380).

Согласно ремезовской «Служебной чертежной книге, от Тобольска до Верхотурья 333 версты 200 сажен «по большей мере, а по прежней — 435 верст» (*Дергачева-Скоп Е. И., Алексеев В. Н.* «Служебная чертежная книга» С. У. Ремезова: Археографический комментарий. Материалы // II Ремезовские чтения 2005: Провинция в русской культуре. Новосибирск, 2008. С. 511), то есть, получается, в 1,3 раза меньше. «Нынешнее содержание» же, о котором идет речь в ПЛ, оказывается больше предыдущего в 1,25 раза. В СЛС сообщается об измерении расстояний между Солью Камской, несколькими сибирскими городами и ямами (включая Тобольск и Демьянский ям), Сухоруковыми юртами в 1686/87 г. тобольскими детьми боярскими, подьячими и целовальниками «против ... ямщичьа челобитья» (224–225, 281–282, 337). Не принял ли эту «меру верст» автор ПЛ за установление «нынешнего содержания»?

²⁵ В XVII в. Княжий луг представлял собой большое сенокосное угодье на городской стороне Иртыша. См.: *Харина Н. С.* 1) Жизнь и хозяйственная деятельность первого сибирского архипастыря Киприана // История Сибири в биографиях. Сургут, 2009. С. 15; 2) Формирование и развитие церковно-корпоративного землевладения Тобольского архиерейского дома в XVII в. // Источниковедческие и историографические аспекты сибирской истории: Коллективная монография. Ч. 8. Нижневартонск, 2013. С. 22, и др.

²⁶ Заметим, что если в ОЕЛ И. В. Глухов считается воеводой (60, см. также: 73, 74, 78, 138, 189), то в ПЛ — головой, о чем сказано и в царской грамоте Строгановым от 7 января 1584 г. (133, 135; *Миллер Г. Ф.* История Сибири. Т. 1. С. 337). Вероятно, Глухов являлся в зауральском походе 1584–1585 годов стрелецким головой (ЛС. С. 31; Нягань: Город на историческом фоне Нижнего Приобья. Екатеринбург, 1995. С. 49; Очерки истории Югры. С. 119; *Пашков А. Т.* Начало присоединения Сибири. С. 38. Ср.: С. 35), а не письменным, как нередко утверждалось (*Щеглов И. В.* Хронологический перечень важнейших данных из истории Сибири: 1032–1882 гг. Сургут, 1993. С. 40; *Копылов Д. И.* Ермак. Иркутск, 1989. С. 161; Очерки истории Коды. Екатеринбург, 1995. С. 92; *Миненко Н. А.* Тюмень... С. 38; *Московкин В. В.* Первый русский город Сибири // Сибирский город: историческая ретроспектива и современный вектор развития. Материалы научно-практической конференции, посвященной 430-летию г. Тюмени: г. Тюмень, 20 мая 2016 г. Тюмень, 2016. С. 155, и др.).

²⁷ См. также: ПЛДР. XVII век. Кн. 2. С. 563.

«усть речки Курдюмки, против мало пониже устья реки Тоболу, яко единые версты, на велице горе и красно велми, а под горою по реке Иртишу луги великие и озера все благополучные, ... плавающим же защита ту от бури и пристанище тихо и покойно» (136. Ср.: 36). Дополняя рассказ Есипова, создатель ПЛ сообщает о возведении в Тобольске при его основании Троицкой церкви, о чем известно и по другим источникам (65–66, 115, 136, 186, 252).²⁸

Посвященные возникновению Тобольска процитированные строки (в оценке Е. К. Ромодановской, поэтические), как и замечание о местоположении Княжьего луга, ремарки о расстоянии между Тобольском и «градом» Сибирью (Старой Сибирью), а также Иртыше (в рассказах о гибели казаков на Абалаке, пленении Маметкула, Саускане, где обосновался Карача, «поставлении» Мансуровского городка) склоняют к заключению о том, что создатель ПЛ являлся жителем сибирской столицы. Очевидно, этот книжник принадлежал к кругу служилых людей. Ведь в ПЛ в отличие от ОЕЛ мы находим выражения «ратную збрую», «устройно ополчитись»,²⁹ «боевое утверждение», «великое ополчение», «з бойством», «с вогненным боем», «бьющися с обою стран крепко», «ясаул казачей»; однажды «воинских людей», упомянутых в ОЕЛ, ее редактор назвал «служивыми государевыми людьми» (67, 131, 132, 134, 137).³⁰ Как сообщил Есипов, царь Иван пожаловал атаманам и казакам деньги. В ПЛ уточняется, что это золотые (58, 133; см. также: 245, 362. Ср.: 98, 142, 190, 191. Примеч. 20–23; 229, 248. Примеч. 39–40; 259, 283, 370).³¹ Кроме того, там вместо «дома» Д. Чулкова упоминается о воеводском дворе (67, 137).

---

²⁸ См. также: *Манькова И. Л.* Реконструкция православного ландшафта Тобольска XVII — первой половины XVIII вв.: приходские церкви // Историческая урбанистика: прошлое и настоящее города. Сборник научных статей Всероссийской конференции с международным участием: г. Сургут, СурГУ. 14 ноября 2014 года. Курган, 2015. С. 236, 237, 239.

²⁹ Ср., например: 161, 176, 205, 224. Примеч. 16; 375; *Вершинин Е. В., Шашков А. Т.* Участие служилых остяков Кодского княжества в военных походах конца XVI — первой трети XVII в. // Западная Сибирь: прошлое, настоящее, будущее. Сургут, 2004. С. 10.

³⁰ См. также: *Панин Л. Г.* О языке русской письменности Сибири XVII–XVIII веков // Семен Ремезов и русская культура второй половины XVII–XIX веков. Тобольск, 2005. С. 443, 447; *Солодкин Я. Г.* К атрибуции Погодинского летописца // Актуальные вопросы истории Сибири. Седьмые научные чтения памяти профессора А. П. Бородавкина: Барнаул, 9–10 октября 2009 г. Барнаул, 2009. С. 84. Утверждение, будто ПЛ «декларирует казачьи идеалы» (*Алексеев В. Н.* «История Сибирская» С. У. Ремезова в литературном процессе второй половины XVII века. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Свердловск, 1988. С. 18), — очевидный домysel.

³¹ См. также: ПЛДР. XVII век. Кн. 2. С. 567.

Про то, «как ... взяты» русскими Алей, Алтанай и еще один сын Кучума, не названный по имени (очевидно, подразумевается Ишим), согласно ПЛ,³² сказано в «писме», хранившемся в Посольской «избе» (137. Ср.: 133). Об этом «писме», к которому он сумел получить доступ, летописец, возможно, узнал от какого-то дьяка или подьячего Посольского приказа, если не Казанского, а то и Сибирского.³³ (Р. Г. Скрынников, повторим, указывал, но, конечно, не в результате текстологического анализа, как представлялось А. М. Яковлевой,³⁴ на зависимость ПЛ от документов «избы», ведавшей внешней политикой России). Узнать же о посвященных «Сибирскому взятию» каких-то приказных документах³⁵ и, тем более, обратиться к ним тоболь-

---

³² Вопреки мнению Р. Г. Скрынникова, в ПЛ говорится о пленении сыновей Кучума, а не их службе в Москве (*Скрынников Р. Г.* Сибирская экспедиция Ермака. С. 58). Кстати, утверждая, что «в период вторжения Ермака на территорию Сибирского юрта и приступа к Искеру царевич Али ни разу не упомянут как участник противостояния», В. В. Трепавлов забывает про одно из сообщений ПЛ о наследнике «безерменского» хана. Судя по главе «О царе Кучюме» этого летописца, на Чусовой, чтобы ее «воевать», Али очутился в канун «пришествия Ермакова в Сибирь», и пока атаманы и казаки «учали ... мыслить и збираться, как бы им доитти до Сибирской земле до царя Кучюма» (130, 133), султан, вероятно, успел вернуться к отцу.

³³ *Солодкин Я. Г.* 1) Погодинский летописец о переходе сибирских царевичей на русскую службу // *Иноземцы в России в XV–XVII веках. Сборник материалов конференций 2002–2004 гг.* М., 2006. С. 518, 519; 2) О происхождении оригинальных историко-географических известий... С. 408; 3) «Беседуя к вашей любви...»... С. 50. Примеч. 71. Известно, что сибирские царевичи ведались в Посольском приказе. См.: *Беляков А. В.* Участие сибирского царевича Алтаная ибн Кучума в событиях Смутного времени и его судьба // *Мининские чтения. Материалы научной конференции: Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского (29–30 октября 2004 г.).* Н. Новгород, 2005. С. 22. Ср.: С. 33, 35; *Трепавлов В. В., Беляков А. В.* Сибирские царевичи... С. 336, 423. См. также: *АИ. Т. 2.* СПб., 1841. С. 9–11, 15, 16, 19. В родословных росписях Болтиных, кстати, говорится о том, что про службы одного из них — Баима Федорова сына — ведомо в Разряде, Посольском и Сибирском приказах (*Пудалов Б. М.* Родословные скаски Болтиных // *Историография. Источниковедение. Историческое краеведение. Сборник статей к юбилею доктора исторических наук Виктора Владимировича Митрофанова.* Нижневартовск, 2017. С. 103, 104, 107).

³⁴ *Яковлева А. М.* Погодинский летописец... С. 120.

³⁵ В одном из таких документов, который Р. Г. Скрынников сближал или отождествлял с разрядной записью (*Скрынников Р. Г.* 1) Ранние сибирские летописи. С. 97; 2) Сибирская экспедиция Ермака. С. 50, 237), сообщалось об экспедиции воеводы князя С. Д. Болховского (1584 г.), причем с определением численности и состава рати, посланной из Москвы за Урал, и возвращении головы И. Киреева с пленными ермаковцами Маметкулом в «царствующий град». Этот воевода в ПЛ восемь раз называется Волконским (133, 135, 137), почему маловероятно мнение (см.: *Скрынников Р. Г.* Ранние сибирские летописи. С. 97. Примеч. 67), будто редактор ОЕЛ следовал «поздней искаженной транскрипции» фамилии С. Д. Болховского в поздних списках этого «Сказания» (60. Примеч. 10, 11. Ср.: 73, 113; ПСРЛ. Т. 31. М., 1968.

ский служилый, скорее всего, сын боярский, мог во время поездки в Москву с «соболиной казной» или отписками и сметными списками.

С. 142, и др.). Чтение «Волконский» из документа, которым он пользовался, автор, вероятно, предпочел указанию на Болховского, если последнее имелось в рукописи «Повести о Сибири и о сибирском взятии». Говоря о войске худородного князя, летописец упомянул казанских и свияжских стрельцов, пермских и вятских людей (пермичей и вятчан), которых затем тоже назвал стрельцами, и иных ратных людей (133, 135). Скорее, создателю ПЛ была известна не разрядная запись, а роспись сибирского похода 1584 г. (Ср.: *Анхимюк Ю. В.* Роспись казанского зимнего похода в разрядной книге ОР РНБ. Q.IV.53 // Государство и общество в России XV — начала XX века. Сборник статей памяти Николая Евгеньевича Носова. СПб., 2007. С. 180–188). По свидетельству летописца, воевода И. Мансуров располагал 700 казаков и стрельцов «розных городов» (135). Возможно, оставшийся анонимным книжник решил не пояснять, каких именно, подобно тому, как умолчал и о том, кто, кроме служивших в Казани, Свияжске, Перми и Вятке, находился в подчинении у князя Болховского. (По указанию А. Т. Шашкова, отряд, выступивший с «Руси» за Урал весной 1584 г., включал и сотню «набранных в Туле» или Подмоскovie стрельцов (*Шашков А. Т.* 1) К истории возникновения в конце XVI в. первых русских городов и острогов на восточных склонах Урала // Уральский сборник: История. Религия. Культура. Екатеринбург, 1997. С. 174; 2) Пути за «Камень» и сибирский поход Ермака // Югра. 1997. № 4. С. 17; 3) Начало присоединения Сибири. С. 35; Очерки истории Югры. С. 117)). Сомнителен и вывод А. Т. Шашкова, будто фамилия Болховского была «исправлена» в Тобольске, где этого князя никто не помнил, а Волконские в 1596–1597 и 1620–1623 годах служили там младшими воеводами (*Шашков А. Т.* Погодинский летописец... С. 151, и др.). В. И. Сергееву известие ПЛ о «снаряжении» в Сибирь отряда С. Д. Болховского представлялось сходным с делопроизводственной документацией (*Сергеев В. И.* Источники и пути исследования сибирского похода волжских казаков // Актуальные проблемы истории СССР. М., 1976. С. 43). Видимо, в распоряжении редактора есиповских «тетрадей о Сибирском взятии» имелась приказная выписка, посвященная двум экспедициям государевых воевод за Урал в середине 1580-х годов (участниками второй из них, возглавленной И. Мансуровым, в ПЛ считаются 700 казаков и стрельцов «розных городов»). В этом документе и могла быть искажена фамилия воеводы, умершего вскоре после прибытия в Сибирь. Не исключено, что в той же выписке на основании казачьей «скаска» говорилось о предыстории и начале «Ермаковой эпопеи», а также возвращении на Русь 90 уцелевших соратников «прехраброго» атамана. Оригинальное известие о 25 ермаковцах-сеунчиках (в других нарративных сочинениях упоминается о 5, 6, 10 или 50), возможно, попало в текст ПЛ из «скаска» потомков Черкаса Александрова. Это известие может отражать более позднюю практику. Так, с «мяхкой рухлядью» («соболиной казной») из Сибири в Москву в первые годы царствования Михаила Федоровича ездили станицы, насчитывавшие от 9–14 до 30–40 человек. См.: *Малов А. В.* Приезды в Москву березовских служилых людей на выходе России из Смуты. 1613–1619 гг. (По данным прихода-расходных книг Казенного приказа) // Меншиковские чтения 2015: Материалы Российской научной конференции. Вып. 10: Березово (Ханты-Мансийский автономный округ — Югра), 27–28 ноября 2015 г. СПб., 2015. С. 164–168. Попутно заметим, что мнение о наличии в ПЛ выдержек из четырех-пяти документов (*Копылов Д. И.* Ермак. С. 10) — всего лишь догадка.

Известно, что архиепископ Вологодский Нектарий «про Христову срачицу и про хитон прислал в Посольский приказ письмо».³⁶ Возможно, туда же (скорее всего из Казанского Дворца или Сибирского приказа) поступило «письмо», на которое сослался автор ПЛ.³⁷

В этом летописце Маметкул постоянно называется братом Кучума, а не его сыном, как в ОЕЛ.³⁸ За брата (о чем сказано и в жалованной грамоте Строгановым 1574 г.) либо (реже) племянника хана султан, попавший в плен к ермаковцам, выдается в дипломатической документации.³⁹ Полагая, что лучшим военачальником сибирского «царя» являлся брат Кучума, создатель ПЛ мог следовать тому же «письму», в котором шла речь о «взятии» русскими служилыми людьми Алея, Алтаная и Ишима. Благодаря этому летописцу известно, что Маметкула, которого И. Киреев привез в Москву, сопровождали и «ермаковы казаки». Возможно, их «скаска»⁴⁰ наряду с показаниями соратников Ермака, вернувшихся в столицу вместе с И. Глуховым,⁴¹

---

³⁶ Гухман С. Н. 1) «Документальное» сказание о даре шаха Аббаса России // ТОДРЛ. Т. 28. Л., 1974. С. 262; 2) Соловецкая редакция «Документального» сказания о даре шаха Аббаса России // Там же. С. 381.

³⁷ Напомним, что документы Посольского приказа использовались при составлении родословца («Книги перечневой») конца XVII в. (Местнический справочник XVII века. Вильна, 1910. С. III, 1). Осенью 1658 г. предполагалось собрать материалы для продолжения Степенной книги (со времени начала царствования Михаила Федоровича), в частности, в Казанском и Сибирском приказах. См.: Белокуров С. А. Из духовной жизни московского общества XVII в. М., 1903. С. 78; Лукичев М. П., Морозов Б. Н. К истории организации официального летописания XVII в. // АЕ за 1992 год. М., 1994. С. 141.

³⁸ ЛП. С. 365.

³⁹ См.: ПДС. Т. 1. СПб., 1851. Стб. 1073; Т. 2. СПб., 1852. Стб. 466, 989; Сборник РИО. Т. 38. СПб., 1883. С. 296, 378; Т. 129. СПб., 1910. С. 415, 508; Белокуров С. А. Сношения России с Кавказом. Вып. 1. М., 1889. С. 27, 98, 279, 341, 439; Памятники дипломатических и торговых сношений Московской Руси с Персией. Т. 1. СПб., 1890. С. 364; Т. 2. СПб., 1892. С. 50; Сергеев В. И. Источники и пути исследования сибирского похода волжских казаков. С. 50, 51; Преображенский А. А. Урал и Западная Сибирь в конце XVI — начале XVIII века. М., 1972. С. 48, 49, 51; Посольская книга по связям России с Англией 1613–1614 гг. М., 1979. С. 130, и др. О том, что Маметкул (Мухаммад Кули) приходился Кучуму братом, автору ПЛ, впрочем, могло стать известно и от тобольских татар.

⁴⁰ Видимо, легендарная (см.: Скрынников Р. Г. Сибирская экспедиция Ермака. С. 59) ремарка о том, что Ермак принял последний бой «в пансыре тягче», или основана на той же «скаске», или (такое допущение менее вероятно) отложившейся в архиве приказной избы «Тобольского города» «скаска» Аблая-тайши, к которому ездили местные служилые люди (Солодкин Я. Г. Дарил ли Ермаку панцири Иван Грозный? // ЗС. Вып. 9. Тюмень, 2007. С. 32). Аналогичное сообщение, но уже о двух панцирях, не позволивших спастись «прехраброму» атаману, имеется в ряде нарративных источников рубежа XVII–XVIII вв. (Там же. С. 27, и др.).

⁴¹ Попутно заметим, что причислить голов И. Глухова и И. Киреева, появившихся за Уралом после гибели атамана, имя которого обессмертила сибирская экспедиция,

отложилась в архиве Посольского приказа и со временем очутилась в распоряжении книжника, из-под пера которого вышел ПЛ.

Не исключено, что из этой «скаски» создатель интересующего нас летописца узнал и о гибели на Абалаке (о чем упомянул дважды) есаула «Брюзги с товарищи». В раннем же С и перечне (далее — П) атаманов и казаков, уцелевшем в одной из рукописей Г. Ф. Миллера, перед Богданом Брызгой⁴² названы, причем в «помяннике» относительно двух эпизодов знаменитой сибирской экспедиции, Окол (Окул) и Иван Карчига (78, 132, 380). Возможно, в такой последовательности они были убиты, ведь в С и П указанию на Ермака предшествует перечисление семи его соратников в бою, оказавшемся для «начального» атамана роковым, хотя среди многих «русских воев», «избиенных» в «хождении» по Иртышу и Оби, а в следующем году умерщвленных Карачей, первыми упомянуты Никита или Микита (согласно СтЛ, Пан) и Иван Кольцо, тоже являвшиеся атаманами.

В ПЛ прибытие И. Киреева с Маметкулом в Москву отнесено к 7092 г.⁴³ (в ОЕЛ названной даты нет) (61, 135). Точнее, первый

к соратникам Ермака (Колева Г. Ю. Судьбы владельческих деревень близ Тобольска (XVII–XIX вв.) // ХМАО — Югра: исторические вызовы и ответы. Материалы Всероссийской научной конференции: Сургут, 6 декабря 2013 года. Сургут, 2013. С. 26), разумеется, не приходится, как и утверждать, будто Киреевы «известны в составе казаков Ермака» (Белич И. В. К характеристике историко-культурного ландшафта Абалакского природно-исторического комплекса: памятники археологии, памятные места и исторические поселения // Тобольск — врата Сибири: Актуальные вопросы истории города и региона XVII–XX вв. Тобольск, 2012. С. 117).

Е. И. Дергачева-Скоп предположила, что князь Иван Иванович Киселев, названный в летописном своде митрополита Тобольского Игнатия Римского-Корсакова предводителем 500 стрельцов (т. е. целого приказа), выступивших на помощь ермаковцам, — это Иван Киреев (ЛС. С. 221). Но последний являлся головой в отряде воеводы князя С. Д. Болховского, насчитывавшем три сотни стрельцов, да Киселевых среди князей XVI в. не было, так что с допущением видной исследовательницы ранней русской книжности Сибири вряд ли можно согласиться.

⁴² Так этот сподвижник Ермака именуется в С и (где назван пятидесятником) Кунгурском летописце.

Прозвище «Брызга», кстати, было известно не только на «Руси» (Веселовский С. Б. Ономастикон. Древнерусские имена, прозвища и фамилии. М., 1974. С. 51; ЛП. С. 359), но и в Сибири спустя без малого столетие после «Ермаковой эпопеи». См.: Русское старожильческое население Югры в конце XVI — середине XIX в.: исследовательские материалы и документы. М., 2007. С. 431, 432.

⁴³ А. Т. Шашков считал данное указание вставкой в текст протографа ПЛ (Шашков А. Т. Погодинский летописец... С. 138).

О «приходе» «ис Сибири с царевичем» (посланным в Москву в 7091 г.) «лета 7092-го» (Н. П. Матвеева и О. М. Аношко почему-то утверждали, что это произошло осенью) упомянуто в РЛ вида А; в виде Б сказано, как и в ОЕЛ, о предыдущем годе (34, 40). Возможно, редактор «истории» Есипова назвал 7092 г., поскольку тогда на престоле Ивана Грозного сменил его сын Федор.

из сибирских царевичей попал в российскую столицу зимой следующего года (до начала февраля).⁴⁴ Скорее всего указанный анахронизм был допущен в источнике интересующей нас «Повести...», ибо, если верить анонимному книжнику, князь С. Болховский, И. Киреев и И. Глухов очутились в городе Сибири вскоре после гибели Ермака, которая в ПЛ, как и в ОЕЛ, отнесена к 5 августа 7092 г. (62, 63, 134, 135).

Как читаем у Есипова, «Ермак с товарищи ... писаша» царю Ивану Васильевичу о победе над Кучумом «и с вои его». В ПЛ же при этом сказано о том, что атаманы и казаки «розбиша» хана «и с его детми с Алеем да са Алтынаем да с Ышимом и съ его вои», а также «брата ... Кучюмова» Маметкула (57, 133). Замечание редактора ОЕЛ (передававшего содержание казачьей «отписки» Грозному) о царевичах — явная вставка,⁴⁵ вероятно, из того же «писма», где сообщалось про «взятие» русскими Алея и его братьев, тем более что о них в рассказе о сражении «под Чювашею» не говорится. Кроме названных в концовке ПЛ трех сыновей Кучума, среди которых указаны Алей с Алтынаем и подразумевается упомянутый ранее Ишим, в неволе оказались (о чем, по всей видимости, летописцу не было известно) их братья Канай, Кумыш, Молла (Мулла), Бибадшах, Асманак, Шайх Мухаммад (Шаим), Кубей Мурад, Берди Мурад, возможно, Абу-л-Хайр.⁴⁶

Стоит обратить внимание на то, что среди сыновей Кучума лишь Алтанай и Ишим добровольно сдались русским властям,⁴⁷ а не очутились в плену подобно Маметкулу и Сейдяку. Это обстоятельство дает возможность понять, отчего в числе разгромленных «православными воями» султанов, кроме Алея, в ПЛ перечислены только два названных его брата, и, между прочим, склоняет к мысли, что один из редакторов ОЕЛ о «писме», на которое указал,⁴⁸ знал, вероятно, понаслышке.

---

⁴⁴ Очерки истории Югры. С. 99, 119, и др.

⁴⁵ Зуев А., Слугина В. Летописные известия о шертовании сибирских народов во время похода Ермака и исторические реалии // РИ. 2015. № 3. С. 32, 42. Ср.: С. 44.

⁴⁶ См., например: Нестеров А. Г. Династия Сибирских Шейбанидов // Тюркские народы. Материалы V Сибирского симпозиума «Культурное наследие народов Западной Сибири» (9–11 декабря 2002 г., г. Тобольск). Тобольск; Омск, 2002. С. 210–211.

⁴⁷ Там же. С. 210; Беляков А. В. Участие сибирского царевича Алтаная ибн Кучума в событиях Смутного времени... С. 21, 34; Трепавлов В. В. Сибирский хан (?) Али. С. 96; Трепавлов В. В., Беляков А. В. Сибирские царевичи... С. 86, 165, 168, 169, 280, 363, и др. Ишим, отпущенный в 1603 г. (через два года после выезда на «государево имя») из Уфы в Сибирь, вскоре опять выступил против русских и вел борьбу с ними, будучи союзником калмыков, на протяжении почти двух десятилетий, до смерти в 1623/24 г.

⁴⁸ Возможно, оно было составлено по случаю приема 18 марта 1638 г. Али и Алтаная «у государя в Золотой палате». Об этой аудиенции см.: Беляков А. В. Участие

Вслед за «Аминем» в ПЛ снова говорится об убийстве семи (из десяти) сыновей Кучума в Старой Сибири накануне жившим в Бухаре Сейдяком и «присылке» Маметкула в российскую столицу с И. Киреевым. Оригинальным в нескольких строках, дополняющих повествование о том, «како в Сибири бусорменская вера умалилась, а православная крестьянская вера распространилась», является лишь свидетельство о пленении (со ссылкой на «письмо» из Посольского приказа) Алея, Алтаная и их не названного по имени брата, которые «при прежних государех были на Москве». ⁴⁹ Данное свидетельство, в первую очередь, упоминание об источнике ранее не приводившихся сообщений, вероятно, казалось редактору ОЕЛ особенно важным, так как отсутствовало и в этой, и в известных ему, возможно, других сибирских летописях.

Упомянув вслед за Есиповым о принадлежности Чингиса к просто-народью до убийства Она и захвата власти в его царстве, анонимный книжник со ссылкой на «московские летописцы» ⁵⁰ напомнил, что простолюдином являлся и Темир-Аксак (129). ⁵¹ Такая ссылка кажется более уместной под пером провинциального, а не столичного «слогателя». ⁵²

сибирского царевича Алтаная ибн Кучума в событиях Смутного времени... С. 23–24; *Трепавлов В. В.* Сибирский хан (?) Али. С. 99; *Трепавлов В. В., Беляков А. В.* Сибирские царевичи... С. 307, и др.

⁴⁹ Али и Алтанай дожили до начала царствования Алексея Михайловича. См.: *Беляков А. В.* Участие сибирского царевича Алтаная ибн Кучума в событиях Смутного времени... С. 25, 29. Примеч. 30; *Трепавлов В. В., Беляков А. В.* Сибирские царевичи... С. 83, 237, 273–274, 277, 417, 421, и др.

⁵⁰ Об этих летописцах редактор есиповского «сложения» мог знать понаслышке. См.: *Солодкин Я. Г.* Погодинский летописец... С. 517–518.

Вероятно, Повесть о Темир-Аксаке была известна создателю ПЛ (на что указала Е. К. Ромодановская, имея в виду «непосредственный протограф» разбираемого сочинения — как ей представлялось, переданное ветеранами «одоления» «Сибирския земли» тобольскому «первопрестольнику» Киприану «написание» (далее — Н), см.: *Ромодановская Е. К.* 1) Погодинский летописец... С. 49; 2) Черкас Александров // СККДР. Вып. 3. Ч. 4. СПб., 2004. С. 229; История литературы Урала... С. 213)) по одному из летописных сводов, лишь в составе которых (*Жучкова И. Л.* Повесть о Темир-Аксаке // СККДР. Вып. 2. Ч. 2. Л., 1989. С. 284, 285, и др.) уцелела. В летописях, действительно, излагается версия о Темир-Аксаке как простолюдине по рождению (еще Н. М. Карамзин находил ее баснословной).

⁵¹ Кстати, в ПЛ Чингис (Чингий) вовсе не выдается за «Аксак-Тимура», как иногда утверждается. См., например: *Коблова Е. Ю.* У истоков становления дорусской государственности в западносибирском регионе: отечественные исследователи о «царстве» на р. Ишиме и его правителей // Тюменский исторический сборник. Вып. 10. Тюмень, 2009. С. 24. Примеч. 20.

⁵² Ср.: *Тихомиров М. Н.* Краткие заметки о летописных произведениях в рукописных собраниях Москвы. М., 1962. С. 122. Ср.: С. 85; *Салмина М. А.* Повести о начале

Примечательно, что в ОЕЛ идет речь о недолгом пребывании посланных в Москву с сеунчем «товарищей» Ермака (отправившихся к «царскому порогу» «того же лета», когда была взята столица Кучума,⁵³ то есть в 7089 г.) и «присылке» в Сибирь отряда С. Д. Болховского в 7091 г.⁵⁴ В ПЛ же (что, думается, обнаруживает его вторичность относительно «писания» Есипова) утверждается, что отряд незнатного князя оказался за Уралом вскоре после гибели Ермака 5 августа 7092 г.,⁵⁵ иначе говоря, в самом конце этого или начале следующего года, но в сопровождении сеунчиков,⁵⁶ выехавших на Русь

Москвы. М.; Л., 1964. С. 91, 92; *Каган М. Д.* Житие Паисия Угличского // СКЖДР. Вып. 2. Ч. 1. Л., 1988. С. 319; Тобольский архиерейский дом в XVII веке. Новосибирск, 1994. С. 93; *Вовина-Лебедева В. Г.* Новый летописец: история текста. СПб., 2004. С. 125.

Напомним, что Абрамовская редакция повести Саввы Есипова называется «Летописцем Тоболским». В РЛ вида Б и двух редакциях СЛС есть ссылки на «ини (иные) же летописцы», под которыми явно подразумеваются СтЛ и ОЕЛ соответственно. В Музейском списке данного свода в Головинской редакции (далее — ГР) «летописцем сибирским», очевидно, тоже вследствие его содержания, называется эта «История о Сибирстей земли и о царстве, и к нему принадлежащих странах...» по Музейному (Чоглоковскому) списку (38, 91, 139, 218. Примеч. 99–99; 368. Ср.: 32, 189. Примеч. 1–3).

⁵³ В Распространенной редакции Есиповской летописи (далее — РЕЛ) этого указания нет. См.: 183, 244, 308, 361.

⁵⁴ В одной разрядной записи сказано о «присылке» С. Болховского в Сибирь и его смерти под 7090 г. (НИА СПбИИ РАН. К. 115. № 236. Л. 42, 186 об.). Утверждение о том, что этот князь, «согласно летописной традиции, прибывает к Ермаку поздней осенью 1584 г. (*Сергеев В. И.* Источники и пути исследования сибирского похода волжских казаков. С. 23), неточно: судя по ОЕЛ, воевода оказался в Сибири как минимум годом раньше, а если следовать ПЛ, — в конце лета или начале осени 1584 г.

Заметим, что сохранившиеся источники явно противоречат мнению, будто отряд князя С. Д. Болховского зазимовал на Карачинском острове «в конце сибирского похода казаков» (*Матвеева Н. П., Аношко О. М., Долгих А. С.* Раскопки землянки на Карачинском острове // Присоединение Сибири к России: новые данные. Материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием: Тюмень, 9–10 декабря 2014 г. Тюмень, 2014. С. 28). Так, в ПЛ прямо сказано, что Болховского «не стало ... в Сибири вскоре», «во граде Сибири не стало», «И многие ермаковы казаки, и которые с Руси люди пришли, померли в городе з голоду», «...те все присылные люди, казанские и свияжские стрелцы и пермские и вяцкие люди, померли в Старой Сибири з голоду» (133, 135. Ср.: 60).

⁵⁵ ПЛ заставляет отвергнуть утверждение, будто Киреев и Глухов, пережившие князя Болховского, подчинились Ермаку (Софронов В. Ю. Ермак и Кучум: новый взгляд на личность // Тюменский исторический сборник. Вып. 18. Тюмень, 2016. С. 64, 65).

⁵⁶ Об этом, кстати, сообщается в известном Есипову протографе «Краткого описания о Сибирстей земли...» (далее — КО), где сказано о «посылке» воевод за Урал царем Иваном (74; СЛ. С. 309), а не его наследником Федором, как в НЛ и ряде зависимых от него произведений (73, 78; ПСРЛ. Т. 14. М., 1965. С. 33, и др.).

в течение насыщенного событиями «лета», к которому относится захват казачьей «дружиной» главной ханской ставки (57, 58, 60, 132–135). Видимо, летописец счел, возможно, под влиянием протографа КО, что Иван IV, узнав о «взятии» ермаковцами «за саблю» юрта Кучума, должен был отпустить рать в Сибирь сразу, а не спустя почти два года.

Некоторые оригинальные известия ПЛ тоже могли появиться при осмыслении показаний Есипова. Таковы сообщения о том, что Чингис «нарече» Тайбугу «пот собою первым князем», «дружина» Ермака состояла из волжских казаков,⁵⁷ с тех пор, как «Ермак Тимофеев

Е. К. Ромодановская же находила сообщение ПЛ о «посылке» воевод вместе с сеунчиками оригинальным.

Заметим также, что по СтЛ и «Описанию о поставлении городов и острогов...», воеводы привезли Ермаку «с товарищи» государево жалованье (138, 189, 258, 315, 345, 368; СЛ. С. 31, 76), если же следовать ОЕЛ, его доставили сеунчики. (В КО, НЛ, ПЛ сказано, что это жалованье казакам, подчинившим «Сибирскую землю» московскому самодержцу, передали сеунчики и прибывшие туда с ними Болховский и Глухов). Возможно, автору ПЛ был известен протограф КО или по списку, к которому обращался Есипов, или какому-то другому. В. Г. Вовиной-Лебедевой же думалось, что общий источник КО и НЛ восходит к тому же протографу, что и ОЕЛ, ПЛ, некоторые другие летописи, созданные на востоке России в XVII в. (*Вовина-Лебедева В. Г. Новый летописец: история текста*. С. 248, 250).

Вопреки утверждению Е. К. Ромодановской (см.: ЛП. С. 366–367), летописные сообщения о том, что С. Болховский, И. Киреев и И. Глухов «были посланы из Москвы с казаками, возвращавшимися из посольства к царю, и пришли в Сибирь после гибели Ермака», не находят соответствия в грамоте Ивана Грозного Строгановым от 7 января 1584 г.

⁵⁷ В ПЛ повторено указание Есипова, приведенное и в других редакциях его «Сказания», на численность «дружины» Ермака (540 человек). Это указание есть и в СтЛ (50, 130; СЛ. С. 8. Ср.: С. 10), почему можно думать, что оно имелось в общем источнике ОЕЛ и сочинения строгановского «историографа» — скорее всего, летописи, возникшей в Тобольске до начала осени 1636 г. («писания»). Происхождение данного свидетельства остается загадочным. Не насчитывала ли станица каждого атамана, если их было шесть (Ермак, Иван Кольцо, Никита Пан, Матвей Мещеряк, Яков Михайлов, Иван Гроза), как думалось анонимному тобольскому летописцу, по 90 казаков? Из них, хотя к тому времени численность «православных воев», скорее всего, уменьшилась, Кольцо, отправляясь на помощь Караче, взял 40 своих соратников. Вспомним также, что в ПЛ упоминается о возвращении из Сибири на «Русь» 90 ермаковцев, которым посчастливилось пережить большинство «товарищей» (не считая тех, кто сопровождал в Москву царевича Маметкула). Видимо, эти 90 казаков перед тем, как оставили город Сибирь, были объединены И. В. Глуховым в одну станицу. О количестве ермаковцев, вернувшихся на «Русь» вскоре после гибели своего «наставника», о чем, впрочем, автор «писания» не счел нужным сообщать, этому книжнику предположительно стало известно от какого-то тобольского служилого человека, возможно, даже сподвижника прославленного атамана. Рассудив, что таковой являлась численность казачьих станиц в пору «Сибирского взятия», зная о всех их предводителях, а не только Ермаке и Кольце, про которых

с товарищи ... Чюсовой сибирским (отряду Алея. — Я. С.) повоевать не дали (каким образом, происходили военные столкновения или нет, умалчивается. — Я. С.), «учали оне ... мыслить и збираться, как бы им дойти до Сибирской земли до царя Кучюма»,⁵⁸ Карача являлся ханским любимцем (Ср.: 134), Маметкул возглавлял «под Чювашею» «великое ополчение», осенью было «возвратиться мало мошно» от «града» Сибири, не вступая в битву с «кучумлянами», атаманы и казаки «не ведаще, яко погании от града (Сибири. — Я. С.) изыдоша» после разгрома у «Чувашева», Ермак «рад бысть зело» пленению Маметкула (Ср.: 59. Примеч. 59; 94, 123) и поведал ему «про государское величество», прославленному атаману «указал государь (Иван IV. — Я. С.) быть к Москве.⁵⁹ И Ермак в тое пору убит, покамест сеунщики ездили к Москве» (он погиб «перед воеводским приходом»), из города Сибири с И. Глухим «русские люди вышли вьсе», Сейдяк хотел отомстить Кучуму «за кровь» своего отца Бекбулата и дяди Едигера,⁶⁰ Назымский городок был взят ермаковцами «со всем улусом», на них в Саускане напало «много ... безбожных», осаждавших город Сибирь, И. Мансурова отправили в «Закаменьскую страну», когда «на Москве ... чающе Сибирь за государем, и живут в ней государевы люди».⁶¹ Как говорится в ОЕЛ, в Тоболь-

---

упомянул, «списатель» и определил, сколько казаков двинулось во владения «берменского царя».

90 ратных людей иногда составляли самостоятельный отряд (*Тихомиров М. Н.* Русское летописание. М., 1979. С. 204–205). В конце XVI — начале XVII вв. станицы, возглавлявшиеся атаманами, имели самую разнообразную численность — от нескольких десятков до 300–500 человек. См., например: *Миллер Г. Ф.* История Сибири. Т. 1. С. 386, 400–401; Т. 2. С. 203, 204; *Скрынников Р. Г.* Сибирская экспедиция Ермака. С. 132, 133, 144, 148, 149; *Станиславский А. Л.* Гражданская война в России XVII в. Казачество на переломе истории. М., 1990. С. 15, 22, 31, 51, 67, 95, 107, 121–122, 134, 139, 168, 169, 171, 175, 184, 186, 187, 234, 237.

⁵⁸ Заметим, что о Строгановых при этом умалчивается.

⁵⁹ Р. Г. Скрынников же находил известие о данном распоряжении Грозного вполне правдоподобным (Скрынников Р. Г. Сибирская экспедиция Ермака. С. 237, 252, и др.).

⁶⁰ О последнем в соответствующей главе ОЕЛ умалчивается.

⁶¹ Согласно ПЛ, Иван Мансуров прибыл в Сибирь «во второе лето» не только «по Ермакове ж убиении» (о чем говорится в ОЕЛ), но и «по смерти князя Семена Волконского» (он скончался вскоре после гибели Ермака), очевидно, в 7093 г., о чем прямо сказано в двух поздних редакциях СЛС (64, 74, 133, 135, 345, 368). В двух его ранних редакциях «присылка» отряда Мансурова из Москвы за «Камень» отнесена к 7092 г., но ранее сообщается, что Старая Сибирь, к которой направлялся этот отряд, была «покинута впусе с 93 году с начала» (138, 189. Примеч. 31–33). Автор ПЛ считал, что русские «воинские люди» находились в Сибири с осени до весны (в ОЕЛ упоминается о зимовке служилых в Обском городке, заложенном осенью). Есипову представлялось, что в том же самом году, когда в «Сибирскую землю» отправили Мансурова, была «срублена» и Тюмень.

ске «победа и одоление на окаянных бусормен бысть»; в ПЛ вдобавок сказано о том, что Сейдяк — «начальный» Старой Сибири — «ту в Тоболске взят бысть (в плен. — Я. С.)» государевыми людьми.⁶² В «Повести летописной...» также читаем, что «поганные», разбитые у Бобасана, направились «ко граду (Сибири. — Я. С.), ко царю Кучюму» (Есипов констатировал лишь факт бегства), хан после сражения возле Чувашева мыса «учал был зело страшен от православного воинства», Иван IV, получив весть о «Сибирском взятии», Ермака «похвалил, тако ж и всех товарищей атаманов и казаков», «бежаша множество их, поганных, от малочисленнаго (русского. — Я. С.) воинства», И. Мансуров (если следовать ОЕЛ, зазимовавший в Обском городке) находился в сооруженном им остроге до весны,⁶³ а остяки осаждали его «зимним временем» (52, 54, 56, 58–60, 66, 129–136). Кроме того, по словам Есипова, узнав, что после гибели Ермака и бегства его уцелевших соратников из города Сибири там обосновался Алей, Сейдяк подошел к этому «граду» и овладел им; в ПЛ же утверждается, что бек, являвшийся наследником Бекбулата, «прииде из Бухар» (ранее в обеих сопоставляемых летописях говорится о том, что Кучума известили о выступлении против него Сейдяка, скрывавшегося в «Бухарской земле»)⁶⁴ Возможно, автору ПЛ представлялось, что раз в Тобольске вначале возвели Троицкую церковь, так же должны были поступить основатели Тюмени (59, 64, 134, 135, 137. Ср.: 48, 130).

В ОЕЛ повествуется о том, что Сейдяк «град (Сибирь. — Я. С.) взя и царевича Алея и прочих победы и изгна из града». В ПЛ мы встре-

---

⁶² Неоднократно указывалось на легендарность рассказа Есипова о пленении Сейдяка, Салтана и Карачи письменным головой Д. Д. Чулковым в «срубленном» лишь накануне Тобольском остроге. Заметим также, что переговоры между беком из династии Тайбугидов и «присланным» с отрядом служилых людей из Москвы письменным головой могли состояться и ранее, причем не в будущей столице Азиатской России, а где-то на пути от бывшей ханской столицы к соседнему Тобольску.

⁶³ Известие ПЛ о численности отряда И. Мансурова — 700 казаков и стрельцов «розных городов» — представляется нам маловероятным (Солодкин Я. Г. Первые русские воеводы в «Сибирской земле» (1584–1586 гг.): летописные версии и их источники // Источниковедческие и историографические аспекты сибирской истории: Коллективная монография. Ч. 9. Нижневартовск, 2014. С. 36–37. Примеч. 16). К тому же столько «воинских людей» вряд ли бы разместилось в Обском городке, да и выходцами из каких мест являлись эти служилые, редактор есиповских «тетрадей» не смог указать, что сделал относительно ратников князя Болховского и его «товарищей». Приведенная цифра, не исключено, навеяна литературной традицией либо имеет устное происхождение.

⁶⁴ С точки зрения В. В. Трепавлова, Сейдяк в пору гибели Ермака еще находился «в своей бухарской эмиграции» (Трепавлов В. В. Сибирский юрт после Ермака... С. 32. Ср.: С. 48; Трепавлов В. В., Беляков А. В. Сибирские царевичи... С. 36).

чаем иную версию: овладев этим городом, наследник князя Бекбулата «Алея взял и прочих Кучумовых сынов смер[тью] убил».⁶⁵ В концовке того же произведения сказано, что семь (о чем, вопреки утверждению А. Т. Шашкова,⁶⁶ ранее не упоминалось) ханских сыновей Сейдяк умертвил «в Старой Сибири, выше сего то рекохом же» (64, 135, 137). Возможно, переписчик пропустил эту цифру. В. В. Трепавлову казалось недостоверным летописное сообщение о пленении Сейдяком (Саид-Ахмедом) Али (Алея); последний, на взгляд видного современного востоковеда, скорее всего, был изгнан из «града», являвшегося прежде столицей «Кучумова» юрта.⁶⁷

Об имевшихся у Кучума десяти сыновьях, семь из которых погибли при взятии Старой Сибири Сейдяком, автор ПЛ, не исключено, узнал от тобольских татар, как и о том, что этот сибирский «царь» «приходу на себя Ермакова не чаял». К тому же источнику можно возвести летописные сообщения о «наречении» Чингисом Тайбуги «пот собою первым князем» и Караче как ханском любимце, изготавливавшем для Кучума панцири, кольчуги и «ратную збрую» (129–131).⁶⁸

Д. Н. Маслюженко констатировал, что в ПЛ в отличие от других сочинений «блока» Есиповской летописи «окончание царства на р. Ишиме» связывается со смертью «Чингиса, а не переселением Мамета в Сибирь».⁶⁹ Но указание на Чингиса может считаться ошибкой

⁶⁵ Данная версия могла появиться при редактировании соответствующей фразы ОЕЛ. Во вторичных разновидностях есиповской «истории» это свидетельство воспроизводится, порой с незначительными изменениями (34, 40, 87, 96, 114, 125, 186, 251, 311, 364; см. также: ПЛДР. XVII век. Кн. 2. С. 563).

⁶⁶ Шашков А. Т. Погодинский летописец... С. 128.

⁶⁷ Трепавлов В. В. 1) Сибирский хан (?) Али. С. 96; 2) Сибирский юрт после Ермака... С. 64; Трепавлов В. В., Беляков А. В. Сибирские царевичи... С. 69, 160. Согласно данным А. Г. Нестерова, у Кучума было не десять (как сообщается в ПЛ), а тринадцать сыновей, а по указанию В. В. Трепавлова, — четырнадцать, если не больше. См.: Нестеров А. Г. Династия Сибирских Шейбанидов. С. 209–211; Трепавлов В. В. Сибирский юрт после Ермака... С. 62, 217; Трепавлов В. В., Беляков А. В. Сибирские царевичи... С. 67.

⁶⁸ Д. Н. Маслюженко «с большой долей вероятности» полагал, что «информаторы» создателя ПЛ (якобы Черкаса Александрова) «в основном были из татар», живших в Тобольске (Маслюженко Д. Н. 1) Возможности использования сибирских летописей для реконструкции идеологии Сибирского княжества Тайбугидов // Источниковедческие и историографические аспекты сибирской истории: Коллективная монография. Ч. 5. Нижневартовск, 2010. С. 9; 2) Сибирская княжеская династия Тайбугидов: источники формирования и мифологизация генеалогии // Средневековые тюрко-татарские государства. Вып. 2. Казань, 2010. С. 10). Утверждение известного курганского историка о том, что Черкас «был назначен татарским головой на Тару в период 1593–94 гг.», не отличается точностью: во время похода в Среднее Прииртышье в 1594 г. Черкас являлся атаманом тобольских служилых татар.

⁶⁹ Маслюженко Д. Н. Возможности использования сибирских летописей... С. 10.

переписчика. В соответствующей фразе ОЕЛ, ее Титовского вида, ГР СЛС имя царя, со смертью которого государство на Ишиме перестало существовать, не названо, однако явно подразумевается Мамет; о нем прямо сказано в Забелинской редакции созданной в 1636 г. летописи. В Лихачевской редакции той же «Повести...» читаем, что Ишимское царство «пресечется» с основанием (в ознаменование победы Мамета над Упаком) города Сибири, а в трех поздних редакциях СЛС говорится о «разрушении» Маметом этого царства (47, 81, 108, 118–119, 179, 236, 303–304, 357). Чингис являлся современником Тайбуги, которому, судя по свидетельствам Есипова и многих редакторов его «истории», Мамет доводился праправнуком. Недаром в главе ПЛ «О Сибири, чесо ради Сибирь та вся страна наречется» вновь упоминается про Мамета «Адерова сына» (129, 130). К тому же, в интересующем нас сообщении по большинству летописей, созданных на востоке России в XVII в., Мамет называется царем, а не князем, как следом. Утверждать, будто Есипов или его предшественник из-за невнимательности объединил Мамета и ишимского царя Чингиса, о котором речь шла ранее,⁷⁰ явно не приходится. Кстати, возможно, переписчиком, а не автором ПЛ основатель Пелыма князь Петр Горчаков именуется Федором (136).

Среди городов и острогов «Сибирской страны» в ПЛ перечислены Верхотурье, Тюмень,⁷¹ Тобольск, Тара, Пелым, Туринск (Епанчин) (129–131, 136). По наблюдениям Е. К. Ромодановской и Р. Г. Скрынникова, летописцем не названы Березов и Сургут («срубленные» ранее Тары), Обдорский, Нарымский и Мангазейский остроги, Томск,

⁷⁰ Шашков А. Т. Погодинский летописец... С. 124.

⁷¹ В ПЛ, подобно Титовскому виду ОЕЛ, Бузуновскому летописцу и «Описанию о поставлении городов и острогов...», составляющему вторую часть СЛС, начиная с его ГР, да и в «разрядах», сказано об основании Тюмени в 7094 г. (88, 136, 189, 258, 315, 345, 365; СЛ. С. 303, и др.; см. также: Тихомиров М. Н. Русское летописание. С. 231; Разрядная книга 1475–1605 гг. Т. 3. Ч. 2. М., 1987. С. 75), тогда как в ОЕЛ и РЕЛ, других редакциях «Повести...» Есипова, двух ранних редакциях указанного свода, ремезовской «Истории» строительство острога на Туре воеводами В. Сукиным и И. Мясным приурочено к 7093 г. (35, 40–41, 65, 115, 126, 138, 189. Примеч. 34; 252, 312, 368; ПЛДР. XVII век. Кн. 2. С. 566). (Исключением служит ОЕЛ по списку Спасского, где назван 7092 г., см.: 65. Примеч. 28). Видимо, о возведении укреплений Тюмени в 1585/86 г. создателю ПЛ и некоторым другим сибирским книжникам было известно или благодаря несохранившемуся списку «сложения» Есипова, даже нескольким рукописям этого сочинения, или, что менее вероятно, из какого-то документального источника. Кстати, в ПЛ подобно СЛС, включая РЕЛ, приведено отчество воеводы Василия Сукина (Борисович), отсутствующее у Есипова, хотя оно названо в КО (65, 74, 136, 138, 186, 189, 252, 258, и др.). У создателя «Повести летописной...» предположительно имелся список ОЕЛ с таким чтением.

основанный осенью 1604 г.⁷² Е. К. Ромодановская объяснила это умолчание тем, что анализируемое сочинение написано не позднее самого начала XVII в., то есть значительно раньше ОЕЛ. Р. Г. Скрынникову же думалось, что упоминания в ПЛ первых крепостей, сооруженных русскими служилыми либо также даточными людьми за Уралом, носят случайный характер. Быть может, однако, летописец не сообщил о ряде сибирских городов и острогов, поскольку места, где были возведены эти «грады», оказались в стороне от маршрута «дружины» Ермака, или же создатель «особой редакции» повести «О Сибири и о сибирском взятии»⁷³ не был (по служебным делам) в Северном Приобье, бассейнах Таза и Томи.

---

⁷² Ромодановская Е. К. Погодинский летописец... С. 32, 33, 54; Скрынников Р. Г. Сибирская экспедиция Ермака. С. 57. В ПЛ не сказано также о «срубленных» в первые годы XVII в. Кетском (Кунгопском) и Куяцком (просуществовавшем очень недолго) острогах. Известно, что Черкас Александров осенью 1595 г. с отрядом тобольских служилых людей подоспел на помощь гарнизону Березова, осажденному «иноземцами». Два года спустя Черкас, видимо, с сотней татар участвовал в походе из Сургута в Пегую орду, — походе, во время которого был заложен Нарымский острог (Тобольский архиерейский дом в XVII веке. С. 183; Вершинин Е. В., Пашков А. Т. Участие служилых остяков Кодского княжества в военных походах... С. 15, 18, и др.). Эти факты опять-таки противоречат атрибуции ПЛ, предложенной Е. К. Ромодановской и А. Т. Пашковым.

⁷³ Такая оценка ПЛ (Скрынников Р. Г. 1) Ранние сибирские летописи. С. 96, 97; 2) Сибирская экспедиция Ермака. С. 39–42; ОРЛС. Т. 1. С. 80–82; ЛС. С. 271, и др.) представляется наиболее оправданной. А. С. Зуев и В. А. Слугина писали об этом в предположительной форме. См.: Зуев А., Слугина В. Летописные известия о шертовании сибирских народов... С. 32. Ср.: С. 31. Примеч. 2.

На возникновение ОЕЛ ранее «Повести летописной...» указывает, в частности, то обстоятельство, что в первой из них вопреки названию главы «о создании» Тобольска не рассказывается «о поставлении церкви», зато в ПЛ, как и в некоторых других редакциях самой популярной сибирской летописи, говорится про строительство храма «во имя пресвятыя живоначалныя Троицы» (43, 65–66, 115, 136, 186, 252, 312, 365. Ср.: 139, 190, 259, 315, 345, 368). О появлении ПЛ вслед за ОЕЛ может свидетельствовать и то, что если в последней сказано об отступлении И. Мансурова от «уреченного места» на берегу Иртыша, когда воевода увидел множество «поганных и слыша, яко казаки побегоша из града», то в «Повести летописной...» названа еще одна причина, по которой Мансуров «не приста ко берегу»: «град Сибирь пуст». Ранее же и архиерейский дьяк, и редактор есиповского «сложения» упомянули о занятии этого города вначале Алеем, потом Сейдяком (64, 135). Вспомним также, что в ПЛ, подобно нескольким спискам и разновидностям ОЕЛ, нет С (см.: 35, 41, 70. Примеч. XXXIII, 1 — XXXV, 24; 97, 187. Примеч. 42), да и рассказа о его составлении. Вторичность ПЛ относительно ОЕЛ обнаруживается также по ряду вставок, причем неудачных. Так, вслед за сообщением о том, что «царь же Кучюм царствова в Сибири лет довольно», повторяющем строки сочинения Саввы Есипова, читаем: «и дани и оброки со многих людей иноязычных имяше. И по сем царь Кучюм посла сына своего Алея с ратью воевать в Чюсовую ... А за год до того времени ... пелымской князь Аплыгарым, воевал своими татари Пермь Великую».

Свидетельство ПЛ о гибели у Абалака 5 декабря 1580 г. отправившихся «к рыбной ловле» есаула Богдана Брязги «с товарищи» находит подтверждение в раннем С, где вдобавок названы и убитые «на том деле» Окул и Иван Карчига, и в П. В последнем, который можно сблизить с Н, в число погибших на Абалацком озере включены также Сергей, Иван, Андрей и Тимофей, представленные в упомянутом С убитыми в тот же день в бою «с нечестивыми под Оболаком», последовавшем, как читаем в ОЕЛ и ПЛ, за истреблением «почивших без стражи» ермаковцев. В С, часто признающемся первоначальным, даже подлинником, известие об этом сражении разделяет записи о битве 26 октября 1580 г. «под Чювашею», где погибли Окол, Иван Карчига и Богдан Брязга «с их дружиною», и умерщвлении, оказывается, их же возле Абалака полтора месяца спустя (56–57, 78, 132, 380).⁷⁴ Возможно, в протографе данного С умалчивалось об убитых «в первом бое», о них решил сообщить редактор «помянника», не зная, однако, кому именно из казаков суждено было пасть в «подчювашской брани». В таком случае не приходится считать,

---

Далее, как и у Есипова, сказано: «в лето ж повеленья гос[подня] (в рукописи ошибочно указано «государя». — Я. С.), в не же бог восхоте царство его разрушити и дати православным крестьяном» (48, 130). Того же лета (7094, когда была основана Тюмень. — Я. С.), — по свидетельству редактора ОЕЛ, — пришел государев воевода князь Федор (в действительности, повторим, Петр. — Я. С.) и пелымского князя Аплыгарыма, призвав в город, поймал» (136). Вопреки мнению Д. Я. Резуна, считавшего это свидетельство достоверным (Резун Д. Я. Куда и с кем ушли казаки после гибели Ермака? // Известия Сибирского отделения АН СССР. Серия общественных наук. 1981. № 11. Вып. 3. С. 19), П. И. Горчаков впервые оказался в Сибири семь лет спустя, в 1593 г. Возможно, о набеge Аблегирима на Пермь Великую и его «поимании» воеводой, заложившим Пелым, упоминалось в одном из документальных источников ПЛ. Попутно отметим, что в названном летописце говорится про Саук(ъ)сан, как в трех списках ОЕЛ (62. Примеч. 6, 30, 67; 134; см. также: 40. Примеч. н), в большинстве же рукописей, сохранивших ее текст, читаем «Саускан». Правильным является последнее наименование этого места близ Искера, где, осаждая занятый казаками город, обосновался Карача. См.: Миллер Г. Ф. История Сибири. Т. 1. С. 230, 480; ПЛДР. XVII век. Кн. 2. С. 552, 559; Алишина Х. Ч. Дастан «Идегей» как источник этнолингвистической информации (к 75-летию Ф. В. Ахметовой-Урманче) // Сулеймановские чтения (тринадцатые). Всероссийская научно-практическая конференция «Тюркское средневековье Западной Сибири в современных исследованиях» (Тюмень, 18–19 мая 2010 года): Материалы и доклады. Тюмень, 2010. С. 155; Алишина Х. Ч., Калгаманова З. М. Народная этимология, отраженная в топонимических легендах и преданиях сибирских татар // Присоединение Сибири к России: новые данные. Материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием: Тюмень, 9–10 декабря 2014 г. Тюмень, 2014. С. 52.

⁷⁴ В С, кстати, в отличие от ОЕЛ и ПЛ, не говорится о том, что близ Абалака на заснувших казаков напал Маметкул, возглавлявший отряды Кучума и ранее. Быть может, Есипову или его предшественнику об этом стало известно по Н.

что ко времени создания С «даже участники похода ... путались в указаниях на то, где и когда погиб тот или иной их соратник».⁷⁵ «Слогателю» открытого Е. К. Ромодановской С могло казаться, что в сражении 26 октября (по ОЕЛ, оно состоялось тремя днями прежде) Ермак и его «товарство» избежали потерь (тогда, о чем сказано и в заключительной главе «истории» Есипова, «жнуще православное воинство нечестивых, яко класы»;⁷⁶ в миллеровском перечне атаманов и казаков о битве близ Чувашева мыса вообще не говорится).

Таким образом, ПЛ есть веские основания атрибутировать тоболяку, скорее всего служилому человеку, побывавшему в Москве, где он (вероятно, в каком-то приказе — Посольском, Казанском или Сибирском) сумел раздобыть уникальные материалы, отразившие перипетии экспедиций «ермаковых казаков», а также направленных им на помощь отрядов воевод С. Д. Болховского и И. А. Мансурова.

---

⁷⁵ Ромодановская Е. К. Сибирь и литература: XVII век. Новосибирск, 2002. С. 57, 191; ЛП. С. 356. Ср.: Скрынников Р. Г. Ранние сибирские летописи. С. 84–85, и др.

⁷⁶ Это выражение представляет собой стилистический штамп (см., например: Временник Ивана Тимофеева. М.; Л., 1951. С. 85, 126. Ср.: С. 62, 152; Ромодановская Е. К. Материалы по стилистике сибирской литературы первой половины XVII в. // Вопросы русской и советской литературы Сибири. Материалы к «Истории русской литературы Сибири». Новосибирск, 1971. С. 21, 32; ПЛДР. XVII век. Кн. 1. М., 1988. С. 176; Соболева Л. С. «Государев атаман» Ермак Тимофеевич: векторы идеализации // Общественная мысль и традиции русской духовной культуры в исторических и литературных памятниках XVI–XX вв. Новосибирск, 2005. С. 304). В есиповском «Сказании» по ряду списков и нескольких поздних разновидностях этой летописи находим фразу «яко меч(ь) обоюду остр ... пожиная» (50. Примеч. 99; 60, 82, 109, 112, 124, 238. Примеч. 62. Ср.: 71. Примеч. 100 — XXXIV, 4).

На взгляд Р. Г. Скрынникова, в решающем сражении под Кашлыком (Искером) никто из ермаковцев не погиб (Скрынников Р. Г. Сибирская экспедиция Ермака. С. 218, и др.), что кажется нам сомнительным.

С. Н. Кистерев

НАД СТРАНИЦАМИ С «НЕУТИЛИТАРНЫМ» ТЕКСТОМ

Совсем недавно из печати вышел сборник статей, отражающий материалы проходившей еще в 2013 г. конференции, посвященной 900-летию знаменитейшего летописного памятника «Повесть временных лет». Хотя прошло немало времени с момента произнесения докладов, принявших теперь завершенную форму, можно лишь порадоваться, что все сказанное не осталось только в памяти самих участников научного заседания, но стало доступным тем, кто не удостоился чести на нем присутствовать.

Открывая сборник, читатель первым делом видит краткие заметки, заменяющие, судя по названию, предисловие к книге. Оно, к сожалению, осталось неподписанным, но можно догадываться, не рискуя ошибиться, что принадлежит составителям сборника, коими на титульном листе названы Ю. В. Кривошеев и Н. В. Штыков. С подобающей такому случаю степенью подробности авторы замены предисловия постарались представить содержание публикуемых в сборнике статей, в частности, заметив, что среди прочих «сложные историко-культурные коллизии филигранно разбираются в текстах Т. Л. Вилкул, И. А. Гагина и В. В. Долгова».¹ Естественно, что для всякого, склонного придавать историко-культурной тематике особое значение, такая характеристика перечисленных работ не может не привлечь к себе внимания, заставляя обратиться к самим статьям, и в первую очередь, благодаря присутствию в ее названии специфической терминологии, — к подписанной В. В. Долговым.² Чтение же работы,

---

¹ Мир «Повести временных лет» (вместо предисловия) // «Повесть временных лет»: к 900-летию создания. Сборник научных статей. СПб., 2018. С. 5.

² Долгов В. В. Проблема функционального назначения текстов в древнерусской культуре XI–XVII вв.: неутилитарные тексты, «тексты не для чтения» // «Повесть

сопровожаемое в меру способностей читающего восприятием и пониманием содержания, приводит к осознанной необходимости сопоставить декларируемое в названии с высказанным в тексте, создать собственное представление и поделиться им с заинтересованными далекими и близкими.

Наименование же статьи В. В. Долгова заранее принуждает расценивать нижеследующее в ней как посвященное отнюдь не всем и не всяким встречающимся в русской книжности XI–XVII веков текстам, но лишь тем из них, кои, в мнении В. В. Долгова, не имели никакого утилитарного значения, причем не для достижения каких-то специфических целей, а в самом широком, буквальном смысле, допускаемом употребленным выражением, или и вовсе не предназначались для чтения.

Уже в первом абзаце автор статьи подчеркивает, что с развитием письменности, возникшей в качестве средства хранения и передачи информации, «тексты стали выполнять сакральные, ритуальные и символические функции» (С. 136). При этом, правда, не поясняется, следует ли в зависимости от названных функций те или иные из них относить к разряду неутилитарных или даже «не для чтения». Некоторую ясность, видимо, призван внести следующий абзац, завершающийся утверждением, будто «исключительно утилитарными следует признать, пожалуй, только берестяные грамоты, подписи, фиксирующие собственность, торговые расписки и договоры. В остальном, так или иначе, важно было не только содержание текста, но и само его наличие» (С. 136). Конечно, трудно себе представить значимость содержания при отсутствии заключающего его текста, хотя бы в случае торговых договора или расписки, но допустим в данном случае просто неудачное выражение серьезной мысли. Иное дело, что столь же непонятным выглядит и сделанное применительно к некоторым текстам уточнение «исключительно», ибо допускает для оставшихся неназванными все-таки некоторую долю утилитарности, что должно лишать смысла сам применяемый термин «неутилитарные». Наконец, процитированное место не может не вызвать вопроса, все ли «исключительно утилитарные» тексты перечислены автором статьи или остались еще некоторые, которые можно было бы отнести к той же категории. Оговорка «только» в данном случае не помогает, поскольку тут же память указывает на спровоцировавшую своим юбилеем созыв конференции «Повесть временных лет», текст которой не признать утилитарным, то есть рассчитанным хотя бы на простое чтение, невозможно.

Видимо, относительно летописей у В. В. Долгова вопроса не возникло, а самую очевидную категорию не предназначенных ни для хранения, ни для передачи информации текстов он усмотрел в оставленных переписчиками книг маргиналиях, выбранных им из комплекса, опубликованного Л. В. Столяровой.³ Речь идет о маргиналиях, отражающих состояние писца (вроде «похмельнъ есмъ»), его обращение за помощью к высшим силам («О, господи, помози, о, господи, посмеши...»), пожелания («Сести ужинать клюкования съ саломъ съ рыбъимъ») и тому подобные. Справедливо отметив, что такие записи не имели конкретного адресата, не носят характера дневниковых, В. В. Долгов заключает: «Это просто была возможность высказать „в пустоту“ насущную эмоцию, добиться тем самым некоего эмоционального облегчения». При этом, по мнению автора, сами записи такого рода не обладали и широкой аудиторией (С. 137). Разумеется, они не преследовали цель сохранить и донести до кого-то какие-либо сведения (отдаленные потомки, к примеру, анализирующие их исследователи, включая В. В. Долгова, не в счет), но разве уже в факте их появления на полях рукописи ради выплеска эмоций нельзя усматривать определенную утилитарность, коль написание нескольких слов приносило некую облегченность? Правда, польза при этом предполагается для самого пишущего и не связана с сакральной, ритуальной или символической функциями текста маргиналии.

Оговоримся, что совершенно отдельным вопросом является причина терпимости к таким записям, проявляемая сторонними приобретателями и пользователями вышедших из-под пера автора маргиналий книг. Можно пока лишь догадываться, но необходимо стремиться понять, то ли они старались не замечать их и не расценивать в качестве портящих внешний вид приобретенного изделия, то ли им доставляло удовольствие прочитывать между делом не касающиеся основного текста ремарки. Обладал ли писец достаточной смелостью использовать чистые поля заказанной ему книги для собственных заметок или она писалась им без расчета немедленно передать ее в чужие руки? А может быть, записи иной раз, содержа определенные жалобы, были призваны засвидетельствовать трудность работы писца, что называется, «набить цену», в переносном или самом прямом смы-

---

³ *Столярова Л. В.* Свод записей писцов, художников и переплетчиков древнерусских пергаменных кодексов XI–XIV вв. М., 2000. Следует заметить, что к использованию работы Л. В. Столяровой нужно относиться осторожно, учитывая многочисленные замечания, высказанные в ее адрес рецензентами: *Кистерев С. Н.* О «Своде» записей на древнейших русских манускриптах // ОФР. Вып. 5. М., 2001. С. 204–212; *Мошкова Л. В., Турилов А. А.* «Плоды ливанского кедра». М., 2003.

сле, результату его труда? В последнем случае маргиналии опять-таки приобретали бы вполне утилитарный характер.

Однако вернемся к статье В. В. Долгова, который примыкающими к ранее приведенным считает читающиеся в виде маргиналий молитвенные обращения к небесному владыке, как бы мимоходом не заметив, что одно из таких обращений уже процитировал ранее. В ту же группу текстов оказались отнесены и граффити, обретающиеся на церковных стенах, например, Софийских соборов в Киеве и Новгороде (С. 137–138). По поводу всех их автор пишет: «Понятно, что молитвенные и заклинательные тексты для чтения людьми не предназначены. Они писались для того, чтобы просто быть и служить материальным воплощением связи с высшими силами» (С. 138). Позвольте, можно спросить в этом месте, если тексты должны были «служить», не означает ли это, что их функция не сводилась к простому существованию? Связь с потусторонним миром для человека Средневековья, как утверждают многие исследователи, была не менее важна, нежели отношения с окружающими его людьми. Можно ли в таком случае отрицать, что надписания такого рода приобретали именно сакральную функцию? Кажется, нет. Молитва, будь она написана или произнесена вслух, остается молитвой, средством доведения до адресата, пусть и весьма специфического, но вполне реального в мнении молящегося, его просьб и жалоб. Она была средством общения, какой бы краткий вид ни имела и в какой бы форме ни возникала. Следовательно, выраженная в виде записи на полях книги или на стене храма молитва обретала именно утилитарный характер. Будь она даже нацарапана форменным (подлинный такими глупостями заниматься не станет) атеистом в шутку, ее утилитарность сохранялась бы. Наконец, пока остается неясным, не было ли нанесение надписей с обращением к богу на церковной стене проявлением показной перед рядом стоящими набожности, что тоже полностью исключать нельзя. Не мог же в самом деле молящийся полагать, что божество, которому, вероятно, достаточно и мольбы в помыслах, снизойдет свыше, дабы ознакомиться с его творчеством.

Далее В. В. Долгов обращается к надписям на предметах, первым из коих оказывается крест Ефросиньи Полоцкой, которая руками изготовивших его мастеров не только указала стоимость изделия, но и написала заклетье для покушающихся в будущем на дорогую реликвию. По поводу читавшейся на кресте записи автор статьи пришел к выводу: «...Поскольку сложно предполагать, что возможный вор будет, совершая кражу, вчитываться в надписи, то, вероятно, мистическая функция данного текста является основной, хотя и не единственной» (С. 139). Какая хотя бы одна, помимо мистической, функция подразумевается в данном случае, догадаться трудно, но и

сказанного достаточно, чтобы не согласиться с приведенным мнением. Конечно, читать текст в момент совершения кражи любого предмета несколько затруднительно, но ничто не мешает иногда ознакомиться с ним, присматриваясь к вожделенному объекту, уяснить опасность задуманного предприятия и отказаться от его исполнения. Равным образом, даже украв вещь и избежав очевидного преследования за совершенное, можно уделить внимание надписи, под воздействием прочитанного образумиться и вернуть похищенное, может быть, публично покаявшись в проступке. В любом из двух вариантов надпись на предмете исполнит роль оберега от воров, то есть окажется вполне утилитарной по своему характеру. А прежде всего, дабы возыметь действие, та же надпись выступит в роли текста, изначально предназначенного для чтения, пусть даже и не совсем добропорядочными чтецами. И на приведенном примере вынесенное в заглавие статьи определение текстов как неутилитарных и «не для чтения» себя не оправдывает.

Разобравшись, как ему кажется, с обычными надписями на книгах и иных материальных предметах, В. В. Долгов обращается к тем из них, которые предстают перед глазами зрителя, будучи написаны вязью, и утверждает: «Традиционно считается, что основная цель написания текста вязью — эстетическая. С этим невозможно спорить. Однако нужно иметь в виду, что существует немало эстетически совершенных стилей графики букв, не затрудняющих процесс чтения. В случае же с вязью мы имеем дело с графикой, трудной для чтения, из чего можно заключить, что в текстах, написанных вязью, утилитарная функция не является определяющей» (С. 139). Степень трудности чтения вязи специфична для каждого конкретного чтеца, и понять писаное ею для иных не более сложно, чем приказную скоропись документов XVII в. По этой причине признать приведенный автором аргумент решающим нельзя. В истории иных стран случилось, что на некоем ее этапе типографы возвращались к непривычной уже для читателя готике, будто нарочно затрудняя чтение печатаемых текстов, но сами тексты не утрачивали из-за этого своего утилитарного характера и не превращались в то, что рассматривалось бы как «не для чтения». Стоит обратить внимание, что в рассуждении о вязи В. В. Долгов обращается исключительно к надписям на предметах, как бы ненароком забывая о четких рукописях, в которых заглавия отдельных текстов нанесены с использованием той же вязи. Кажется, трудно утверждать, что предполагалось чтение только основного текста, тогда как его заглавие утрачивало утилитарную функцию, а пользователь книги мог спокойно его пропустить, не утруждая себя применением навыка восприятия замысловатой вязи. Отрицание утилитарности заглавия предназначенного для чтения текста

выглядело бы в древности и выглядит теперь, как минимум, странно. Однако и палеографическая оценка стиля письма на Ивановской колокольне как вязи может быть принята с большой натяжкой, поскольку начертания выполнены с художественным изяществом, но большей частью раздельно для каждой графемы. Видимо, автор использованного мастерами эскиза предполагал, что его современники и потомки окажутся способными прочитав увиденное, и не старался создать искусственное препятствие на их пути к познанию. Впрочем, относительно способностей некоторых из них он явно заблуждался, если учитывать многочисленные искажения текста оригинала, допущенные В. В. Долговым при цитировании, удивительным образом совпадающие с наблюдаемыми и в рассчитанном на внимание массы туристов буклете Е. А. Филипповой (М., 1993).⁴

Приводя примеры с надписями на рогатине тверского князя или на колокольне Ивана Великого, В. В. Долгов в первом случае допускает эстетическую и мемориальную функции текста, а во втором приписывает его творцам стремление придать надписи ореол сакральности (С. 139–140). Однако мемориальный характер, не исключаящийся для обоих текстов, сам по себе будучи утилитарным, предполагает и возможность прочтения написанного, что, в любом случае, в мнении творца и в действии чтеца предшествует оценке его как мемориального и сакрального. Да и саму сакральность во втором случае трудно допустить, учитывая, что надпись содержит указание времени и авторов идеи сооружения вполне рукотворного памятника, хотя и увенчанного христианским символом, но своею главою вознесшегося выше икон и фресок находящихся рядом соборов. Можно усмотреть выражение граничащей с гордыней гордости, но никак не христианского смирения и самоуничижения перед упомянутой в надписи Троицей.

Не будем особенно останавливаться на суждении В. В. Долгова о функции иноязычных надписей на русских монетах, чеканенных в «ордынский период» истории. Невозможность адекватного прочтения их отмечена нумизматами задолго до беседы автора статьи с консультировавшим его С. Мурашевым, на справедливое суждение которого Долгов опирается, не утруждая себя разысканиями в обширной литературе. Однако вызывает недоумение заключение, делаемое Долговым по поводу рассматриваемых им особенностей монетного чекана.

---

⁴ На примере одного такого искажения можно только порадоваться за В. В. Долгова, не вынужденного жить в XVII в. В противном случае судьба его была бы незавидна, ибо хорошо известно, как наказывались ошибки в воспроизведении титулов государей, пусть даже и царевичей. Уже за это он заслужил бы кнут без утешительного пряника.

«Таким образом, — пишет автор, — этот текст не был организованным набором символов, но сам как целое выступал в качестве символа» (С. 140). Впрочем, дело именно в том, что, не являясь организованным набором символов, начертание на монете не стало текстом, почему рассматривать его в качестве такового недопустимо, что вовсе не отменяет опять-таки утилитарного предназначения этого «набора», как и любого иного символа.

Покончив с эпиграфическими мелочами, В. В. Долгов переходит к более крупным текстам, для начала обращая свой взгляд на использовавшиеся при богослужении книги. «И даже в том случае, — читаем в статье, — если священнослужитель наизусть помнит произносимый текст, он все равно „читает“ его по книге. Так, Евангелие выносят и для того, чтобы его целовать. Книга в церкви нужна была „не столько для чтения, сколько для почитания“» (С. 140–141). Сложно понять, употребление глагола в первом случае в кавычках означает ли, в мнении автора пассажа, что священнослужитель лишь имитирует процесс чтения, некоторым образом притворяется. Столь же трудно уяснить, является ли для В. В. Долгова тайной существование разных видов книги, именуемой им Евангелием, один из которых специально адаптирован для церковных служб, как и некоторые иные произведения христианской литературы, используемые в церковном обиходе. И все ли книги, по мнению автора статьи, изо дня в день читаемые служителями, обязательно являются предметом почитания, а коли так, то чем объяснить наблюдающееся иногда крайне небрежное, обусловленное необходимостью использования по прямому назначению к ним отношение? Следует ли полностью для обозначенного в названии работы хронологического периода исключить возможность выполнения раскрытой и перелистываемой книгой с давно усвоенным текстом роли своеобразного суфлера?

Не задержавшись на богослужебных книгах, В. В. Долгов переходит к рукописям, заключающим в себе памятники права как византийского, так и русского происхождения.

Относительно первых из них автор статьи стремится опереться на суждение В. М. Живова, полагавшего, в изложении В. В. Долгова, что византийские тексты «переписывались, в отличие от норм русского права, не для использования в узкоутилитарном смысле — в процессе судопроизводства, а по причине того, что были элементом сакральной византийской традиции» (С. 141). В. В. Долгов даже вступает в своеобразную полемику с В. А. Роговым и В. В. Роговым, подвергавшими сомнению справедливость мнения В. М. Живова и задававшими вопросом об использовании на Руси Кормчих. Отметив, что в работе самих полемистов ему не удалось обнаружить следы знакомства с византийскими текстами, В. В. Долгов полагает возмож-

ным более не обращать внимание на оставшийся тем самым без ответа вопрос, апеллируя к мнению М. И. Бенеманского о неиспользовании в русской судебной практике Прохирона (С. 142), забывая об оговорке В. М. Живова именно об «узкоутилитарном» смысле и делая вид, что ему неизвестны предписания, хотя бы XVII в., о суде в соответствии с нормами «Закона градского». Столь же усердно В. В. Долгов старается продемонстрировать свою неосведомленность об использовании в церковном судопроизводстве по соответствующим делам прописанных в Кормчих норм семейного права, ссылаясь на то, что для Руси чужды были византийские брачные традиции и имущественные отношения (С. 142). Более того, теперь от собственного имени он настаивает: «Тексты, происходящие из византийской книжной традиции, приобретали на Руси сакральный ореол и выстраивались в своеобразный „пантеон“, необходимый, прежде всего, для нужд духовных, для почитания, а не для реального использования, даже если в породившей их среде они и выполняли вполне утилитарные функции» (С. 143). Следовательно, в мнении автора, русская церковь не использовала в своей практике каноны, провозглашенные вселенскими и поместными соборами, обустроивала себя как бог на душу положит, а та же полемика с греками по поводу возможности самостоятельного поставления собственного предстоятеля, верховного иерарха в ранге митрополита, будто бы не опиралась на содержащиеся в Кормчих нормы, родившиеся далеко за пределами Руси, но умело подвергавшиеся здесь толкованиям в потребном смысле. Тогда что означают употребленные в процитированном месте слова «прежде всего», самим своим присутствием подразумевающие еще какую-то необозначенную необходимость? Одну из удовлетворяемых такими текстами потребностей осмелимся назвать. Кому-то это может показаться странным, не исключено, что даже некоторым, призванным сеять разумное, доброе и вечное в стенах так называемой «высшей школы», но людям иногда свойственно проявлять любопытство, стремление к расширению собственного кругозора, наконец, просто к знанию даже при том условии, что это не обещает им очевидного карьерного успеха или не обязательно связанного с последним материального благополучия. Кажется, это наилучший способ утилитарного употребления книг, даже если они и не содержат ожидаемой от них мудрости. Сохранившиеся рукописи содержат иной раз целые подборки разнотематических выписок из Кормчей, более или менее полные тексты отдельных византийских памятников, к примеру, «Земледельческого закона», труд переписки которых часто не находит иного оправдания, кроме желания владельца манускрипта познакомиться с неведомым и узнать доселе неизвестное. Следы же производимых писцами сознательных сокращений позволяют отвергнуть

версию об их отношении к воспроизводимым текстам как к чему-то сакральному, предназначенному для создания некоего пантеона, образ которого появляется, видимо, лишь в головах ангажированных историков.

Сразу далее В. В. Долгов предрекает, что «современным историкам-юристам еще предстоит освоиться с мыслью, что не все древнерусские тексты, содержащие законы, писались для того, чтобы их использовать в процессе судопроизводства» (С. 142–143). Естественно, что первой в этом ряду оказывается Русская Правда, для которой как действующего закона в русской действительности в изложении Долгова не находится места. «„Малописьменный“ характер древнерусского общества, — заявляет он, — и все, что нам известно о реальном судопроизводстве в XI–XIV вв. (произвол княжеских слуг и тиунов), заставляет думать, что и Русская Правда как писанный свод была создана не для целей непосредственного использования в судебном процессе (право все еще не нуждалось в письменной фиксации), а как русский аналог знаковых византийских „законных“ текстов. ... Создание письменного свода следует рассматривать как составную часть духовной и идеологической работы по формированию образа Руси как великой православной державы, поскольку наличие писаного закона было важным элементом образа христианского государства» (С. 143). Попробуем разобраться со всем по порядку.

Является ли эпитет «малописьменный» применимым только для некоего хронологического отрезка в истории Руси или потенциально относится к таким же эпохам в истории иных европейских государств, где схожим образом появлялись изложенные на письме собрания юридических норм? «Малописьменность» присуща многим синхронным Древней Руси обществам, и в первую очередь, тем, которые преимущественно использовали чуждое для основной массы населения наречие, коей являлась латынь. В этом смысле более верным было бы говорить о «малочитаемости», ибо количество написанного прямо не влияет на объем прочитанного. После открытия и изучения содержания постоянно пополняющегося фонда берестяных грамот, за которыми, напомним, В. В. Долгов признает право числиться «исключительно утилитарными», само понятие «малописьменность» выглядит трудно применимым к отдельным регионам Древней и не очень древней Руси, а тем более — к социальным слоям. Следовательно, эта черта характера древнерусского общества, если она даже имела место в действительности, не при чем.

Может быть, В. В. Долгов обладает каким-то особым знанием о реальном судопроизводстве, но думается, что произвол княжеских слуг и, отдельно, тиунов (будто они к княжеской челяди не имели отношения!) не может свидетельствовать в пользу права отрицать прак-

тическое значение какого-либо кодекса. Окажись В. В. Долгов прав, ровно то же самое можно было бы сказать о любом обществе, в котором чиновники и судьи допускают своеволие.

Совершенно непонятно, на каком основании автор статьи берется утверждать, что местное право эпохи сложения Русской Правды не нуждалось в письменной фиксации. Поскольку в данном случае, как и во всех прочих, в статье отсутствуют какие-либо ссылки на имеющиеся соответствующие исследования, пусть даже самого В. В. Долгова, то читатель вправе требовать доказательств возглашаемого тезиса, но тщетно будет искать его в рассматриваемой работе. Ее автор обошел молчанием княжеские установления о сфере церковного суда, о правилах сбора церковной же десятины, как не упомянул трудов коллег, усматривавших, пусть спорную, возможность использования византийского законодательства — той же Эклоги — в первое после принятия новой веры десятилетие. Последний пример демонстрирует, что старое правило «не опровергнув чужое ошибочное, нельзя свое провозглашать истинным» ему остается неизвестным или принимается за необязательное.

В статье никак не рассматривается возможность существования отдельных зафиксированных на письме норм, сводимых по мере надобности в единые кодексы, хотя в той же Русской Правде содержатся указания на изменения законов, производившиеся некоторыми князьями, а часть из них предстает в виде целого выработанного устава.

Не дает В. В. Долгов каких-либо пояснений причин, по которым уже существующий и, по его мнению, исполняющий лишь представительскую функцию законодательный свод, именуемый в научном обиходе Древнейшей Правдой, способный и без дополнений формировать образ христианского государства, со временем видоизменяется, приобретая все более сложный характер. Можно допустить проявляемую автором неосведомленность во всех этих вопросах, но более вероятным видится иное — упорное следование заранее избранной идее, ценной самой по себе и не требующей, в мнении ее сторонника, никаких доказательств в свою пользу.

Устремления В. В. Долгова распространяются далее в хронологии, и уже Судебник Ивана III, оказывается, «мог быть нужен для того, чтобы просто *быть*. Выполнять функцию сакрального символа законности и, в лучшем случае, являться материалом для назидательного чтения» (С. 143). Невозможно устоять перед искушением усмотреть в данном случае элементарное незнание В. В. Долговым работ предшественников, отметивших использование Великокняжеского судейника в реальном судопроизводстве. Эти примеры известны желающим разобраться в существе вопроса, а сделанные выводы не нуждаются в дополнительных доказательствах. В них испытывает крайнюю

потребность декларация самого В. В. Долгова, но он их не приводит, может быть, полагая это излишним, на самом деле — за их отсутствием в его распоряжении. Попутно заметим, что именно в этом месте статьи единственный раз как бы подразумевается совершенно не-утилитарный характер определенного текста, участь которого — просто существовать, тогда как для всех других допускалось хотя бы какое-то употребление. Впрочем, и здесь сказано о его сакральной роли, то есть применении в качестве символа, почему о неутилитарности снова говорить не приходится.

Неожиданным является читающееся далее очередное рассуждение: «...Нужно понимать, что цель написания текста может весьма существенно отличаться от той функциональной нагрузки, которую текст будет нести на протяжении всей истории своего существования. Так, текст Русской Правды ... на протяжении столетий использовался в совершенно ином качестве. Текст входил в состав правовых сборников, подобных „Мери́лу праведному“, которые были популярны вплоть до XVI в., когда действовали уже совершенно иные нормы закона» (С. 143–144). А поскольку в рассмотренной В. В. Долговым не названной, но, видимо, достаточно древней рукописи следов пристального внимания к Правде им не наблюдается, что, в свою очередь, будто бы характеризует Мери́ло как исключительно четий сборник, то, значит, и в практической деятельности та же Правда не употреблялась (С. 144). Мысль, что эта особенность может быть присуща собственно Мери́лу как типу сборника, как своеобразной хрестоматии, составленной из правовых памятников, снабженных необходимыми комментариями и сопутствующими полезными материалами из Библии и прочего, В. В. Долгову чужда. Не посещает его, по какой-то причине, и воспоминание о существовании иного вида сборника юридических текстов, именно — об относящемся к XIV в. и полностью опубликованном более полутора веков назад Пушкинском сборнике, ничуть не напоминающем Мери́ло и изрядно зачитанном.

Наконец, В. В. Долгов предлагает читателю учитывать обстоятельства, способствующие пониманию особенностей работы с правовыми текстами. Первым из таковых он полагает осуществление судопроизводства в условиях неграмотности подавляющего большинства населения и, в силу недоступности книг, отсутствия возможности проверить соответствие судебного решения писаному закону (С. 144). Видимо, писанный закон все-таки существовал, а право нуждалось в письменной же фиксации. Однако обнаруживается новая неясность: подразумевается ли в данном случае общая неграмотность населения или исключительно юридическая. Правда, учитывая то обстоятельство, что нормы, прописанные в Русской Правде или Судебнике

Ивана III, главным образом, содержали процессуальные нормы и указания на причитающиеся тем же судьям и их сотрудникам пошлины, стоило бы говорить о большей сравнительно с населением заинтересованности самих судопроизводителей в наличии в их распоряжении текстов законов. Это вовсе не означает, что всякий раз судья должен был таскать при себе их полный свод. Выезжая на место для рассмотрения конкретного дела, нетрудно было заранее усвоить те немногие статьи Правды или Судебника, которыми и предстояло руководствоваться. Закон, причем писанный, тем самым действовал, а потребности в объемной книге не ощущалось. Да и население не отличалось столь часто проявляемой В. В. Долговым забывчивостью, чтобы не удержать в памяти несложный набор налагаемых на обвиненного санкций.

Второе из указанных обстоятельств, приводимых В. В. Долговым, заключается в том, что судьями в отдаленную эпоху являлись князья да бояре или их тиуны, чью деятельность было невозможно ни проконтролировать, ни оспорить (С. 144). Однако бесконтрольность судей никак не характеризует функции самих законодательных памятников. Несколько далее автор статьи обращается к известному тексту, повествующему о застольной беседе тверского епископа Симеона с полоцким князем Константином о месте князя и его тиуна после постигшей обоих смерти. Тиун при этом описывается как неправый судья, мздоимец и мучитель. «Сложно предположить, — пишет Долгов, — чтобы княжеский тиун (фигура, видимо, типичная), подобный тому, что изображен в „Наказании“ Симеона, ... утруждал себя каким бы то ни было чтением. Дела решались в русле вольно трактуемого обычного права...» (С. 146). Хотелось бы поинтересоваться без надежды получить внятный ответ, какое отношение к обычному праву имели определенные в тех не прочитанных тиуном законах нормы взимания судебных и сопутствующих им пошлин, да и откуда такая уверенность в реальности этого никем должным образом не показанного обычного для русской действительности права, но не будем попусту тратить слова. У князя с епископом идет разговор о тиуне, нарушающем «правду», то есть закон, известный и князю, и епископу. Кто-нибудь один из названных все-таки с законом должен был ознакомиться, чтобы уметь судить о правомерности поступков обличенного судебными полномочиями тиуна. И, вероятно, излишне задавать вопрос В. В. Долгову: как обстояло дело, коль тиун оказывался «нетипичным» и старался судить право и «не по мзде»?

Третье обстоятельство, предусматриваемое В. В. Долговым, — обилие рукописей с текстами законов, «не имеющими большей частью утилитарного значения», заставляющее его «искать иные резоны их создания». Правда, таковые тут же и без труда находятся. «Конструк-

ция известных сборников, — читаем в статье, — показывает его (так! — К. С.) исключительно духовное, символическое, идеологическое и нравоучительное назначение. „Книга с законами“ воспринималась почти исключительно в символическом ключе. Писаный закон нужен был не столько для практической работы как таковой, сколько как материальное воплощение „духа правосудия“, как „священный предмет“» (С. 144–145). Ничего нового, но теперь можно заметить, что утилитарность должна проявляться хотя бы в использовании книги для нравоучительного чтения и в качестве наставления в идеологии. Показательна оговорка «почти», за которой, видимо, кроется признание некоторого значения «книги с законами» для юридической практики, что и подтверждается буквально в следующей фразе оговоркой «не столько». Кому демонстрировался «священный предмет», воплощавший известный, кажется, только самому автору высказывания «дух правосудия», остается непоясненным, как и возможность для князей и бояр рассматривать в качестве священного предмета текст, созданный ими самими, что засвидетельствовано хотя бы в той же Русской Правде.

Собственно сказанным и ограничивается все содержание напоминающей публичную лекцию статьи В. В. Долгова. «Позвольте, — снова воскликнет впавший в недоумение читатель, — а где же действительно неутилитарные и не предназначенные для чтения тексты, где обещанное составителями филигранное источниковедение?». Задаст вопрос и очень ошибется, если станет ожидать вразумительного ответа. Составители сборника, конечно, могли бы развести руками и признать свою вину, недосмотрели, мол, переоценили. Могли бы сослаться на специфическое восприятие источниковедения в русле так называемой «школы Фроянова». И им можно было бы поверить, но как поверить в то, что такую характеристику рассмотренного сочинения принял как справедливую целый ученый совет Института истории Санкт-Петербургского университета, того самого института, который еще в статусе факультета гордо заявлял о своей роли в формировании уникальной «петербургской исторической школы», особенностью метода которой является углубленное изучение именно источников. Не только принял, но и рекомендовал к печати. На самом деле, ученый совет полагает, что в рассмотренной статье продемонстрировано «филигранное источниковедение» в нормальном понимании этого выражения?

Обозначения о рекомендации книг к печати, снова скажут нам, как и прежде говорили неоднократно, давно носят по преимуществу символический характер, никаких книг ученые советы не обсуждают, а упоминание о рекомендации — лишь дань то ли традиции, то ли бюрократическим устоям. По своей наивности спросим: а допустимо

ли столь откровенно вводить читателя в заблуждение, заставляя его думать, что все заключенное в переплет действительно прошло и выдержало проверку, чтобы быть рекомендованным от лица целого учреждения? Нужно ли при публикации научных работ придерживаться отживших традиций и слепо следовать бюрократическим установлениям? И если нельзя не придерживаться и не следовать, то, может быть, прежде чем отправлять в печать книгу, проводить настоящее обсуждение или хотя бы знакомиться с представляющим ее содержание предисловием?

Неладно что-то в республике ученых! Или не «республике»? Или не совсем и не всегда «ученых»?

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АЕ	— Археографический ежегодник
АИ	— Акты исторические, собранные и изданные Археографическою комиссиею императорской Академии наук
АН	— Академия наук
АФЗХ	— Акты феодального землевладения и хозяйства
ВВ	— Византийский временник
ВИД	— Вспомогательные исторические дисциплины
ГИМ	— Государственный исторический музей
ДРВМ	— Древняя Русь. Вопросы медиевистики
ИОРЯС	— Известия отделения русского языка и словесности
ИСССР	— История СССР
НИА	— Научно-исследовательский архив
ОИ	— Отечественная история
ОИДР	— Общество истории и древностей российских при Московском университете
ОЛДП	— Общество любителей древней письменности
ОФР	— Очерки феодальной России
ПДС	— Памятники дипломатических сношений древней России с державами иностранными
ПЛДР	— Памятники литературы Древней Руси
ПСРЛ	— Полное собрание русских летописей
ПЭ	— Православная энциклопедия
РАН	— Российская Академия наук
РГАДА	— Российский государственный архив древних актов
РГБ	— Российская государственная библиотека
РД	— Русский дипломатарий
РИ	— Российская история
РНБ	— Российская национальная библиотека
СККДР	— Словарь книжников и книжности Древней Руси
СОРЯС	— Сборник Отделения русского языка и словесности
СПБII	— Санкт-Петербургский Институт истории
ТСЛ	— Троице-Сергиева лавра
ТОДРЛ	— Труды Отдела древнерусской литературы
ЧОИДР	— Чтения в Обществе истории и древностей российских при Московском университете

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Новикова О. Л.</i> Редакции перевода Жития Григория Омиритского и рукопись Досифея Соловецкого	3
<i>Белов Н. В.</i> О новейшей гипотезе происхождения Галактиона Вологодского	47
<i>Кистерев С. Н.</i> Торговая сделка 1659 года	56
<i>Солодкин Я. Г.</i> Из истории сибирской книжности XVII века (К локализации и определению источников Погодинского летописца) . . .	73
<i>Кистерев С. Н.</i> Над страницами с «неутилитарным» текстом	97
Список сокращений	111

Научное издание

ВЕСТНИК
«Альянс-Архео»

Вып. 26

Редактор
С. Н. Кистерев

Научное издательство «Альянс-Архео»
Главный редактор издательства *О. Л. Новикова*
Художник *Ю. П. Амбросов*
Компьютерная верстка и дизайн *Р. К. Жумабаев*

Подписано в печать 24.12.2018

ООО «Альянс-Архео»
105043, Москва, ул. Первомайская, д. 40/19, оф. 38
тел./факс:
— в Москве (499) 165-31-87
— в Санкт-Петербурге (911) 254-74-40
E-mail: aarheo@mail.ru

